

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт Европы
Российской академии наук

Июль
Август

4-2023

Современная **ЕВРОПА**

ISSN 0201-7083

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

4 (118) июль-август 2023 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А.А. РОЖИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ,
С.А. ЗАБЕЛИН, Д.И. КОЛЕСОВ, Р.М. ПЛЮСНИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ГОЛОВНИН М.Ю., ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю.,
МИРОНЕНКО В.И., НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

In honor of the 35th anniversary of IE RAS and the 30th Anniversary of AES. European Studies and Modern International Relations • **BAZARKINA D.** The EU Approach towards China in the Context of Countering Hybrid Threats • **ROMANOVA T.** Evolution of the “Digital Sovereignty” Concept in the EU: Constants and Dichotomies • **GOROKHOV S., DMITRIEV R.** Migration Policy in Albania: Institutional Aspects • **KHANIN (ZE’EV) V., OSKOLKOV P.** French-Speaking Jewish Community in Contemporary Israel: Sociological and Political Profile • **BAYKOV A., CROWLEY-VIGNEAU A., KALYUZHNOVA Ye.** The French Nuclear Challenge to the EU Green Energy Governance • **PORTANSKIY A.** EU-US: New Barriers to Trade • **GRISHINA I., POLYNEV A., FILATOV A.** Comparative Analysis of the Silver Economy Capacity in Russia and the EU • **GOVOROVA N.** Living Standards and Quality of Life in the EU: Challenges of “New” Reality • **SMIRNOV M.** Ecu- menism in Modern Europe: Adaptation to Secular Society • **ANDREEVA L.** Features of Hybrid Identity of the Second/Third Generation of European Muslims • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko and Security Policy: Setting up for Helsinki • **EREMIN D.** The first Post-War Electoral Campaign in the Modern Statehood of Bosnia and Herzegovina • **KOLOMIN V.** Common Fisheries Policy in the Light of Brexit

INHALT

Zum 35. Jubiläum von IE RAS und zum 30. Jubiläum von AES. Europäische Studien und Moderne Internationale Beziehungen • **BAZARKINA D.** Ansatz der EU zu China angesichts des Kampfs gegen hybriden Bedrohungen • **ROMANOVA T.** Evolution des Konzepts der “digitalen Souveränität” in EU: Konstanten und Dichotomie • **GOROCHOV S., DMITRIEV R.** Migrationspolitik Albaniens: institutionelle Aspekte • **HANIN V. (ZEEV), OSKOLKOV P.** Französischsprachige jüdische Gemeinschaft im heutigen Israel: politisch-sozialer Bild • **BAYKOV A., CROWLEY-VIGNEAU A., KALYUZHNOVA Ye.** Französische nukleare Herausforderung für die grüne Energiepolitik der EU • **PORTANSKIY A.** EU – USA: neue Barrieren in Handel • **GRISCHINA I., POLYNEV A., FILATOV A.** Vergleichende Analyse des Umfangs der Seniorenwirtschaft • **GOVOROVA N.** Lebensqualität in EU: Herausforderungen der “neuen” Realität • **SMIRNOV M.** Ökumene im modernen Europa: Anpassung an die säkulare Gesellschaft • **ANDREEVA L.** Besonderheiten der hybriden Identität der zweiten/dritten Generation der europäischen Muslime • **SINDEEV A.** A.A. Gromyko und Sicherheitspolitik: Einstellung zu Helsinki • **EREMIN D.** Erster Wahlkampf der Nachkriegszeit im Ausbau der Eigenstaatlichkeit der Bosnien und Herzegowina • **KOLOMIN V.** Faktor der gemeinsamen Fischereipolitik angesichts des Brexits

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

К 35-ЛЕТИЮ ИЕ РАН И 30-ЛЕТИЮ АЕВИС

Европейские исследования и современные международные отношения	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Базаркина Д.Ю.</i> Подходы ЕС в отношении Китая в контексте борьбы с гибридными угрозами	48
<i>Романова Т.А.</i> Эволюция концепции «цифровой суверенитет» в Евросоюзе: константы и дихотомии	62
<i>Горохов С.А., Дмитриев Р.В.</i> Миграционная политика Албании: институциональные аспекты	77
<i>Ханин В. (Зезев), Осколков П.В.</i> Франкоязычное еврейское сообщество в современном Израиле: политико-социологический портрет	89
<i>Baykov A., Crowley-Vigneau A., Kalyuzhnova Ye.</i> The French Nuclear Challenge to EU Green Energy Governance	104

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Портанский А.П.</i> ЕС – США: новые барьеры в торговле	119
<i>Гришина И.В., Полынев А.О., Филатов А.С.</i> Сравнительный анализ масштабов серебряной экономики в России и Евросоюзе	132
<i>Говорова Н.В.</i> Уровень и качество жизни в ЕС: вызовы «новой» реальности	146

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

- Смирнов М.Ю.** Экуменизм в современной Европе: адаптация
к секулярному обществу 157
- Андреева Л.А.** Особенности гибридной идентичности
второго/третьего поколения европейских мусульман 170

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Синдеев А.А.** А.А. Громыко и политика безопасности: настройка
на Хельсинки 183

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Ерёмин Д.П.** Первая послевоенная избирательная кампания
в становлении современной государственности
Боснии и Герцеговины 195
- Коломин В.О.** Фактор общей рыболовной политики
в свете брекзита 207

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492*

К 35-ЛЕТИЮ ИЕ РАН И 30-ЛЕТИЮ АЕВИС

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

26-27 апреля 2023 года в Институте Европы РАН прошли мероприятия Форума «Россия, Европа, мир», приуроченного к 35-летию основания Института и 30-летию создания Ассоциации европейских исследований. Публикуем аналитический обзор выступлений участников научной конференции «Европейские исследования: политика, экономика, безопасность».

Вступление

Ал.А. Громыко^{*}. На фоне усиления кризисных явлений в глобальных процессах, фрагментации мирового политического, экономического пространства, разрушения сферы безопасности особую актуальность приобретает концептуальное осмысление происходящих перемен. Во весь рост встают вопросы цивилизационного взаимодействия, исторической динамики отношений между Россией и другими частями света, феномена евразийской природы её цивилизационного развития, противостояния парадигм универсализма и полицентризма.

Всё больше места цивилизационной тематике отводится на страницах ключевых официальных документов. В новой редакции Концепции внешней политики РФ, утверждённой в марте 2023 г., говорится об особом положении России как самобытном государстве-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державе. Продолжается изучение кризиса «либерального мирового порядка» и упадка легитимности «американской империи». Происходит столкновение взглядов о формирующейся структуре отношений между ведущими центрами силы, в том числе в терминах «политической геометрии». Идёт поиск новой модели мировой экономики и путей преодоления кризиса в экономической науке и теории. Переосматриваются традиционные подходы к представлениям об экономических последствиях феномена региональной интеграции, о соотношении её выгод и издержек. Концептуальные споры и научный поиск в отношении состояния глобализации, мировой политики, экономики протекают параллельно со столкновением принци-

^{*} *Алексей Анатольевич Громыко* – член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН.

пиально разных подходов к будущему международной безопасности, контроля над вооружениями.

В последнее десятилетие инициированы крупные стратегические проекты, например, американский «поворот к Азии» и российский «разворот на восток». В свете этого встаёт задача аналитической оценки их претворения в жизнь. В зависимости от точности промежуточных выводов, их всесторонней обоснованности и способности политических игроков к их восприятию и учёту, внешнеполитические стратегии могут демонстрировать низкую или высокую степень адаптации. Такие вызовы стоят в ходе претворении в жизнь концепций «большого евразийского партнёрства», «американского лидерства», «мира, основанного на правилах», энергоперехода, китайских инициатив по глобальному развитию и глобальной безопасности и др.

Европейская часть Запада при всём накопленном богатстве продолжает постепенно терять свои преимущества в пользу других. Прокси-война Запада против России на Украине, санкционная война с Москвой, курс на полный отказ от российских энергоресурсов, потеря крупного внутреннего рынка России причиняют серьёзный вред экономическим позициям ЕС, особенно странам с энергоёмкими промышленными производствами. Значительная часть европейского бизнеса ещё надеется со временем возобновить активную деятельность в РФ. Со своей стороны, США, при всей демонстрации евроатлантической солидарности, проводят прагматичную политику в собственных интересах. Очередной демонстрацией этого стал Акт о снижении инфляции и последовавший драматический диалог ЕС с Вашингтоном об учёте союзниками по обе стороны Атлантики интересов друг друга.

В отношениях с Россией европейские страны и организации всё больше расходятся со странами глобального Юга. Но бывший Третий мир неоднороден. Его симпатии в адрес России, тем более, союзнические отношения не гарантированы, и борьба за них растянется на долгое время. Та же логика применима в отношениях с Западом, когда у России сохраняется возможность манёвра в зависимости от национальных интересов различных государств.

I. Исследования международных отношений и отечественная европеистика

А.А. Дынкин*. Однополярный мировой порядок окончательно рухнул 24 февраля 2022 г. Текущее состояние мироустройства является переходным к будущему миропорядку. В октябре прошлого года на Валдае Владимир Владимирович Путин коротко и точно сформулировал текущую ситуацию: «Мир на перепутье, мы вступили, возможно, в самое опасное, непредсказуемое, и в то же время самое важное десятилетие с момента окончания Второй мировой войны». Мне представляется, что это достаточно точная характеристика современного международного положения.

Многополярность – это цель, но ещё далеко не политическая реальность. Пока в северном полушарии наблюдается жёсткая биполярность, и в этом смысле напра-

* *Александр Александрович Дынкин*, академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М. Примова РАН, академик-секретарь ОГПИМО РАН.

шивается аналогия со второй половиной XX века. Текущая холодная война уже политизировала конкуренцию по стратегическим продуктам, таким как: энергия, продовольствие, микропроцессоры, редкоземельные металлы. Климатическая повестка стала вытесняться энергобезопасностью – декарбонизация, как глобальная проблема, на мой взгляд, откладывается.

Пандемия и украинский кризис нанесли двойной удар по глобализации. Глобализация лишилась таких своих базовых основ, как дешёвые деньги, дешёвая рабочая сила, дешёвая энергия и недорогая логистика. Сегодня всё это в прошлом. Другими словами, тот постглобальный мир, в котором мы сегодня живём, стал фрагментированным, неопределённым и поэтому неустойчивым. Уже ясно, что 17 целей устойчивого развития ООН к 2030 г. достигнуты не будут. Косвенное признание этого содержится в последнем докладе ООН о человеческом развитии: «Новый комплекс неопределённости достиг масштабов невиданных в человеческой истории. Он складывается из трёх причин: климатическая дестабилизация, кризис неравенства и повсеместно усиливающаяся политическая поляризация и даже конфронтация».

Полагаю, что эти реалии уже привели к смене парадигмы внешней политики России от прежней модели «Восток – Запад» к модели «Север – Юг». Теперь, на мой взгляд, концептуально актуально не «от Лиссабона до Владивостока», а «от Мурманска до Шанхая и Мумбаи», то есть от горизонтального к вертикальному меридиану политического и экономического мышления. Такая смена менталитета и практики неизбежна во многих сферах не только с точки зрения логистики и инфраструктуры, но и в деловых отношениях, в инвестициях, медийной политике и, конечно, в наших исследованиях.

В ИМЭМО мы ещё в 2015 г. пришли к выводу о неизбежности биполярности и начали структурную перестройку организации. Был создан Центр постсоветских исследований, и сегодня он один из самых востребованных подразделений Института. Сильно укрепили китайское направление, открыли Центр Ближнего Востока и Отдел Южной Азии. Всё это было сделано силами молодых исследователей в возрасте до 40 лет со знанием региональных языков.

Период, когда Европа была той кухней, где готовился очередной мировой порядок, и которая, начиная с Петра Великого, была образцом для подражания и ролевой моделью для России, сегодня завершается. России предстоит переосмыслить себя как самодостаточный развитый Север, партнёр глобального Юга и большого Востока, как активный участник будущего полицентричного мирового порядка. Последний, очевидно, будет формироваться не в Трансатлантике, не в Европе, а в Евразии и бассейне Тихого Океана.

С точки зрения европеистики считаю важным сравнительный анализ отношений Европейского союза с Китаем и Соединёнными Штатами – где в них общее, где различия, каковы перспективы сотрудничества Евросоюза с этими двумя государствами. Всё более важны отношения ЕС с Индией, а также его военная активность в Индо-Тихоокеанском регионе.

Востребован мониторинг, анализ и прогноз отношений РФ и Белоруссии, изучение стран Балтийского региона, положение Калининграда как российского эксклава, который находится не в простой экономической и геополитической ситуации.

Необходимо продолжать изучать идею «глобальной Британии» после брекзита, чтобы понять – это провал или успех. И более широко – какое состояние взаимоотношений в англосаксонском мире.

Возрастает значение отношений между Европой и Африкой. Сегодня Европа находится под миграционным ударом, направленном из этого континента. Климатические изменения будут, с моей точки зрения, только отягощать миграционную проблему.

Конечно, важно анализировать отношения стран ЕС с Центральной Азией и Закавказьем. Необходимо отдельно заниматься Польшей, которая имеет большие амбиции и является на сегодня одной из самых враждебных России государств в Европе, проводить анализ польской экономики и политических процессов.

И.С. Иванов *. Европа и наши отношения с ней за последние несколько десятилетий прошли сложный период развития. На этом пути были далекоидущие планы, надежды, были разочарования, неудачи, приходилось и приходится вновь и вновь искать ответы на возникающие проблемы. При этом важно сохранять научный подход к анализу происходящих событий, избегать конъюнктурных суждений.

В советское время были высоко востребованы в партийных и государственных органах материалы академических институтов. В том числе готовились долгосрочные прогнозы. Материалы научных центров широко использовались для подготовки последующих документов, определявших среднесрочную и долгосрочную политику нашей страны, в том числе в области внешней политики. Позже, на каком-то этапе это творческое сотрудничество между академическими учёными и властными структурами было утрачено в силу различных причин. Сейчас оно постепенно восстанавливается и важно, чтобы эта тенденция сохранилась.

В условиях, в которых находятся международные отношения, требуется выверенный, научно обоснованный анализ событий, особенно когда речь идёт о переломных моментах в мировой политике. В первую очередь важно учитывать долгосрочные интересы и обстоятельства. Недавно принята новая Концепция внешней политики России. Там совершенно по-новому ставится целый ряд вопросов, касающихся международной ситуации, в частности, политики РФ в отношении Европы, содержатся достаточно жёсткие формулировки. Вместе с тем ставится задача формирования на последующем этапе новой модели сосуществования с европейскими государствами, в том числе с учётом потенциала многосторонних форматов, включая Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Мы вступили в новый и трудный этап в отношениях с Европой. Раньше речь шла о формировании единого пространства от Владивостока до Лиссабона. В это вкладывалось многое, в том числе общие пространства политическое, экономическое, культурное, гуманитарное. Пытались сформировать единое пространство евроатлантической безопасности, за чем стояла не импровизация, а серьёзная работа и продуманные шаги. Теперь важен серьёзный прогноз: в чём причины происходящего, почему

* **Игорь Сергеевич Иванов**, член-корреспондент РАН, президент Российского совета по международным делам (РСМД), Министр иностранных дел РФ в 1998–2004 гг., Секретарь Совета Безопасности РФ в 2004–2007 гг.

случились глубокие сбои, ведь мы говорим фактически о переориентации в значительной мере российской внешней политики. А переориентация внешней политики такого глобального игрока, как Россия, это, как все понимают, масштабная задача.

В этой работе главное не допускать ошибок. Помимо эмоций, которые в силу текущих событий сильны, необходимо с холодной головой и с научных позиций проанализировать современный мир, эффективность тех или иных долгосрочных проектов, как и причины тех или иных неудач. Носят ли последние стратегический или конъюнктурный характер, по каким причинам они произошли. Одним словом, надо решать не столько сиюминутные проблемы, сколько провести глубокий анализ.

Вспоминаю, как в МИДе, в период Э.А. Шеварднадзе, было создано специальное подразделение. Сначала на заседаниях коллегии мы отбирали темы, которые представляли долгосрочный интерес, и затем формировали задания для академических институтов, даже с определённым финансированием. Новое дыхание такая практика обрела в период, когда министром иностранных дел был Е.М. Примаков, который был и учёным, и практиком, и государственным деятелем. Он прекрасно понимал важность такой задачи, выстраивал тесные отношения со всем академическим сообществом, делал ставку на всесторонний анализ.

В его бытность министром вырабатывались многие международные соглашения, в том числе договор с НАТО – Основополагающий акт, долгосрочные проекты с Европейским союзом. И сегодня нельзя говорить только о негативном опыте в истории отношений России с ЕС, потому что был значительный объём экономического, научно-технического сотрудничества, что приносило немало пользы по многим направлениям. Сегодня важно не растерять имевшийся позитив, формируя задачи на будущее.

Я обратил внимание на то, что в Распоряжении Совета министров СССР от 28 сентября 1988 г. о создании Института Европы отдельной строкой поручается Министерству иностранных дел организовать ежегодное командирование специалистов Института в посольства СССР в странах Западной Европы. Иными словами, уже тогда ставилась задача объединения усилий научного сообщества и практиков для всестороннего обоснования наших шагов во внешнеполитической сфере. Сегодня это было бы востребовано ещё больше.

С.Д. Бодрунов* . Сложно переоценить значение европейских исследований для научного осмысления происходящих процессов в Европе в геополитических, экономических, социальных, миграционных областях, их последствий для определения роли и места России в системе современных международных отношений. В текущих условиях, в условиях слома, реформирования мирового геоэкономического и геополитического устройства, в условиях формирования полицентричного мира работа по анализу, прогнозированию, выявлению закономерностей социально-экономического развития нашей страны, СНГ в контексте отношений с Западной и Восточной Европой приобретает особую актуальность. Фундаментальные и прикладные научные разработки призваны решать насущные задачи, стоящие перед нами.

* *Сергей Дмитриевич Бодрунов*, член-корреспондент РАН, президент Вольного экономического общества России, президент Международного союза экономистов.

В последние годы мы наблюдаем большой прогресс в отношениях между наукой и властью. Ценным источником информации по трансформационным процессам в Европе, на постсоветском пространстве являются академические разработки. Отмечу работу ежегодного Московского академического экономического форума. Жизнь ставит новые задачи по уточнению выбора путей развития, стратегических ориентиров социально-экономического развития страны, по поиску возможных механизмов и средств их решения.

А.А. Кубрин* . Сегодня мы наблюдаем, как меняется бывшая комфортная Европа. Эти изменения имеют важное значение для России, Беларуси, Союзного государства. Как должна меняться идеология их развития? Единое пространство «от Лиссабона до Владивостока» осталось в прошлом. «Политика – концентрированное выражение экономики» – классическое выражение. Как такой принцип работает на европейском пространстве? Фактически, политика, которую в Европу приносят из-за океана, реально разрушает экономику. И не только между Россией и Белорусью с Европой, а в том числе и их внутреннюю экономику. Внешнее влияние заставляет перестраивать связи в Европе, создаёт искусственные противоречия между экономикой и решениями, которые принимаются политиками.

Обостряются вопросы безопасности – происходит обрушение всей системы европейской безопасности, и это в корне безответственная политика европейских лидеров. Продолжают своё движение огромные миграционные потоки, которые накатывают на Европу в условиях отсутствия реальной готовности к этому. В последнее время миграционный поток с Украины в Европе привносит не только абсолютно новую идеологию, но он ярко русофобский. А ведь до недавнего времени многие европейские страны плотно работали с нами по миграционной проблематике. Но всплеск антироссийской идеологии привносит глубокие противоречия.

С точки зрения Союзного государства одна из основных проблем, которая на сегодня в Европе практически не решается, это действительно вопрос миграции. В его решении общей идеологии нет. По сути, возникла ситуация деструктивного развития. То есть деятельность европейских органов ведёт лишь к усугублению проблем. На этом фоне важно сказать о нескольких документах, которые дают возможность России и Беларуси действовать сообща в этой области. В конце прошлого года утверждена Концепция миграционной политики с соответствующими планами реализации. В начале нынешнего года принята Концепция информационной безопасности. Так как речь идёт о больших потоках людей, требуется соответствующее информационное обеспечение, чтобы понять, какие группы людей и куда перемещаются, где имеет место трудовая миграция, а где культурная, образовательная.

6 апреля с.г. на заседании Высшего Государственного Совета Союзного государства принято решение и даны поручения разрабатывать общую Концепцию безопасности Союзного государства. В прошлом году было подписано соглашение о взаимном признании виз, с тех пор ратифицированное. Таким образом, мы создали внутрисоюзный «микро-Шенген», который позволяет гораздо эффективнее исполь-

* **Алексей Александрович Кубрин**, заместитель Государственного секретаря Союзного государства, член Постоянного комитета.

зовать возможности граждан третьих государств, которые могут теперь беспрепятственно приезжать и в Россию, и в Белоруссию, перемещаться по территории Союзного государства. Практически по всем направлениям, которые в Европе являются критичными, в Союзном государстве разработан определённый перечень документов, и главное – он реализуется на практике. Существует широкий перечень документов, которые обеспечивают взаимодействие и министерств обороны, других структур, то есть всё поставлено на программно-плановый подход.

Н.С. Кобринец^{*}. Мы живём, действительно, в сложное время, происходит коррозия американско-центричного миропорядка, формируется более справедливый, многополярный мир. Мы являемся свидетелями рассредоточения власти на глобальном уровне, укрепления позиций незападных игроков, региональных государств-лидеров и объединений. К сожалению, возрастает роль фактора силы в международных делах, центральный и драматичный разлом в отношениях России и Запада происходит именно на территории Европы.

Важный аспект – усиливается ценностное противостояние. Правящие элиты стран Запада переступили грань здравого смысла в продвижении неолиберальной повестки, в попытках сломать традиционное устройство общества и семьи. Это спровоцировало заметное отторжение западной модели и рост запроса на самобытность, ренессанс национального самосознания, на возрождение региональных культурных форм. Влияние культурно-цивилизационного фактора на мировую политику растёт. В основу нового глобального порядка закладываются более справедливые универсальные ценности межгосударственных отношений.

Не лишне их перечислить: суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, свобода выбора государственной модели развития социального, политического и экономического устройства, отказ от двойных стандартов, ненападения ущерба безопасности других государств, поиск компромисса, сотрудничество на основе равноправия, баланса интересов и взаимной выгоды. Это верховенство права в международных отношениях, а не пресловутый «миропорядок, основанный на правилах».

Последние два десятилетия Россия делала всё, чтобы вооружённого конфликта на Европейском континенте не было. Мы указывали на общность задач, решение которых требовало сотрудничества и координации усилий: угроза терроризма, изменение климата, миграционные потоки, бедность. Призывали уйти от концепции времён холодной войны, от конфронтации и геополитического соперничества. Прикладывали, без преувеличения, колоссальные усилия, чтобы выстроить архитектуру равной и неделимой европейской и евроатлантической безопасности. Страны Запада не поддержали ни одну из этих инициатив, отказались от ратификации адаптированного ДОВСЕ, не приняли проект Договор о европейской безопасности, представленный в 2008 г., не стали обсуждать проект соглашения об основах взаимоотношений в сфере безопасности государств-членов Совета Россия – НАТО от 2009 г., ушли от предоставления гарантий ненаправленности системы ПРО про-

^{*} **Николай Сергеевич Кобринец**, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ.

тив российских стратегических ядерных сил. По их вине ушли в прошлое Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по открытому небу.

Одновременно НАТО продолжала расширяться на восток, уверяя, что это создаст пояс дружелюбных государств вокруг России; наращивала боевой потенциал вблизи границ РФ; в Польше и Румынии размещали системы ПРО. В стремлении геополитически освоить постсоветское пространство Запад приводил к власти в соседних с нами странах русофобские элиты, потворствовал даже тем, кто исповедовал откровенные неонацистские взгляды. Российские озабоченности в связи с нарушением интересов страны в сфере экономики и безопасности, притеснением русского населения игнорировались.

К 2022 г. на территории Украины был создан режим, готовый не только к оборонительным, но и к наступательным действиям против РФ. В декабре 2021 г. Россия поставила вопрос ребром о предоставлении США и их союзниками по НАТО долгосрочных юридически обязывающих гарантий безопасности. Однако они отказались работать по представленным проектам. С февраля 2022 г. в наших отношениях с Евросоюзом наступил «ледниковый период». Полностью прекращён политдиалог, почти целиком демонтированы механизмы взаимодействия в торговле, экономической, энергетической и иных сферах. ЕС стал абсолютно не самостоятельным в принятии ключевых решений. Это подтверждают примеры его отказа по требованию Вашингтона от российского газа, который обеспечивал десятилетиями процветание Европы; готовность стран-членов ЕС покупать дорогостоящие вооружения у США взамен поставляемого на Украину; безволие ЕС в истории с подрывами ниток газопровода «Северный поток»; прослушка американскими спецслужбами руководства европейских стран и многое другое.

Показательна подписанная 10 января этого года совместная декларация ЕС – НАТО. Из неё следует, что альянс в интересах Вашингтона окончательно подмял под себя Евросоюз, по сути, превратив его в свой экономический придаток. Помимо географического расширения Североатлантический блок интенсивно осваивает все пять так называемых операционных сред: сушу, море, воздух, космос, киберпространство. С претензией на роль глобального игрока безопасности стремится распространить своё влияние за пределы европейского пространства, подтягивая к себе страны-единомышленники – Австралию, Новую Зеландию, Южную Корею, Японию. Оказывает давление на наших партнёров в Африке, Азии и Латинской Америке. Продолжается ползучее освоение постсоветского пространства, продвигается политика «открытых дверей» для Грузии, Молдавии, Украины. Вся эта деятельность осуществляется прежде всего с целью сдерживания России, а попутно и Китая. Такие задачи чётко зафиксированы в стратегической концепции НАТО, принятой в 2022 году.

Несколько слов об ОБСЕ. Организация создавалась как крупнейшее общеевропейское объединение. Идея заключалась в совместной работе суверенных государств с общим видением построения подлинной единой Европы на основе разделяемых всеми фундаментальных ценностей. В условиях нынешней геополитической турбулентности работа на этой площадке деградировала. В период председательства в ОБСЕ в 2022 г. Польша фактически обнулила потенциал организации, полностью отошла от коллективно согласованных государствами-участниками правил. Она даже

не выполнила свои обязательства страны-председателя, не дав возможность российской делегации участвовать в итоговой встрече ОБСЕ в прошлом декабре.

Были робкие надежды, что этот порочный вектор попытается изменить ныне действующее северомакедонское председательство, но этого не произошло. Стиль работы македонской дипломатии мало чем отличается от польского. США и их сподручные, по сути, приватизировали ОБСЕ, работают на разрушение организации. Естественно, значительное количество государств-участников ОБСЕ не удовлетворены подобным положением дел. Появился закономерный вопрос: что делать с такой ОБСЕ? Его задают и ближайшие союзники России по ОДКБ, ряд партнёров по СНГ и другие государства-единомышленники. Надежды на то, что болезнь не зашла слишком далеко, становится всё меньше.

Контурсы многополярного мира уже просматриваются. Укрепляется взаимодействие в рамках таких объединений, как ШОС, БРИКС, ОПЕК+, АСЕАН+. Очевидны роль и потенциал «Группы двадцати». Будем развивать Большое евразийское партнёрство на основе сопряжения Евразийского экономического союза и китайского проекта «Один пояс – один путь». Именно на этих основах будет формироваться философия новой архитектуры безопасности и подлинно открытого взаимодействия по самому широкому спектру направлений. Хотелось бы, конечно, надеяться, что со временем здравомыслие в Европе возобладает. Мы сохраняем дипломатические каналы открытыми, но иллюзий не строим. Сейчас с западниками по большому счёту говорить просто не о чем.

С.М. Рогов^{*}. В новой концепции внешней политики России содержатся новые важные формулировки. Например, Европа определяется, как западная часть Евразии, а главной целью российской внешней политики объявляется создание единого евразийского континентального пространства. В документе отмечается, что европейские страны проводят враждебную политику в отношении России.

Ситуация крайне непростая, противостояние «коллективного Запада» и России продолжает усиливаться. Много говорят о гибридной войне. Считаю, что это неправильный термин. Скорее, правильно говорить о «прокси-войне», которая ведётся против России. Для нас как учёных, исследователей задача заключается в том, чтобы найти способы стабилизировать ситуацию, не допустить её дальнейшего ухудшения, соскальзывания к прямому военному конфликту, эскалация которого может обернуться ядерной войной. Если мы сможем как-то стабилизировать отношения, то это создаст возможности в дальнейшем, через несколько лет, их частично нормализовать.

А.М. Васильев^{**}. Мы являемся свидетелями ломки старой миросистемы и выработки каких-то новых форм её существования. Этот процесс не единовременный и он начался задолго до событий на Украине. Суть его в том, что по ряду причин не-Запад развивается быстрее Запада, особенно Европы. Мы разрабатывали эту

^{*} *Сергей Михайлович Рогов*, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН.

^{**} *Алексей Михайлович Васильев*, академик РАН, почетный президент Института Африки РАН.

идею давно, и она уже стала фактом. За это время сверхдержавой, равной США, стал Китай. Индия идёт тем же путём, отставая от Китая лет на двадцать, но тоже превращается в сверхдержаву.

Хотел бы привести два ярких примера. Нынешний авторитарный руководитель Саудовской Аравии, наследный принц Мухаммед Бен Салман при встрече с президентом США прочитал ему небольшую лекцию, а надо сказать, что он тщательно готовится к подобным встречам. Смысл сказанного им был в следующем: да, господин президент, у нас есть общие принципы, но мы по-разному их понимаем; так, как вы интерпретируете эти принципы и как вы вели себя в Афганистане и Ираке, это была контрпродуктивная политика. И дальше развивал эту мысль, упомянул даже тему американской тюрьмы Абу-Грейб, где пытали заключённых в Ираке.

Спустя некоторое время сын короля при встрече с китайским лидером заявил, что поздравляет Си с успехами XX съезда Коммунистической партии Китая, что у двух стран общие цели, что они являются стратегическими союзниками, что «Один пояс – один путь» совпадает с планами Саудовской Аравии, которая придерживается политики «одного Китая» и одинаковой политики по украинскому вопросу. Эти примеры – отдельные элементы того самого слома старого порядка и превращения его в новую миросистему.

В отношении европеистики хотел бы выделить социальные, религиозные, культурные изменения в Европе. Население Земли в целом идёт к самой большой революции за многотысячелетнюю историю человечества. Примерно в середине XXI века произойдёт прекращение роста населения мира. Единственным поставщиком рабочей силы и новых рабочих рук останется Африка. Если будет линейное развитие текущей ситуации, то через 30 лет нынешнее более чем 200-миллионное население Нигерии будет больше всего населения Европы. То есть страна демографически разрывается, и этот поток хлынет прежде всего в Европу. Будет нарастать «афроазиатизация» мира, в особенности «африканизация». Каждый четвёртый человек на Земле будет африканцем. Как это будет воздействовать на общую ситуацию, трудно предсказать.

А.Д. Некипелов*. В плане экономической теории хотел бы затронуть проблему «общественного выбора». Идея заключалась в том, чтобы решить на первый взгляд несложную задачу: есть члены группы, и не важно, речь идёт об очень локальной группе или о планетарном сообществе. Есть ли какая-то возможность представить, каким образом формируется система предпочтений группы и согласуются интересы её членов? Минимум в трёх случаях присуждения Нобелевских премий по экономике фигурировал вклад в решение именно этой проблемы. Исследователи, каждый по-своему, пришли к тому, что ситуация, оказывается, цикличная. Выясняется, что для того, чтобы согласовать интересы членов группы, нужно согласовать то, как вы их будете согласовывать.

Обычно такого рода циклические вещи походят на тавтологию, но здесь случай другой. Здесь речь идёт о реальной цикличности. Если под этим углом зрения посмотреть на историю развития, становления, затем распада самых разных групп, то

* *Александр Дмитриевич Некипелов*, академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова.

проблема предстаёт в новом свете. Предложу версию, что сегодня мы как раз вступили в тот период, когда прежде казавшиеся в целом разумными и устоявшимися правила взаимодействия в силу различных причин оказались не устраивающими всех участников процесса. В результате мы вступили в тяжёлый и, видимо, длительный период перестройки и согласования новых правил игры.

А.А. Байков* . Наша общая задача состоит в том, чтобы показать учащимся долгосрочную повестку исследований. Она связана с тем, как меняется мир, Европа, Европейский союз, европейские общества. В будущем они станут во многом неузнаваемыми, включая социальные структуры, и эту проблему надо изучать. Россия, которая значительной своей частью находится в Европе, не может находиться в стороне, наблюдая беспристрастно, нейтрально за тем, как меняется Европа. В этом необходимо участвовать, не давая Европе забыть о своей европейскости, о тех корнях, ценностях и традиционных, и идеологических, с которыми выросли все общества христианского круга.

Д.М. Розенталь** . В условиях обострения международных отношений мы всё больше говорим о «повороте на Восток», о переориентации на не-западные регионы. Наверно, это правильно, и мне как латиноамериканисту эта позиция близка. Но именно в условиях международной напряжённости понимание социально-политических, экономических процессов в Европе, в странах Евросоюза имеет огромное значение. В Латинской Америке есть огромное количество европейского. Во многом сохранившееся в этом регионе, оно влияет на политическую культуру Европы, на политические традиции, во многом создаёт почву для взаимодействия двух регионов. Евросоюз активно присутствует на просторах Латинской Америки. Испания в этом смысле один из наиболее ярких примеров, учитывая, что эта страна давно и активно осваивает ибероамериканское пространство. Страны Евросоюза активно взаимодействуют с российскими партнёрами в Латинской Америке – Куба, Венесуэла, Боливия, Никарагуа и многие другие, участвуют в урегулировании тех или иных кризисов. Интеграционные процессы, которые происходят на территории Латинской Америки, во многом ориентируются на европейский опыт, и это необходимо учитывать.

В.Г. Барановский*** . В российской внешней политике, если упрощать, есть два содержательных компонента. Первое – это острый антиамериканский стержень, и второе – идея «поворота на Восток». Если быть более точным – поворот в сторону не-Запада. В этой связи возникает некая амбивалентность касательно Европы.

С одной стороны, она попадает в зону противостояния нашей стране согласно формуле «Россия vs Запад». Почти вся Европа, вместе с США и рядом других стран – часть того, что у нас называют «коллективным Западом».

* *Андрей Анатольевич Байков*, к.полит.н., проректор МГИМО(У) МИД РФ по научной работе.

** *Дмитрий Михайлович Розенталь*, к.и.н., директор Института Латинской Америки РАН.

*** *Владимир Георгиевич Барановский*, академик РАН, член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, научный руководитель Центра ситуационного анализа.

С другой стороны, в своё время, когда «разворот на Восток» ещё только начинался, это был не отказ от европейского курса, а перераспределение ориентиров в отношениях с окружающим миром. То есть речь шла о выстраивании более сбалансированной линии. Но здесь сильнейшим дополнительным импульсом, конечно, оказались украинские события. В результате мы становимся свидетелями грандиозного разрыва с Европой, который носит драматический характер и в практическом плане, и в концептуальном, и в пропагандистском. По всем основным параметрам Россия входит в зону риска с точки зрения своих внешнеполитических интересов. Ведь связи с Европой торгово-экономические, инвестиционные и прочие всегда являлись одной из важнейших составляющих внешней политики нашей страны, мощным ресурсом её позиционирования в международных делах.

Если кто-то считал, что Европа тем самым оказывалась от нас в зависимости, то это было верно лишь отчасти. Речь всегда шла о взаимной зависимости сторон друг от друга. В Европе свою часть зависимости от нас во многом преодолевают, хотя и не без издержек. Пока не ясно, насколько это получится у нас, и какие в этом будут плюсы. Здесь важен общий подход: «мы за ценой не постоим» или «цена имеет значение». Первый обоснован идеологически, эмоционально, исторически, в ценностной системе координат; второй акцентирует внимание на рациональных, прагматических мотивах и обращает внимание на издержки.

В сфере внешней политики, политики безопасности одна их важных проблем для нашей страны всегда касалась положения дел в связке Европа – США. И здесь тоже было два разных подхода: первый – Европа полностью зависит от Соединённых Штатов и является их лакеем; второй – у неё есть свои интересы и возможности их отстаивать. Возможности эти более чем ограничены, но всё-таки создают для нашей страны некоторый дополнительный ресурс в большой игре на международной арене.

Вспоминаю из далёкого советского прошлого, как молодым исследователем ИМЭМО был приглашён на одно из обсуждений в Министерство иностранных дел. Там звучала именно эта тема: как относиться к американо-западноевропейским отношениям. Два обозначенных подхода были чётко артикулированы. Одни специалисты считали, что Европа – это та величина, по поводу которой говорить особо нечего, что она была и останется в подчинении у Соединённых Штатов. Другие упоминали феномен голлистской внешней политики, нежелание союзников Вашингтона поддерживать его во вьетнамской войне, специфику европейских подходов к ближневосточной ситуации. Так что дуализм в этом вопросе имеет только на моей памяти не менее чем полувековую историю. А фактически уходит своими корнями в первые годы после Второй мировой войны.

Сегодня понятно, какая точка зрения берёт верх. Но это не значит, что она абсолютна и безусловна. Здесь важно – не впадать в крайности. Крайние оценки (то обвинять европейцев, что они не имеют никакой самостоятельности, то рассчитывать, что их и американцев удастся развести по разные стороны баррикад) всегда ведут к неадекватному восприятию и неадекватной реакции.

В этом, мне кажется, тоже есть сильный оттенок *déjà vu*. Сейчас считается, что в Европе русофобия на марше, что так было чуть ли испокон веков, что там прева-

лируют оценки в русле взглядов маркиза де Кюстина. Забывается, что со стороны Европы были периоды очарования Россией, всплески позитивных эмоций.

Мы не должны игнорировать и цивилизационную близость России и Европы. Россия всё-таки гораздо больше Европа, чем Азия. У нас корни с Европой одни. А ведь ныне среди основ нового международного порядка цивилизационный фактор оценивается как один из самых важных.

Конечно, перед нашей страной стоит задача строить вокруг себя нормальную (а лучше благоприятную) окружающую среду. Политика «разворота на Восток», которая началась задолго до 2022 г., уже дала хорошие результаты, позволила внести во внешнеполитическую копилку России важные аргументы. Но здесь возникает очень непростой вопрос о соотношении тактики и стратегии. К тому же векторы внешних предпочтений могут меняться даже у крупных государств. И нам, отслеживая движение раскачивающегося внешнеполитического маятника, нужно думать не только о текущей, но и о следующей фазе в развитии международных дел.

Считаю, что в наших размышлениях о будущем целесообразно иметь в виду три возможных проблемных и временных горизонта.

Первый – это Украина. Урегулирование или договоренность о некотором *modus vivendi*: в какой форме выходить из кризиса. Альтернативой будет затяжной конфликт, война на истощение.

Второй горизонт – это трудное налаживание новой постконфликтной нормальности. Пример: неожиданно возникла тема Северной Европы и Балтики, хотя на протяжении долгого времени этот регион традиционно считался одним из самых спокойных и беспроблемных. Теперь Балтийское море превращается во «внутреннее озеро» НАТО. Непростая ситуация складывается и применительно к Чёрному морю. Понадобится долгое время и немало усилий, чтобы возникло успокоение умов и сформировалась «новая нормальность». Насколько длительным и трудным окажется этот процесс – будет зависеть от того, как станут складываться отношения между Россией и Европой.

Наконец, третий горизонт – несколько более отдалённый (фаза постнормализации), но главное более широкий. Что будет происходить в отдалённой перспективе, какой будет миропорядок, кто образует ядро будущей системы, какое место в ней займут Россия и Европа, с кем им и нам будет проще находить общий язык, кому мы будем интересны, как скажется на наших взаимоотношениях такой огромный фактор, как Китай, каким будут роль и влияние Ближнего и Среднего Востока, Африки... Считать, что здесь создан некоторый запас прочности на будущее, а дальше всё само собой сложится – было бы как минимум излишней самонадеянностью. Время трудных раздумий на этот счет уже наступило.

И.О. Абрамова* Затрону тему «Европа и Африка». Во-первых, рассмотрим интересы Европы. Что такое Африка для Европы? В первую очередь, традиционно это источник ресурсов. Второе – это рынок для сбыта европейской продукции. Третье – это зона сильного политического и культурного влияния и позиционирования Ев-

* *Ирина Олеговна Абрамова*, член-корреспондент РАН, директор Института Африки РАН.

ропы, как одного из лидеров международных отношений и мировой политики. Наконец, это угрозы, которые исходят из Африки, включая миграционную проблему. В привязке к Африканскому континенту упомяну и о биологической угрозе.

ЕС до сих пор остаётся крупнейшим торговым партнёром африканских стран. В 2022 г. торговый оборот Китая с Африкой составил 254 млрд долларов, а торговый оборот Европы с ней – 467 млрд. Это абсолютный рекорд. Совсем недавно, в ковидном 2020 г. этот показатель упал с допандемийных 360 до 283 млрд. То есть налицо рост товарооборота без учёта пандемии более чем на 30%, а с учётом – на 65%. Торговый баланс ЕС с Африкой не в пользу первого – Европа больше импортирует с Африканского континента, чем вывозит. Из европейских стран основными торговыми партнёрами Африки по объёму являются Италия (73 млрд), Франция (70 млрд), Испания (66 млрд), Германия (62,5 млрд). Но даже такие относительно небольшие страны, как Нидерланды и Бельгия, торгуют с Африкой на суммы 53 и 41 млрд долл. соответственно. Показатель Великобритании – 35 млрд. Что касается Российской Федерации, то в 2022 г. наш товарооборот с Африкой приблизился к 18 млрд долл. Рекорд же пришёлся на 2018 г. – 20,4 млрд. Таким образом, Европа продолжает доминировать в африканской внешней торговле.

Теперь об авторитете ЕС и его перспективах на Африканском континенте. Ни для кого не секрет, что отношение к отдельным странам Европы за последнее время в Африке ухудшилось. Связано это не только с ситуацией в свете специальной военной операции на Украине. В принципе происходит то, что обнажила СВО, – ослабление авторитета и влияния Запада за его пределами. В случае Европы важная причина заключается в том, что она утратила в значительной степени свою субъектность, причём как в экономическом плане, так и по внешнеполитической повестке, которая, по сути, была заменена на американскую. То, что предлагает сейчас Европа Африке, в значительной степени тесно координируется с тем, что предлагают США. В результате главным пунктом политики Европы в Африке стало противодействие России и Китаю. Такую позицию Европа раньше никогда не занимала и поначалу отличалась от Соединённых Штатов, которые первыми в своих доктринальных документах прописали противодействие Китаю и России. Сейчас же Европа к этой повестке присоединилась, и такая позиция не вызывает никакого энтузиазма у африканских стран.

Происходит ослабление мировых валют, в том числе не только доллара, но и евро. Африканцы это ощущают и сами действуют. Так, страны зоны африканского франка избавились от требования хранить 50% своих резервов во французских банках. Они продолжают значительную часть резервов хранить в евро, но, тем не менее, зависимость сокращается.

Возьмём последний саммит «Европа – Африка», который проходил до СВО в феврале 2022 г. Ковидная повестка, конечно, была ещё актуальной. В значительной степени саммит был посвящён преодолению последствий коронавируса, предоставлению вакцин и тестов, развитию систем здравоохранения. ЕС предложил выделить 500 млн евро по этим направлениям. Речь шла также о выделении 150 млрд долл. инвестиций в течение 7 лет. Но посмотрим, на что они выделялись. Во-первых, на развитие интернета. Действительно, этот вопрос важный, но с учётом

того, кто доминирует в мировой «паутине», очевидно, что развитие интернета, так или иначе, связано с оказанием влияния на африканское восприятие мировых событий с позиций ЕС и США. Во-вторых, на образование. Опять же система образования в Африке, которая во многом финансируется европейцами и построена на основе всевозможных грантов и программ, в значительной степени направлена на переманивание к себе лучших кадров, либо на решение тех задач, которые интересны, прежде всего, европейцам. В-третьих, на «зелёную» энергетику. Это практически 90% всех проектов. Можно долго рассуждать о том, кому выгодна «зелёная» энергетика, но в целом это еще одна фальшивка под красивым лозунгом с целью очередного перераспределения ресурсов и богатств в пользу Запада.

Кроме того, африканцы хорошо помнят о риторике про «цветущий сад и джунгли», о чём говорил, например, Жозеп Боррель. Она неуважительна и пренебрежительна. У африканцев в генах воспоминания о борьбе с колониализмом. Они спрашивают: а за счёт чего был создан этот сад? Разве не за счёт колоссального ограбления ресурсов и различных зверств колонизаторов? Поэтому европейские заявления о том, что Россия проводит некую неокOLONиальную политику, хочет захватить чужие ресурсы и ограбить чужие народы, вызывает у африканцев в лучшем случае смех.

В ближайшие годы интерес к Африке со стороны Европы только усилится. С точки зрения выстраивания политики России в Африке нужно понимать, что Европа в обозримом будущем не станет нашим партнёром. Тем не менее, необходимо внимательно отслеживать политику ЕС на Африканском континенте. У них всё же накоплен колоссальный опыт. И надо учитывать, что между самими европейскими странами есть противоречия, которые проявляются, например, между Францией, Италией и Испанией, между ЕС и Великобританией, особенно после брекзита. России нужно учиться на европейском опыте, учиться на чужих и своих ошибках и выстраивать продуманную политику в отношении Африки.

Р.Н. Лункин *. Предлагаю заглянуть глубже в Европу и оценить состояние дел собственно внутри неё с учётом всевозможных кризисных явлений. В этом отношении большое значение имеет изучение социальной политики стран-членов ЕС, которая превратилась в Европейскую социальную модель (ЕСМ). В научной литературе отмечается особое значение социального измерения, изначальное стремление создателей ЕЭС в 1957 г. сочетать экономическую интеграцию с социальными гарантиями, эффективность рыночной экономики с социальным благополучием. Со временем экономическая интеграция перестала быть столь привлекательной для европейцев, и на месте общеевропейской идеи возник вакуум. Этот вакуум лидеры ЕС стараются заполнить социальной идеей.

Последней большой наднациональной программой является «Опора социальных прав» 2017 г., продолжающая череду деклараций и иных документов, в которых содержались слова о социальной ответственности ЕС и отдельных стран. Реализация «Опоры» в условиях кризисов экономического, миграционного, пандемии, украинского конфликта выявила целый ряд противоречий. Отдельные соци-

* **Роман Николаевич Лункин**, д.полит.н., профессор РАН, заместитель директора ИЕ РАН.

альные модели во многом перестали соответствовать требованиям ЕСМ, будучи статичными схемами региональных политик. Некоторые черты, такие как недостаток социального диалога и в англосаксонской, и в континентальной моделях, могли быть воплощены как принципы ЕСМ на наднациональном уровне уже давно. Но у руководства ЕС мало полномочий для воплощения в жизнь соответствующих принципов, социальная политика по-прежнему относится по большей части к национальному уровню.

Стоит особо выделить продолжающееся падение доходов среднего класса, стабилизацию уровня хронической бедности, изменения форм и структуры занятости, рост неравенства. Социально-экономические проблемы нередко подменяются новыми приоритетами: политикой идентичности, гендерным равенством, антироссийскими санкциями. Важно, чтобы по мере стабилизации ситуации в Европе и мире в целом внимание государств к социальным запросам и неудовлетворенным экономическим интересам вышло на первый план. Что касается Европейской социальной модели, то она нуждается в новом перезапуске, причём в сложных условиях экономического спада и стагнации, двойного цифрового и зелёного перехода ЕС. А последний ляжет на плечи граждан, особенно малообеспеченных, тяжким бременем.

В.М. Давыдов *. Европеистика имеет вековые корни, уходящие во времена Российской империи, а затем в десятилетия Советского Союза. И все это нужно уметь ценить. Мы обладаем институционализированной частью Европеистики в академической смысле, и сегодня на рубеже 35-летия можно с уверенностью констатировать достижения этой школы. Речь идёт не просто о концептуальном, теоретическом знании, но о Европеистике как части отечественного обществоведения, которая вносит серьёзный вклад в нашу интеллектуальную жизнь.

Что важно в этой связи понимать? Во-первых, сопряжённость глобальных и региональных тенденций, умение находить их общий знаменатель. Наша задача – глубже разобраться во взаимосвязи глобальных и региональных проблем. Мир быстро меняется, поэтому и школа Европеистики должна меняться. И она доказала делом эту способность. Основательно исследовался период так называемой «новой нормальности» со всеми его превратностями. Но теперь не менее востребован анализ этапа «постнормальности». Стоит задача не только о том, чтобы насытить отечественные исследования новыми методологическими разработками. Важно всерьёз заняться самопознанием, самоопределиться в новых условиях – где сегодня заложен основной смысл существования наших школ, их концептуальная и практическая польза. Без этого невозможно обеспечить сбалансированное позиционирование нашей страны на международной арене. В этом свете, конечно, важны межинститутское сотрудничество, повышение интенсивности нашего профессионального общения, творческие дискуссии, споры.

Регионоведческие школы призваны мобилизовать весь арсенал своих разработок. В Европеистике это, например, теория интеграции, а на общем уровне – теория формирования альтернативных резервных валют, постановка вопроса о политиче-

* **Владимир Михайлович Давыдов**, член-корреспондент РАН, научный руководитель Института Латинской Америки РАН.

ском аналоге неолиберализма. Конечно, востребована ныне миграционная тема в сопровождении с вопросом пределов этно-культурного синтеза.

О.Ю. Потемкина*. Действительно, проблемы демографии и миграции всегда были и останутся актуальны для Европы. Однако особый всплеск интереса к вопросам регулирования миграционных потоков в глобальных и региональных масштабах проявился в период миграционного кризиса в Европе в 2015–2016 гг. По мере того как к 2017 г. миграционная волна начала спадать и руководители ЕС объявили об окончании кризиса, внимание политиков, СМИ и ученых переключилось на другие жизненно важные реалии. Тем не менее многие вопросы оставались без ответа: почему, казалось бы, налаженная система убежища в ЕС даёт сбой в чрезвычайной ситуации? Как строить отношения со странами исхода мигрантов? Как распределять ответственность за прием ищущих убежище между государствами-членами?

Последний специальный саммит ЕС, где обсуждались эти вопросы, состоялся в 2018 г. Начавшаяся в конце 2019 г. пандемия коронавируса, дала передышку европейцам. Решение о запрете «несущественных» поездок означало закрытие внешней границы Евросоюза, а ограничение свободы передвижения – внутренних границ. Правда, запреты не затрагивали ищущих убежище, но государства-члены по факту прекратили прием заявлений. Несколько напряженных ситуаций (массовый исход беженцев из Афганистана в 2021 г., инциденты на турецко-греческой границе весной 2020 г., на белорусско-польской границе в марте – ноябре 2021 г., в испанском анклав Сеута в Марокко в июне 2021 г.) вопреки опасениям, не привели к миграционному кризису в Европе. Несмотря на серьезные проблемы, ЕС в целом удалось справиться и со значительным миграционным притоком из Украины (5 млн человек получили статус «временной защиты») главным образом потому, что были использованы легальные каналы приема мигрантов. Однако в феврале 2023 г. лидеры ЕС оказались вынуждены созвать саммит по миграции, так как были напуганы резким увеличением масштабов новой миграционной волны из стран Ближнего Востока и Африки.

Между тем, подготовка к возможным чрезвычайным ситуациям и реформа политики убежища заметно не продвинулись со времён прошлого кризиса. Предложенный Комиссией в сентябре 2020 г. Пакт о миграции и убежище – рамочный документ, включающий как законодательные инициативы, так и новые стратегии и планы действий. Его не удаётся согласовать окончательно, хотя отдельные пункты уже реализованы или находятся на стадии переговоров. Обсуждение системообразующего Регламента об управлении политикой миграции и убежища, который должен заменить действующий Дублинский регламент, продвигается с большим трудом. Главное препятствие – различные подходы государств-членов к «механизму солидарности», позволяющему распределить ответственность за приём ищущих убежище. Тем временем, государства члены пытаются самостоятельно решить миграционные проблемы, развивается горизонтальное сотрудничество стран вне правовых рамок ЕС. Тема миграционного кризиса снова в центре политической повестки дня Евросоюза.

* **Ольга Юрьевна Потемкина**, д.полит.н., руководитель Отдела исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

В.Н. Гарбузов *. Перед нашими институтами стоит задача изучать «коллективный Запад», поддерживать связи со специалистами оттуда, делать это с академических, экспертных позиций, не втягиваясь при этом в пропаганду. У меня иногда спрашивают, зачем изучать другие страны, зачем изучать США? Обычно отвечаю: надо знать другого, потому что, зная другого, ты лучше понимаешь себя, ты более объёмно смотришь и на другие страны, и на свою собственную, имея возможность сравнивать их.

США невозможно изучать без их взаимосвязей с Европой, Африкой, Китаем и другими регионами. В скором времени не случится того, о чём говорят многие пропагандисты – Соединённые Штаты не утратят доминирующих позиций, там не начнётся гражданская война, Техас не уйдёт в Мексику, не отколется от США и Калифорния.

Полезно порассуждать с точки зрения конструктивизма. Распространены рассуждения о многополярном мире. Как-то президента Владимира Путина спросили, что такое многополярный мир, и он ответил, что это ещё нам всем предстоит осмыслить. В России есть те, кто идёт по следам Самуэля Хантингтона, кое-что у него заимствуя. Идея цивилизаций, говорят они, означает формирование неких цивилизационных структур, которые характеризуют многополярный мир. Именно они и есть самодостаточные центры силы современного мира, в котором будет царить справедливость.

Но точно так же, как справедливо рассуждать о «столкновении цивилизаций», важно рассуждать о взаимодействии и взаимопроникновении цивилизаций. Разве американская цивилизация не проникла во все остальные цивилизации, как и наоборот: африканская в американскую, а теперь и в европейскую, и этот ряд можно продолжать. Поэтому к концепции многополярного мира много вопросов, да и в целом она мало разработана.

Допустим, что мир полицентричен. Из его многообразия можно выделить три державы с собственными глобальными геополитическими программами – три мировых локомотива. Конечно, это Соединённые Штаты, которые исторически добились доминирования довольно быстро и во второй половине XX в. превратились в неформальную империю современного мира. Их доминирование основано на идее «американской исключительности». Кстати, у нас подчас неправильно понимают эту идею, как превосходство американской нации над другими. А этот подход неверен. Уже в Советском Союзе американисты трактовали американскую исключительность, как исключительность исторического пути США, и никак иначе, ведь американская нация – это нация всех этносов и всех религий мира.

Нужно понимать и то, что, хотя Китай дышит им в спину, доминирование США пока достаточно прочно, они собирают сильные коалиции, подобно антироссийской. Эта страна в центре ряда военно-политических формирований, интеграционных объединений. Это реальности, которые надо знать, понимать и учитывать.

* **Валерий Николаевич Гарбузов**, член-корреспондент РАН, директор Института США и Канады РАН.

Вторая держава, которая имеет собственную геополитическую программу, это Китай – вторая неформальная империя современного мира, которая идёт по стопам Соединённых Штатов, проникая во все остальные части земного шара, хотя и иначе, по-своему. Орудиями этой экспансии является концепция «Один путь – один путь».

А как в отношении Европы? У Европейского союза вряд ли есть своя собственная глобальная программа. Конечно, по целому ряду параметров он – соразмерная величина, которая могла бы претендовать на роль еще одного глобального локомотива. Но об этом пока говорить рано.

Третья мировая величина, выступающая с претензией на реализацию собственной глобальной политики – Россия, наследница сверхдержавы СССР и наследница Российской империи. Речь идёт о государстве, которое в советский период пыталось осуществить мощный глобальный проект, геополитическим орудием которого был Коминтерн, созданный в 1919 г. Создать всемирную коммунистическую империю тогда не удалось, но всемирное коммунистическое движение оставалось как наследник этого проекта многие десятилетия, укрепляя тем самым экспансионистский заряд СССР.

У современной России, спустя десятилетий после распада Советского Союза, как у многих других бывших империй, сформировался постимперский синдром, который в полной мере проявился сегодня.

У нее есть амбиции стать локомотивом прежде всего евразийского пространства. Но пока не понятно, о чём идёт речь: о некоем евразийском мире, или только о «Русском мире», о «глубинном государстве» или о «глубинном народе», о «суверенной демократии» или о консервативных идеях и традиционных ценностях? Все это затрудняет научный анализ проблемы. Тем более, трудно говорить о существовании какой-либо философской концепции существования России как самостоятельного государства, отгороженного забором от остального мира.

Наконец, наряду с этими главными локомотивами существуют две конфронтационные оси, которые «завязаны» на США. Первая – американо-китайская, когда старая сверхдержава и молодая, становящаяся на ноги, вступили в конфликт друг с другом. Их методы действия примерно одни и те же, они пронизывают собой весь остальной мир и в результате наталкиваются друг на друга то там, то тут. Между ними сформировалась уникальная и, судя по всему, жизнеспособная модель взаимодействия, когда противостояние и сотрудничество переплетены между собой. Обе державы ругаются, но жить друг без друга не могут, потому что взаимозависимы. В этом и состоит суть механизма регулирования, сформировавшегося внутри этой конфронтационной оси.

Вторая конфронтационная ось, сформировавшаяся в полной мере, – это американо-российское противостояние. Но всё ее содержание выхолащено, вплоть до контроля над вооружениями. Механизм регулирования конфронтации внутри нее, в отличие от первой оси, отсутствует. Вместо этого сформировалась мощная санкционная спираль, раскручиваемая антироссийской коалицией.

США пытаются сделать то же самое в отношении Китая, но пока это у них убедительно не получается.

II. Экономические исследования о европейских процессах

Б.Н. Порфирьев*. Мир находимся где-то на экваторе реализации Повестки устойчивого развития ООН до 2030 г., семнадцать целей которой всем хорошо известны. Предварительные итоги начинают подводиться; в сентябре пройдёт специальная сессия ООН, которая рассмотрит соответствующие результаты. С этой точки зрения интерес к Европе представляется более чем обоснованным, тем более что она демонстрирует в целом, если брать совокупность показателей, приличное по сравнению с другими регионами мира движение по этому пути. По состоянию на 2022 г., по целям «ликвидация нищеты», «достойная работа и экономический рост», «индустриализация, инновации и инфраструктура» отмечался наибольший прогресс. Умеренный прогресс в областях здоровья, образования, гендерного равенства, решения проблем устойчивости городского развития. Но городская проблематика не самая благополучная. Недавно вышел отчёт Европейского агентства по охране окружающей среды. Оказалось, что 90% населения городской Европы находится в зоне риска по выбросам загрязняющих веществ.

На систему целей устойчивого развития сильно влияет проблема энергоперехода, которая решается с большим трудом. В Европе доминирует агрессивная «зелёная» повестка, пресловутая задача углеродной нейтральности. Большие осложнения возникли в связи с кризисом на Украине. Резко увеличилось потребление угля; не менее 50 млрд долларов потрачено на строительство новой и расширение существующей инфраструктуры поставок углеводорода. Что касается выбросов парниковых газов, то в 2020–2021 гг. они выросли более чем на 6%; в 2022 г. – на 1%. ЕС, по-видимому, будет продолжать двигаться по своему пути, но цена энергоперехода будет совсем другой.

«Зелёной» повестка Европы останется в силе и будет активно реализовываться. Во-первых, никуда не делась глобальная проблема изменения климата: в прошлом году Европа пережила одну из самых сильных засух, показатели температуры были худшими за 500 лет. Второй фактор – это экономическая и геополитическая конкуренция. Надо иметь в виду, что в 2022 г., если брать в целом по развитым странам, «зелёный» сектор был пятым по величине промышленным сектором экономики, а в Европе этот показатель ещё выше. В результате там за последние 30 лет фиксируется чёткая тенденция по долгосрочному снижению выбросов парниковых газов. В 27 странах ЕС они сократились на треть. При этом ВВП вырос больше чем на 60%. Это серьёзный результат. Большие усилия предпринимаются для реализации программы «Fit for 55», то есть сокращение парниковых газов к 2030 г. на 55%. Там же предусмотрено резкое снижение заболеваемости и смертности, связанных с выбросами.

Реализация «зелёной» повестки это предмет настоящей научно-технологической гонки. «Зелёная» экономика технологически интенсивная, наукоёмкая. Для ЕС это имеет принципиальное значение. В 2011 г. на миллион населе-

* **Борис Николаевич Порфирьев**, академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.

ния «зелёных» патентов в Европе было 17, а в Соединённых Штатах 54, то есть три раза больше, в Японии – 69. Но скандинавские страны оставались одними из мировых лидеров по этому показателю.

Если же брать другую часть «зелёных» технологий, так называемую водородную, то Европа смотрится совершенно по-иному: на ЕС и Британию приходится почти треть всех международных патентов, связанных с водородом, тогда как на Японию – 24%, на США – 20%, Южную Корею – 7%, Китай – 4%. В связи с этим есть желание закрепить здесь свои позиции, используя их как мощный рычаг технологического перевооружения не только энергетики и реального сектора, но всей экономики.

Россия, реализуя свою собственную повестку, должна исходить из того, что Запад будет использовать свои технологические возможности для давления на неё, прежде всего через стандарты, через различные нормативы. Это требует от России выработки собственной политики, но с пониманием, что она не должна заниматься безудержной погоней за возобновляемой энергетикой и электрическим транспортом, который является альфой и омегой «зелёной» повестки Европы. При этом внимательно следить за действиями ЕС. Ведь европейский «зелёный курс» это пакет с несколькими серьёзными программами, где климатический аспект – лишь один из нескольких. Там заложена мощная программа по адаптации, по развитию лесного, сельского хозяйства.

А.Н. Клепач*. По паритету покупательной способности недружественные страны – это более 40%, но это 75% мировых расходов на НИОКР. Поворот России на восток с точки зрения внешней торговли начался достаточно давно. В 2004–2006 гг. на недружественные страны (ЕС, США, Япония) у России приходилось 70–75% товарооборота, затем эта доля стала постепенно снижаться. С точки зрения импорта, данный процесс протекал достаточно резко после 2014 г., но по-настоящему обвал произошёл в 2022 г. – сокращение с 52 до 29%. Что касается экспорта, то его большую часть удалось перенаправить в азиатский регион. У России экспорт нефти по прошлому году не упал, а вырос. Правительство рассчитывает, что так будет и дальше, хотя по оценкам независимых экспертов, в 2023 г. произойдет падение. То же самое и с нефтепродуктами. Так, Турция становится не только газовым хабом, но и хабом для наших нефтепродуктов, и далее через Испанию они идут в Европу. Поэтому сокращение неизбежно. Если в 2021 г. их экспорт на Запад составлял где-то 118 млн т, то к 2025–2026 г. этот показатель упадёт до 12–20 млн.

Наиболее драматические события произошли по газу. Евросоюз в 2021 г. закупал 130 млрд м³, а в 2022-ом, по предварительным оценкам, – 56 млрд. Дальше эта цифра составит не выше 22 млрд. Для того чтобы такие объёмы шли на Восток, нужна новая инфраструктура доставки, сооружение которой потребует не менее 10 лет. С СПГ картина более благополучная, и его экспорт будет наращиваться с потенциалом выхода на уровень более 100 млн т в год. Однако надо отметить значительные техноло-

* **Андрей Николаевич Клепач**, к.э.н., главный экономист государственной корпорации развития ВЭБ РФ.

гические и логистические проблемы по Севморпути. Без кардинальных изменений в корабельном составе, навигации желаемых объёмов не обеспечить.

Часто говорят, что Европа выигрывала от российского дешёвого газа. Для европейских домовладений он был не таким уж и дешёвым и стоил в разы больше, чем у нас или в США. Но в 2022 г. произошёл новый пик, когда разница, если брать внутренние российские цены, составила более 10 раз. Несмотря на прошедшую тёплую зиму и снижение стоимости, цены останутся достаточно высокими, и в следующие осень – зиму произойдёт новый скачок. Кроме того, ряд ведущих европейских стран, такие как Германия и Великобритания, входят в рецессию.

Что касается российской экономики, то она не крупная, около 3% мирового ВВП по паритету, но ее реальное влияние за счет ряда ключевых позиций выше. Мы в лидерах по углеводородам, ядерным технологиям, экспорту пшеницы. В области космоса пока держимся, но уже на четвёртом месте. Но в целом потенциал достаточно неплохой, в том числе в авиационной сфере. Да, количество производимых самолётов низкое, но, надо сказать, что авиация важна прежде всего тем, что это технологии. Вклад авиационного комплекса США – могущественной авиационной империи – всего примерно 0,35% ВВП. В России соответствующая цифра – 0,2–0,3%. Но 20% всех технологических наработок это авиация и космическая отрасль, и здесь у нас серьёзные технологические заделы. Считанные страны, включая США и Россию, частично Великобританию, способны создавать авиационные двигатели. Так что дело не всегда в цифрах по ВВП.

Если говорить о консолидации ШОС и её трансформации в целом из организации по безопасности в экономический блок, то уже сейчас это более 30% мировой экономики. Кроме этого, не надо упрощённо трактовать лозунг «поворота на восток». Необходимо сохранить наши технологические связи с Европой, и, думаю, что лет через десять определённое восстановление произойдёт. Для России дело не просто в повороте на Восток, а в формировании новой модели евразийского партнёрства и переформатировании тем самым и всей мировой экономики.

О.В. Буторина*. РФ относится к числу стран, имеющих высокие показатели географической диверсификации внешнеторговых потоков. В 2020 г. индекс Герфиндаля-Хиршмана по импорту составил 0,082, а по экспорту – 0,049. 80% стоимости импорта поступало из 23 стран, а 80% экспорта направлялось в 25 стран. Вместе с тем происходящие в мировой торговле значительные колебания делают актуальной задачу дальнейшей диверсификации торговых потоков как в части товарного наполнения (в первую очередь, экспорта), так и в части регионального распределения.

Динамика товарного экспорта из 27 стран ЕС в целом коррелирует с динамикой мирового экспорта. Высокие показатели 2013–2014 гг. (до 14 млрд долл. в месяц) испытали падение на рубеже 2014–2015 гг. (вследствие снижения мировых цен на топливо) и далее формировали неровный восходящий тренд вплоть до ноября 2021 г., когда они вернулись к уровню выше 9 млрд долл. На протяжении 2022 г.

* *Ольга Витальевна Буторина*, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИЕ РАН.

стоимостные показатели экспорта из ЕС-27 в Россию резко снизились: до 3 млрд долл. в апреле и до 2,5 млрд долл. в декабре.

Во втором полугодии 2022 г. заметно возросли показатели экспорта стран ЕАЭС в Россию. Особенно их нарастили Казахстан, Узбекистан, Армения и Кыргызстан. Однако только Казахстан достиг месячной стоимости продаж свыше 1 млрд долл., остальные три страны имели в конце года показатели в интервале от 200 до 370 млн долл. Судить о том, насколько устойчивым будет наблюдавшийся в конце 2022 г. скачок, можно будет не ранее осени 2023 г.

Китай давно является главным торговым партнером России как по экспорту, так и по импорту. Помесячная динамика экспорта из КНР в РФ лишь незначительно отражает перепады стоимостных величин мирового экспорта, что позволяет рассматривать КНР как источник стабилизирующего замещения импорта из Европы. Но здесь есть своя специфика: поставкам из Китая присуща высокая волатильность. Так, в середине прошлого десятилетия в пределах одного квартала ежемесячные показатели могли колебаться от 2 до 4 млрд долл. Резкие падения наблюдались в начале 2020 и 2022 гг.

Всё более важными поставщиками в Россию становятся Турция и Индия, значительно расширившие свой экспорт во II–IV кварталах 2022 г. Однако их потенциал замещения импорта из ЕС может развернуться только в долгосрочной перспективе. В конце 2022 г. месячная стоимость турецкого экспорта в Россию достигла 1,3 млрд долл., тогда как продажи индийских товаров увеличились до 300 млн долл. В целом, произошедшее в 2022 г. снижение экспорта стран ЕС в Россию было только частично замещено товарами из третьих стран. В средне- и долгосрочной перспективе переориентация российского импорта с европейского направления на другие регионы требует решения проблемы неравномерности поставок из Китая и последовательной работы с поставщиками из третьих стран, включая Казахстан, Турцию и Индию.

А.В. Кузнецов* Среди исследований ведущих российских научных центров с развитой европейстикой отметил бы работы в рамках тематики европейской экономической интеграции с детальным изучением актуальных проблем социально-экономического развития стран ЕС. Важнейшее значение имеет миграционная проблематика. На третье место поставил бы вопросы внешнеэкономических связей ЕС с Россией, что, как считаю, не теряет своей актуальности. Наконец, специфика экономических моделей отдельных европейских стран. Важная тема – крупнейшие города зарубежной Европы, их комплексное изучение. Востребовано изучение положения дел в сфере «социального государства», в том числе идей и практик «базового дохода». Одна из ключевых – тема трансформации инвестиционного климата ЕС в свете конфискации российских активов. Не исключено, что в результате антироссийских шагов европейцев будут сформированы новые инвестиционные инструменты, проведена переоценка инвестиционных рисков и страхования рисков в Европейском регионе.

* *Алексей Владимирович Кузнецов*, член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН.

Судьба страноведческих европейских исследований и дальше должна нас волновать, потому что дружественные там находятся страны или недружественные, а изучать их надо для пользы России как одного из ключевых игроков в мире, причем делать эту работу надо детально. Радует, что серьезные научные журналы в России (прежде всего «Современная Европа», «Актуальные проблемы Европы», «Контурные глобальных трансформаций» и ряд других) по-прежнему выступают надежной дискуссионной платформой для отечественных европеистов.

А.И. Бажан* . Среди богатой европейской экономической проблематики выделяется ситуация с инфляцией. То, что мы наблюдаем в последнее время (2022–2023 гг.) в ЕС, совершенно не ординарно с точки зрения масштабов роста цен, который можно сравнить разве что с инфляцией 1970-х гг. В октябре 2022 г. она достигла в годовом исчислении 11,5%, хотя в октябре 2020 г. была почти равна нулю. Столь быстрый рост цен служит негативным фактором, снижает уровень реальных доходов населения, тормозит экономический рост и увеличивает дефицит торгового баланса ЕС. Главным источником инфляции послужил энергетический кризис, катастрофический рост цен на энергоносители, вина за который целиком лежит на Западе, на его санкциях, введенных против России, сокративших поставки нефти и газа на мировой рынок. Со второй половины 2022 г. прирост цен на энергоносители в ЕС начинает снижаться из-за подключения всё больших поставок из США и некоторых других стран, а также в результате более активного использования альтернативных источников энергии. Это обусловило общее снижение инфляции, которая в марте 2023 г. составила 6,9% по еврозоне.

Своеобразной была в этот период политика ЕЦБ, который до сентября 2022 г. практиковал нулевую ставку рефинансирования, поскольку резонно считал, что причиной инфляции служит внешний фактор, на который не может влиять его монетарная политика. Однако затем он постепенно стал повышать ставку. В марте 2023 г. она достигла 3,5%. Изменение политики было связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, цены на энергоносители в целом перестали расти и даже наблюдалось в некоторые периоды их сокращение. Во-вторых, возросла ставка рефинансирования Федеральной резервной системы США, и, для того чтобы затормозить утечку капитала в Америку, ЕЦБ был вынужден повысить свою ключевую ставку.

Е.Б. Ленчук** . Подводя итоги первого года беспрецедентного санкционного давления со стороны Запада на Россию, можно сделать вывод, что отечественной экономике удалось выдержать санкционный удар. Основные экономические показатели по 2022 г. оказались лучше, чем ожидалось. Это показывает, что наша экономика сумела адаптироваться к внешним ограничениям, благодаря мерам, принимаемым государством. Однако сегодня необходимо ответить на вопрос, достаточно ли этих мер, чтобы перейти от адаптации к развитию российской экономики в перспективе. Важно понимать, что действие санкций имеет долгосрочный характер и

* *Анатолий Иванович Бажан*, д.э.н., руководитель Отдела экономических исследований ИЕ РАН.

** *Елена Борисовна Ленчук*, д.э.н., заместитель директора Института экономики РАН.

накопительный эффект. Прежде всего, они лишают страну и экономику таких классических драйверов роста, как возможность получать новые технологии, повышающие производительность труда, как расширение экспортного спроса, доступа к инвестициям. В таких условиях одной из стратегических угроз для России уже в среднесрочной перспективе становится переход российской экономики в стадию стагнации с крайне невысокими темпами роста, что будет ограничивать решение социальных задач и создавать риски снижения уровня жизни населения.

Сегодня довольно много говорится о высокой неопределенности в экономическом развитии России, и с этим нельзя не согласиться. Но все же, если говорить о переходе от адаптации к развитию, то следует прежде всего понимать в рамках какого сценария и соответственно в рамках какой модели развития это возможно.

В общем виде сценария два. Первый – разворот на Восток. Это сценарий, который похоже сегодня реализуется в рамках той же экспортно-сырьевой модели развития. Модель не меняется, мы становимся сырьевым придатком Китая, Индии и других азиатских стран, взамен получаем новые технологии и продукцию народно-хозяйственного назначения. При таком сценарии рассчитывать на высокие темпы роста вряд ли возможно.

Второй сценарий связан с тем, что Россия выбирает тот курс, по которому сегодня развиваются развитые страны, и делает ставку на структурно-технологическую модернизацию экономики, технологическое развитие на базе четвертой промышленной революции. Если мы хотим сохранить себя в качестве самостоятельного геополитического субъекта и выстроить конкурентоспособную экономику, обеспечивающую в долгосрочной перспективе устойчивую динамику экономического роста не ниже среднемирового уровня, то второму сценарию практически нет альтернативы. Сегодня именно научно-технологический фактор становится драйвером роста, и именно в научно-технологическую сферу смещается конкурентная борьба между странами.

Уместно напомнить, выступая на Петербургском международном форуме в 2022 г. Президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что России нужна новая модель развития – технологический суверенитет. Речь не идет об изоляции страны и стремлении выпускать все своими силами. Технологический суверенитет понимается в широком смысле – как способность обеспечивать себя критически важными технологиями, которые позволяют полномасштабно решать социально-экономические задачи, повышать благосостояние и уровень конкурентоспособности страны. Технологический суверенитет – это ключ к независимости политики и экономики, обеспечения обороноспособности страны. Этот вопрос довольно активно обсуждался на заседании Президиума Госсовета в Туле 4 апреля 2023 г., на котором, в частности, отмечалось, что «наряду с первоочередными мерами замещения импортных технологий и продуктов нужны средне- и долгосрочные преобразования, на стратегические цели именно суверенного развития страны».

Реализовать такой курс можно только на основе активной государственной экономической политики, четко выверенных целей, задач, ресурсов при полном консенсусе государства, бизнеса и общества, что требует повышения качества стратегического управления и прежде всего его ядра – стратегического планирования. Без

планирования, в условиях внешних ограничений, связанных с беспрецедентными санкциями, а также внутренних ресурсных ограничений, невозможно обеспечить технологический суверенитет, провести реструктуризацию экономики и сделать ее менее зависимой от внешних поставок, обеспечить конкурентные преимущества на новых формирующихся рынках. Безусловно, должна быть разработана долгосрочная стратегия социально-экономического развития страны, которая вопреки установкам 172-ФЗ, до сих пор не принята. В ней должны быть обозначены стратегические национальные приоритеты социально-экономического развития, закреплена инновационная модель развития.

Под эту стратегию должен быть сформирован и научно-технологический контур – организационный каркас научно-технологической деятельности, связанный с экономической системой, общей целевой ориентацией, ресурсными возможностями. В текущих геополитических и геоэкономических условиях очень важно сосредоточиться на критически важных задачах и направлениях научно-технологического развития, направляя туда имеющиеся ресурсы, как кадровые, так и финансовые, которые сегодня явно ограничены. России предстоит выстроить новую модель научно-технологического развития, которая на горизонте десяти-пятнадцати лет сможет преодолеть критическую импортозависимость по ряду высокотехнологичной продукции и технологий, самостоятельно обеспечить наполнение значительной части российского рынка новым поколением технологических систем, нарастить высокотехнологичный экспорт, используя для этого кооперацию с дружественными странами, обновить технологическую базу традиционных производств.

Отражение такой научно-технологической политики должно найти в обновленной Стратегии научно-технологического развития России на долгосрочную перспективу. Однако сегодня активно обсуждается принятие другого нового документа – Концепции научно-технологического развития РФ до 2030 г. Этот документ, к сожалению, опять носит довольно декларативный характер, формулируя принципы научно-технологического развития и определяя инструменты его поддержки, в то время как этот процесс требует содержательного наполнения. Безусловно, бизнес воспользуется новыми инструментами и очевидно будет решать задачи собственного технологического развития. Но если мы хотим в достаточно короткие сроки преодолеть критическую технологическую зависимость, обеспечить технологический суверенитет, поставить науку на службу реальному сектору экономики, повысить конкурентоспособность страны на новых формирующихся рынках, нужно видение общей картины, нужны четкие целевые ориентиры и приоритеты и конкретные действия, направленные на достижение этих целей, под них должны быть разработаны соответствующие программы и проекты, выделены ресурсы, обеспечен соответствующий уровень компетенций.

Таким образом, технологическая политика у нас пока проседает, и здесь необходимы комплексные решения. Поэтому очень важно преодолеть не только организационные, но и содержательные разрывы в развитии науки, технологий, инноваций, производства. Именно вся эта цепочка должна быть увязана в рамках промышленной политики, которая должна стать промышленно-технологической, обеспечивая увязку структурных и научно-технологических приоритетов.

Безусловно, поставленные задачи не удастся решить без укрепления отечественного научно-технологического потенциала. Россия сегодня единственная страна из G-20, научно-технологический потенциал сокращался. По численности исследователей на 10000 занятых Россия отстает сегодня от таких стран, как Южная Корея, Швеция и Дания почти в три раза, от США и Германии – в два раза.

Уступаем мы развитым страна и по уровню расходов на НИОКР на одного исследователя: США – в четыре раза, Франции, Италии, Южной Кореи в два. За последние два десятилетия показатель доли внутренних расходов на исследования и разработки в ВВП России не подымался выше 1,2%. Для сравнения: аналогичный показатель в США уже перешагнул 3% рубеж, а в Южной Кореи и Израиле превысил 4,5%. В этой связи нельзя не выразить озабоченность по поводу дальнейшего сокращения финансирования науки, которое заложено в рамках госбюджета. Так, общая сумма финансирования госпрограммы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» в 2023 г. должна составить 1,2 трлн руб., такая же сумма выделялась и в 2020 г. Если учесть, что в период 2020–2022 г. инфляция «съела» 27,8% этих средств, то можно предположить, что российская наука получит от государства менее 1% ВВП. Это капля в море, которая ставит под сомнение возможность технологического рывка, что требует серьезного осмысления.

Обеспечение технологического суверенитета требует безотлагательного наращивания инвестиций в сферу НИОКР уже в ближайшие два-три года. На это должны быть настроены меры финансовой, денежно-кредитной и налоговой политики.

И.Н. Тимофеев*. Масштаб санкционной войны против России беспрецедентный. В инструментарии внешней политики ЕС санкции постепенно увеличивали свою роль на протяжении последних 20 лет. Процесс этот имеет количественное выражение – число санкций, число прецедентов их использования, под которыми мы понимаем односторонние ограничительные меры, направленные на достижение политических целей, запреты или ограничения в области финансов, торговли, иной экономической деятельности. У экономистов возникает законный вопрос: как считать параметры роста интенсивности применения санкций?

С февраля 2022 г. тема санкций стала ещё более актуальной, в подсчётах идёт соревнование, кто назовут большую цифру. Говорят, что против России использовали 5 тыс. санкций, 10 тыс. и даже больше. Вопрос: а как считать? Итальянский учёный Франческо Джумелли, видный специалист в области политики санкций, применяет достаточно простой, но убедительный подход – считать число санкционных программ и механизмов, используя регламенты и решения Совета ЕС. То есть важно понять, что засчитывать за единицу анализа. Нередко за такую единицу берут появление того или иного лица в санкционном списке, но, спрашивается, в каком списке: заблокированных лиц, секторальных санкций, в списке лиц, которым запрещены исключения по товарам двойного назначения? Или речь идёт о списках экспортного контроля, номенклатуре товаров и услуг? Можно ли, например, Сбербанк или Альфа-банк по 269-ому регламенту приравнять к блокированию физи-

* **Иван Николаевич Тимофеев**, к.полит.н., генеральный директор Российского совета по международным делам.

ческого лица? С точки зрения последствий для экономики это разные категории. Поэтому цифры, которые мы видим в большом количестве, вызывают обоснованные сомнения. Можно достаточно надёжно посчитать число лиц под блокирующими санкциями, но это далеко не полная картина.

На качественном уровне мы понимаем, что интенсивность применения санкций ЕС растёт. Исторически сложилось так, что блокирующие санкции в отношении физических и юридических лиц, то есть запрет на любые транзакции с этими лицами в юрисдикции ЕС и заморозка активов, стало ведущим инструментом во внешнеполитическом арсенале санкционной политики ЕС. В целом эта тенденция глобальная, активно их используют США, выступающие здесь пионером, другие западные страны – Канада, Австралия, теперь Новая Зеландия и другие.

Россия и Китай довольно неохотно брали на вооружение такие инструменты. В России только в 2018 г. появились их зачатки – Постановление № 1300 правительства РФ. До этого предпочтение отдавалось более традиционным методам санкционной политики, таким как запреты на импорт, торговые ограничения. Китай несколько лет назад начал разрабатывать свой инструментарий блокирующих санкций. На сегодня ЕС является ключевым субъектом использования этого инструментария. Но у него он сосуществует с другими механизмами, в основном применяемыми в отношении России: экспортный контроль, запрет на импорт, транспортные санкции и ограничения, визовые ограничения и так далее.

До 2022 г. фиксировался относительно самостоятельный подход ЕС к политике санкций. Политика санкций ЕС и США далеко не всегда совпадала. По Ирану, например, у ЕС был собственный подход к выполнению СВПД (ядерной сделки с Ираном), и большая критика в отношении США в этом вопросе. В отношении России их траектории также не во всём совпадали, особенно в подходах к «Северному потоку». Но после 2022 г. возник гораздо более высокий уровень синхронизации политики санкций. Более того, до 2022 г. бизнес из стран ЕС сам был объектом американского давления, мер административного и уголовного преследования за нарушение санкций.

Мы собрали базу данных, в которой сейчас 274 кейса за последние 14 лет. Журнал «Современная Европа» любезно опубликовал первые результаты этого исследования, где показано, что компании из ЕС являются ключевой мишенью американского Минфина с точки зрения применения административных мер за нарушения американских санкций. Ещё в 2019–2020 гг. власти ЕС рассматривали это как серьёзную проблему, от которой нужно защищаться, усиливать «блокирующий статут», и вторичные санкции вообще считались неприемлемыми. Сейчас другая картина, когда, например, в праве ЕС де-факто появился механизм вторичных санкций – 269-й регламент как основание для блокирующих санкций за обход или попытки обхода санкций в отношении России. И к этому в ЕС отношение очень спокойное; на второй план ушёл весь дискурс по модернизации «блокирующего статута». Санкции против России после февраля 2022 г. можно считать первым прецедентом массированного применения таких мер со стороны ЕС. С правовой точки зрения мы имеем дело с всё теми же таргетированными санкциями и экспортным контро-

лем. Но по совокупности получается, что эти санкции, являясь по форме «умными», по содержанию становятся «ковровой бомбардировкой» российской экономики.

В ЕС также идёт калибровка практики уголовного и административного преследования за нарушение режимов санкций. Если до 2022 г. это было экзотикой, то сейчас только в одних Нидерландах заведено 45 уголовных дел по санкционной тематике. Ещё одна проблема: в европейском праве фиксируются одни инструменты, а на уровне национальных органов они применяются по-другому. Например, европейское право – статья два 833-го регламента – охватывает поставки товаров двойного назначения невоенным потребителям, если они связаны с медициной, фармацевтикой, без лицензии, просто с уведомлением таможни. На практике, если мы возьмём немецкого регулятора, то он требует «нулевую лицензию», то есть добавляет к европейскому праву ещё и свои бюрократические препоны. Здесь у нас большой дефицит информации по применительной практике.

Мы также исходим из того, что санкции будут продолжать наращивать. Ещё в начале 2022 г. было распространено мнение, что антироссийские санкции себя исчерпали. Но затем появился февральский пакет, и довольно чувствительный, и затем многое другое, экспортный контроль и так далее. То есть санкциям есть куда расти и в плане расширения списков заблокированных лиц, номенклатуры по торговым санкциям и др. Но парадоксально, у нас сохраняется стереотип, что есовская бюрократия не гибкая, медленная, хотя санкционная история показывает, в кризисных ситуациях они могут быть вполне оперативными и изобретательными, когда есть политический заказ.

III. Вызовы безопасности: глобальные и европейские аспекты

С.М. Рогов *. Рассмотрим место России в современной системе международных отношений. На долю нашей страны приходится меньше 2% населения мира, около 3% в мировом ВВП по ППС, 2% экспорта, 2,5% расходов на науку, хотя здесь есть много вопросов о статистике. Впечатляет только показатель ядерного оружия – у Москвы почти половина таких вооружений, которые имеются сегодня в мире. В этих условиях Россия официально трактуется как государство, которое может оказывать решающее влияние на глобальный баланс сил, в том числе опираясь не только на ядерные боезаряды, но и на ШОС как экономический и военно-политический механизм для консолидации Евразии.

Но что с совокупными показателями стран, которые входят в ШОС?

В целом по населению это свыше 40% мирового, по ВВП примерно 30%, по НИОКР более 30%, по расходам на оборону более 20%. Помимо ядерного арсенала России ядерное оружие имеют три страны – члена ШОС: Китай, Индия и Пакистан. В условиях, когда соотношение в сфере обычных вооружений резко не в нашу пользу, а в результате расширения НАТО подлётное время нового поколения американских ракет к Москве может составлять всего лишь несколько минут, мы дела-

* **Сергей Михайлович Рогов**, академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН.

ем всё большую ставку на ШОС. Военные расходы стран ШОС составляют почти 75% от затрат США, стран НАТО, Японии, Южной Кореи, Австралии и других американских союзников вместе взятых. Но ситуация, которая сложилась после начала СВО, вновь показывает, что ШОС не является военно-политическим блоком, как НАТО. Страны ШОС, даже Китай, не поддерживают СВО однозначно, хотя и выступают против антироссийских санкций и не участвуют в них.

В этих условиях ядерное оружие становится в нашем восприятии тем средством, которое позволит удерживать НАТО и Соединённые Штаты от агрессии против РФ.

В центре внимания оказался вопрос о размещении российского тактического ядерного оружия на территории Белоруссии. После развала СССР огромное количество тактических ядерных боезарядов было выведено с территории Украины и Белоруссии. Но США тогда не хотели раздела советского ядерного арсенала. На Украине тогда находилось почти 5000 стратегических и тактических ядерных зарядов. Кстати, Билл Клинтон на прошлой неделе не нашёл ничего лучше, как выразить сожаление по поводу того, что он содействовал вывозу ядерного оружия с Украины в Россию. В Белоруссии размещалось более 1000 ядерных боезарядов.

Сегодня США имеют относительно небольшое количество ядерных боезарядов в Европе. Американские ядерные вооружения находятся на территории пяти стран НАТО, а на шести военных базах, где имеются хранилища для авиационных бомб, их максимальное количество может достигать 300 единиц. По оценкам экспертов, сейчас у американцев имеется примерно 100 ядерных зарядов в Европе.

Теперь о структуре НАТО как ядерного альянса. Три его государства располагают ядерным оружием – США, Франция и Великобритания. Ещё несколько государств имеют договорённости и участвуют в учениях по применению ядерного оружия на собственных самолётах помимо американских. Действует система «двойного ключа», когда решение о применении ядерного оружия принимается и Соединёнными Штатами, и государством – членом НАТО, на территории которого оно находится. Кроме того, это использование обычной истребительной операции для прикрытия американских и других натовских самолётов с ядерным оружием.

Что касается России, то её ядерное тактическое оружие находилось на базах централизованного хранения. Есть и базы хранения ядерных вооружений для военно-морского флота. Решение о развёртывании на территории Белоруссии тактического ядерного оружия РФ – это, конечно, отход от той позиции, которой мы придерживались более 30 лет, и всё это время требовали вывода американских ТЯО с территории Германии, Италии и других стран, где они находятся. Как отреагируют на это западные страны? Не исключено, что в будущем ответят размещением американского тактического ядерного оружия, например, на территории Польши. Могут быть размещены в Польше и Балтике новые американские гиперзвуковые, баллистические ракеты с коротким полётным временем.

В этих условиях возникает вопрос: можно ли предотвратить дальнейшую эскалацию военной напряжённости между Россией и НАТО и Россией и США в первую очередь, и самое главное – гарантировать неприменение ядерного оружия? Со стороны России прекратилось выполнение Договора СНВ-3, мы предприняли целый ряд других политико-дипломатических мер, касающихся отказа от некоторых дого-

ворённостей по контролю над вооружениями. Произведёт ли это соответствующее впечатление на США и Запад? Сомневаюсь; скорее всего, произойдёт эскалация со стороны НАТО. В частности, Основополагающий акт 1997 г., который и так уже фактически не выполняется, формально может быть разорван. Размещение американских ракет вблизи границ России может создать ситуацию, когда любой инцидент приведёт к прямому военному столкновению и ядерной войне.

Вступление в НАТО Финляндии и Швеции создаёт ситуацию, когда размещение американских ракет на новых территориях будет непосредственно угрожать Мурманску и базам Северного морского флота, а это основные силы ядерного сдерживания России, наиболее важные, с очень коротким подлётным временем. Причём с американской стороны будет достаточно не стратегических ракет, а тактических ракет с дальностью несколько сотен километров. До Петербурга от финской границы порядка 100 км. Кроме того, Эстония уже предлагала перекрыть выход из Финского залива. Польша построила каналы и вместе с американцами недавно провела очередные военные учения, имитирующие высадку десанта в Калининграде.

Всё это заставляет серьёзно задуматься над тем, можно ли остановить наихудший сценарий развития событий и стабилизировать ситуацию. Не думаю, что можно рассчитывать на нормализацию отношений с США и Западом в обозримом будущем, но взять ситуацию под контроль и не допустить прямого военного столкновения между Россией и Соединёнными Штатами, НАТО, это задача, которая требует решения. Такое решение требует «мозгового штурма» на экспертном уровне.

А.Г. Арбатов*. Исследование Европы, европеистика, на мой взгляд, абсолютно не теряет своего значения в нынешних условиях конфронтации и противоборства. Я бы даже сказал, что наоборот, именно в условиях обострения напряжённости детальное знание другой стороны гораздо важнее, чем в условиях мира и дружбы. Когда множатся риски, любая ошибка может дорого стоить и даже обернуться катастрофой.

Ещё задолго до 2022 г. специалисты говорили об ухудшении ситуации в сфере стратегической стабильности, о расширении функций ядерного сдерживания в государственных доктринах. Проявилась и связь украинского кризиса и стратегической стабильности. Фактически ушёл в прошлое последний договор, который венчал полвековой путь переговоров между Москвой и Вашингтоном об ограничении и сокращении стратегических вооружений. Всего между ними было подписано десять крупных соглашений, благодаря которым удалось почти в десять раз сократить количество ядерных боезарядов, перестроить ядерный потенциал двух стран, свести до минимума вероятность ядерной войны. Мне довелось участвовать в качестве члена делегации Советского Союза в переговорах по договору СНВ-1. Хорошо помню, какие трудности пришлось преодолеть и сколько труда, сил и здоровья всё это стоило.

Контроль над стратегическими вооружениями – это главная сфера взаимодействия двух ядерных сверхдержав с целью предотвращения ядерной войны. Если этот контроль рухнет, то их стратегические ядерные и иные силы будут направле-

* **Алексей Георгиевич Арбатов**, академик РАН, член Дирекции ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, руководитель Центра международной безопасности.

ны не на сдерживание, а на повышение эффективности использования любого оружия не только в политической риторике, но и в реальном военном планировании.

«Стратегическая стабильность» это не всеобщая гармония, не синоним международной безопасности, а абсолютно конкретная, чётко сформулированная стратегическая концепция, согласованная между СССР и США и изложенная в Совместном заявлении 1990 г. о принципах дальнейшего сокращения и ограничения стратегических вооружений. Мне посчастливилось работать в группе, которая занималась этим вопросом. Принципы стратегической стабильности потом нашли выражение в первом радикальном договоре именно о сокращении стратегических вооружений – СНВ-1, подписанном в 1991 г. До этого в рамках подобных договоров согласовывались лишь потолки, до которых можно было эти вооружения наращивать.

Стратегическая стабильность есть состояние отношений сторон в сфере стратегических вооружений, при котором устраняются стимулы для первого ядерного удара. В этой краткой формулировке заключён огромный смысл – политический, военно-политический, исторический. Также были сформулированы несколько технических ключевых принципов стратегической стабильности.

Первый принцип – признание взаимосвязи между стратегическими оборонительными и стратегическими наступательными вооружениями.

Второй принцип – уменьшение концентрации боеголовок на носителях по мере сокращения стратегических вооружений с тем, чтобы количество боезарядов, то есть параметра первого разоружающего удара, сокращалось опережающим образом по сравнению с количеством носителей, которые являются первоочередными целями для такого удара. Эта задача была решена и в СНВ-1, и в последующих шести соглашениях, заключённых после 1991 г.

Третий принцип – предпочтение высокоживучим системам стратегических вооружений, которые нельзя уничтожить первым ударом. Это стратегические ракетные подводные лодки в океане; грунтово-мобильные межконтинентальные баллистические ракеты, которые выходят на маршруты патрулирования и становятся неуязвимы для вероятных ударов противника.

По существу, концепция стратегической стабильности это связующее звено между ядерным сдерживанием и взаимной безопасностью. Покуда существует ядерное оружие и сохраняется взаимное ядерное сдерживание, оно не должно вылиться в обмен ядерными ударами. Сейчас мы рискуем лишиться этого связующего звена. Это не значит, что завтра начнётся ядерная война, но это значит, что стратегические силы двух сторон не будут ограничены договором и станут избавлены от мер транспарентности и предсказуемости. Значит, они будут развиваться в сторону повышения эффективности применения в ядерной войне, тем самым увеличивая вероятность такой войны. Поскольку если у одной из сторон есть надежда сократить свой ущерб в войне, эффективно применить и достичь победы или хотя бы закончить войну «на приемлемых условиях», то и вероятность войны станет выше.

В начале 2023 г. Россия приостановила своё участие в ДСНВ, заключённом в 2010 г. При этом российский МИД разъяснил, что Россия не будет нарушать потолки на стратегические вооружения, установленные в договоре. Из этих потолков важнейших только два: 1550 боезарядов и 700 развёрнутых носителей. Теперь воз-

ника неопределенность с обменом данными об имеющихся стратегических силах, который осуществлялся дважды в год. Прекращаются инспекции на местах, другие меры транспарентности, такие как уведомления о деятельности стратегических сил. За время действия договора таких уведомлений было больше 25 тыс. (вывод из боевого состава и возвращение в него, вывод на ремонт, замена боеголовок и ракет, ремонт пусковых установок и т.д.). Также было проведено около 240 инспекций на местах, по восемнадцать в год.

С помощью национальных технических средств разведки, таких как спутники и другие средства, несложно контролировать количество ракет наземного базирования, стратегических подводных лодок и ракет морского базирования, количество тяжёлых бомбардировщиков. Что касается ядерных боеголовок, то тут другая ситуация. Без инспекций на местах со временем будет всё больше неопределённости в отношении того, соблюдает ли другая сторона ограничения на количество боезарядов – 1550 единиц, поскольку, например, со спутников не видно, сколько боеголовок установлено на ракетах. Большинство ракет сегодня способны нести несколько ядерных боеголовок, и это количество может меняться в сторону увеличения.

Наверняка в США со временем начнётся кампания по обвинению России в превышении потолков. По последнему обмену данными, у России было заявлено 1549 ядерных боезарядов. Тогда США могут начать наращивать количества своих боезарядов на стратегических силах. Если обе стороны станут это делать, то паритет будет нарушен не в пользу России. Причина в том, что в силу технических особенностей СНВ-3 американцы осуществляли сокращение боезарядов в значительной степени за счёт снятия части боеголовок с баллистических ракет морского и наземного базирования и переправки их в хранилища. Россия тоже это делала, но в большей мере снимала устаревшие носители, то есть ликвидировала баллистические ракеты, выводила из боевого состава и ликвидировала подводные лодки. В результате возможность вернуть боезаряды из хранилищ у России меньше, чем у США. Подсчёты специалистов показывают, что в течение нескольких лет США могут увеличить количество своих стратегических ядерных боезарядов с нынешних 1420 до трёх с половиной тысяч. Россия может увеличить их количество до двух с половиной тысяч. В результате сложится превосходство США в тысячу боеголовок, и паритет будет нарушен.

Еще более серьёзная опасность связана с тем, как пойдёт дальнейшее развитие стратегических сил России и США без транспарентности и предсказуемости. И это в условиях, когда внедряется всё больше систем двойного назначения, в том числе стратегического класса. Сейчас при выводе бомбардировщика или подводной лодки из состава стратегических сил и их перевооружении на обычные вооружения соблюдаются серьёзные технические процедуры, направляются уведомления другой стороне. Без этого все разграничения будут размываться. Будут развиваться стратегические системы, прежде всего ракеты воздушного и морского базирования в обычном оснащении, которые имеют большую дальность и высокую точность, приобретая стратегический эффект во всех моделях обмена ударами. К тому же не останется никаких надежд на ограничение систем противоракетной обороны, будущих космических вооружений, не говоря уже о киберугрозах стратегическим си-

стемам управления и информационного обеспечения. В результате произойдёт дестабилизация стратегического баланса даже без резкого наращивания носителей.

Какие обоснования выдвигает Россия для приостановки своего участия в ДСНВ?

Есть политический аргумент, и он, на мой взгляд, самый важный. Говорится, что в сложившейся ситуации, когда Запад ставит цель стратегического поражения России, все принципы неделимости безопасности, которые содержатся в преамбуле к договору, перестают работать.

Есть технический аргумент – препятствия, чинимые США для посещения российскими инспекторами американских военных объектов. Они включают закрытие воздушного пространства, визовые ограничения, выведение части своих стратегических носителей из боевого состава ядерных сил таким образом, что их переоборудование не признаётся Россией достаточным в плане контроля. Речь идёт примерно о сотне ракет морского базирования и бомбардировщиках.

Наконец, есть стратегический аргумент. Он включает, во-первых, взаимосвязь оборонительных и наступательных вооружений, которые Соединённые Штаты отрицали с момента их выхода в 2002 г. из Договора по ПРО. Во-вторых, это учёт ядерных сил союзников США по НАТО – Великобритании и Франции, на чём настаивал ещё СССР. Кроме того, говорится, что раз страны НАТО обратились к России с предложением не выходить из ДСНВ, значит они претендуют на участие в этом договоре и их силы необходимо засчитывать. (Кстати, почему бы по этой логике не засчитывать ядерные силы, например, Китая и Индии, которые также выступают за соблюдение договора.)

Но есть и более серьёзный аргумент: когда процесс сокращения стратегических вооружений начинался с Договора СНВ-1 в 1991 г., совокупная численность ядерных боезарядов Великобритании и Франции по правилам зачёта того договора составляла менее 4% от стратегических ядерных сил и Советского Союза, и США. Ядерные силы Великобритании и Франции с тех пор не увеличивались, но зато резко сокращались ядерные силы России и США. В результате удельный вес английских и французских средств вырос до 35%. Поэтому вполне справедливо было бы поставить вопрос об их учёте. Конечно, это сказать легче, чем сделать, но тем не менее над этим стоит работать. С той серьёзной оговоркой, что нет никакой возможности вовлечь в этот процесс Лондон и Париж уже в рамках ДСНВ, истекающего в 2026 г. Тем более, это немыслимо, если этот Договор будет развален в ближайшее время. Но такая возможность может появиться в контексте перехода РФ и США к разработке нового договора на смену ДСНВ после 2026 г. Однако при этом следует тщательно просчитать эту перспективу на случай встречного американского условия об учёте быстро растущих ядерных сил Китая.

Ф.Г. Войтоловский* Динамика трансатлантических отношений показывает, что США смогли существенно укрепить свое влияние на союзников в экономическом, военном и политико-идеологическом отношении. Украинский кризис и Специальная военная операция ВС РФ были максимально использованы Вашингтоном

* **Фёдор Генрихович Войтоловский**, член-корреспондент РАН, директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

для того, чтобы отвратить не только европейских членов НАТО, но и другие страны ЕС от сотрудничества и даже от политического и гуманитарного диалога с Россией. США удалось использовать ситуацию на Украине для того, чтобы ослабить то, что принято называть «стратегической автономией» ЕС – экономической, энергетической сферах и нивелировать ее полностью в сфере военной безопасности.

Если посмотреть на Стратегию национальной безопасности, которую приняла администрация Байдена, на целый ряд сопутствующих документов в сфере военного, политического планирования, то однозначно прослеживается вектор активной, инициативной, наступательной американской внешней и военной политики. На европейском театре, где для США и НАТО главный противник – Россия, США уже смогли решить ряд стратегических задач, которые будут значимы на долгосрочную перспективу.

Администрация Дж. Байдена смогла консолидировать союзников. Над этим бился президент Дж. Буш-младший, заставляя союзников участвовать в военных кампаниях в Афганистане и Ираке. Барак Обама пытался заставить союзников больше платить за свою безопасность. Этого требовал Дональд Трамп, и всем им кое-что удалось. Но Байден добился наибольших успехов, несмотря на то, что далеко не все европейские члены Североатлантического альянса одинаково готовы вовлекаться в новые военные программы и инициативы, предоставлять военную помощь киевскому режиму в запрашиваемых объемах. Так, пока только семь европейских стран – членов альянса поддерживают военные расходы на уровне выше 2% ВВП.

Тем не менее большинство европейских стран НАТО увеличивают свои оборонные траты. Совокупные оборонные расходы альянса превысили 1 трлн долларов. Конечно, в этой цифре 830 млрд – американские расходы ключевые, но всё же увеличение европейских военных расходов, а главное – готовность союзников участвовать в военных планах, в сотрудничестве по различным направлениям, в проведении учений, разработке и производстве вооружений и военной техники, их поставках на Украину в опосредованном противостоянии с Россией – это существенный результат администрации Байдена.

Структура американских военных расходов уже изменилась и продолжает меняться под влиянием текущей международно-политической ситуации. Соединённые Штаты завершили военное присутствие в Афганистане, при всех политических, материальных и моральных издержках, завершили военную кампанию в Ираке – и это сейчас позволяет высвободить значительные средства. Совокупно за 20 лет они потратили больше 2,5 трлн долларов на эти две кампании. Сейчас те деньги, которые Вашингтону удалось высвободить после завершения «войн за морями», пойдут, во-первых, на переоснащение американских вооружённых сил, на модернизацию стратегической ядерной триады, на создание новых видов высокоточных вооружений, в том числе гиперзвуковых систем, ракетно-планирующих систем, перспективных систем средней дальности, крылатых ракет дальнего радиуса действия воздушного базирования, на модернизацию авиации и военно-морского флота, развитие программ создания ракет средней дальности наземного и морского базирования в неядерном и ядерном оснащении. Увеличиваются расходы и на производство обычных вооружений и военной техники. Это расходы, которые должны дать системный эффект с точки зрения боеспособности вооружённых сил США на длитель-

ную перспективу. Американцы смогли за последние 10 лет существенно увеличить расходы на НИОКР военного назначения практически в два раза. С 2014 г. военные расходы Германии увеличились более чем на треть, как и военные расходы Франции. Это происходит в соответствии не только с новым пониманием европейскими союзниками своих приоритетов в сфере безопасности, но и в логике интересов США.

Но насколько американцы смогут решать две ключевые задачи в сфере стратегического планирования: одновременное противодействие России на европейском театре и Китаю – на азиатском-тихоокеанском? Насколько им хватит на это ресурсов? Ответ на этот вопрос будет во многом зависеть от развития ситуации и в Европе, и в российско-американских отношениях, и на глобальном уровне. Традиционно американцы избегали одновременной конфронтации с двумя крупными противниками. Сейчас они оказываются в ситуации Советского Союза 1960-х гг., когда есть главный противник. Пока это мы, а в перспективе – Китай. Но одновременно у США есть второй противник на долгосрочную перспективу – сегодня в этой роли пока выступает КНР, но она со всей очевидностью сможет скоро претендовать на роль основного врага США, а Россия станет вторым по значимости оппонентом. У СССР был период конфликта с Китаем, и одновременно продолжалось противостояние с США. Сегодня Вашингтон приближается к тому, чтобы примерить шкуру СССР. При этом американцы понимают, что углубление кризиса в отношениях с РФ, рост военно-политической напряжённости в Европе, экономическая война против России, санкционная политика и угроза прямого военного конфликта России и НАТО – это существенные глобальные риски для американских интересов.

Военные расходы КНР, по данным агентства «Синьхуа», составляют примерно четверть от американских, хотя официальных данных нет. По оценкам Стокгольмского института мира SIPRI, это более 250 млрд долларов. Специалисты «Рэнд Корпорейшн» называют цифру гораздо выше – 320–340 млрд. Уже в 2019 г. по количественному составу военно-морского флота Китай обошёл США. Понятно, что потенциалы ВМФ двух стран с точки зрения тактико-технических характеристик, структуры флотов, параметров технического оснащения кораблей пока остаются трудно сопоставимыми – проигрывая количественно, ВМС США превосходя морскую мощь НОАК качественно. Но тренд очевиден. Эти же тенденции развиваются в ракетно-ядерной сфере. По данным американцев, китайцы строят 320 шахтных пусковых установок, и это когда КНР обладает технологией разделяющихся головных частей, может быстро ее приблизить по потенциалу стратегических ядерных сил к США и России. Пока Китай не располагает способностью ответно-встречного удара, способного уничтожить США, но как изменится баланс сил через 5 лет? Пока США активно работают над тем, чтобы возродить старые форматы отношений с союзниками в Азии и сформировать новые.

На этом этапе американцы сделали ставку на противостояние с более слабым, как они предполагали, экономически и в военном отношении противником – с Россией, считая, что перехода к прямому военному столкновению не будет, хотя игру в эскалацию мы видим в контексте украинского кризиса постоянно. Но на долгосрочную перспективу главный для них противник, конечно, КНР. Необходимо внимательно изучать, как будет развиваться динамика отношений в этом треуголь-

нике, как это будет влиять на отношения между Россией и европейскими странами. Сейчас перед США встает задача еще более сложная, чем та, которую ставила реализовавшаяся с 2014 г. линия на разрыв экономической взаимозависимости России и ЕС. Теперь Вашингтону предстоит так повлиять на союзников в Европе, чтобы они пошли на разрыв торговых и инвестиционных связей стран ЕС с Китаем, а их объем уже существенно превышает масштабы торгово-экономического взаимодействия США и КНР. Товарооборот КНР и ЕС в 2022 г. превысил 900 млрд долл. Так что это будет труднейшей политической задачей для США.

А.В. Кортунов* Хотел бы поделиться некоторыми наблюдениями, вытекающими из обсуждений отношений России и Запада, которые состоялись на протяжении последнего года, прежде всего – на уровне второго трека. Эти три горизонта, в том числе в отношении задач, которые возникают на европейском направлении для России в сфере традиционной безопасности.

Есть ближайший горизонт, который просматривается до завершения активной фазы СВО, пока российско-украинский конфликт и конфликт между Россией и Западом не перейдет в более латентное состояние. Этот горизонт может измеряться несколькими месяцами, но может оказаться и более продолжительным.

Второй горизонт – это то, что произойдет после того, как активная фаза конфликта так или иначе завершится. Она может закончиться каким-то юридически обязывающим соглашением о перемирии или же сойти на нет без такого соглашения.

Третий горизонт – это более долгосрочные отношения между Россией и Западом при условии, что удастся достичь не только перемирия, не только прекращения огня по линии соприкосновения сторон, но и какого-то политического урегулирования конфликта в целом.

Говоря о ближайшем горизонте, напомним, что теория конфликтов учит, что если конфликт не удастся остановить, то тогда единственное, что можно сделать – постараться управлять эскалацией и проводить там, где это возможно, меры по деэскалации конфликта.

Против идеи деэскалации выдвигают, как правило, два основных аргумента. Первый: раз стороны друг другу не доверяют, то деэскалация практически недостижима, поскольку нарушения любых договоренностей и, особенно, неформальных, практически неизбежны. Так, российская сторона неоднократно заявляла о том, что вооруженные силы Украины используют гражданские объекты для ведения боевых действий. Из Киева звучат встречные обвинения. Пока конфликт продолжается, каждая из сторон будет стремиться сохранить максимальную свободу рук – в том числе и как средства политического давления на противника. Второй аргумент сводится к тому, что деэскалация, в случае своего успеха, делает конфликт более приемлемым и для его участников, и для международного сообщества. То есть деэскалация рассматривается как де-факто альтернатива соглашению о прекращении конфликта и может на практике вести к затягиванию конфликта, который ведется по каким-то правилам.

* **Андрей Вадимович Кортунов**, к.и.н., научный руководитель Российского совета по международным делам.

Тем не менее мы знаем, что усилия по деэскалации ведутся, и яркий пример этих усилий – то, что пытается делать МАГАТЭ в отношении объектов атомной энергетики на территории Украины. Если исходить из того, что эта работа имеет какие-то, пусть даже скромные, шансы на успех, то тогда можно развивать данный подход и дальше, скажем, в отношении других объектов, разрушение которых имело бы столь же масштабные негативные последствия. Например, кроме объектов атомной энергетики можно обратить внимание на крупные химические предприятия, удары по которым имели бы масштабные экологические последствия. У наших военных, насколько я помню, были идеи, касающиеся ограничения ударов по плотинам крупных гидроэлектростанций, поскольку и здесь последствия были бы очень значительными.

О втором горизонте после прекращения активной фазы конфликта. Если исходить из того, что решающей военной победы одной из сторон в конфликте пока не просматривается, то главная задача на этом этапе – обеспечить соблюдение сторонами условий соглашения, даже если оно четко не оформлено политически и юридически. У нас пока имеется опыт Минских соглашений, который в целом считается неудачным, но именно поэтому встаёт задача по разработке новых механизмов и процедур, которые могли бы быть более эффективными и надежными. Есть вариант создания некоего гибридного механизма с участием ОБСЕ и ООН. Первая организация имеет институциональный опыт работы на территории Украины. Конечно, её ресурсный потенциал недостаточен. В рамках «Минска-2» было задействовано примерно 700 наблюдателей на 400 км линии соприкосновения, что не позволяло осуществить эффективные мониторинг соблюдения соглашения. ООН в лице Департамента миротворческих операций имеет более значительный ресурс, но в своей оперативности уступает ОБСЕ. Да, не так просто совместить две разные институциональные культуры, тем не менее, над этим вопросом, по всей видимости, стоит размышлять уже сегодня.

Наконец по поводу долгосрочного горизонта в несколько лет. Если исходить из того, что ни на Западе, ни в России не произойдёт кардинальных изменений, то речь на этом горизонте пойдет о фиксации ситуации военно-политического противостояния в Европе с решением двух взаимосвязанных задач. Первая – снижение рисков непреднамеренной эскалации, стабилизация кризисных ситуаций в евроатлантическом пространстве при их возникновении. Вторая – снижение издержек противостояния, включая военные, финансовые, экономические, социальные и иные. Понятно, что ни Россия, ни Запад не должны быть заинтересованы в бесконтрольной гонке вооружений со всеми вытекающими негативными последствиями.

Это означает, что придётся в той или иной форме восстанавливать механизмы, которые в своё время создавались в рамках Совета Россия – НАТО, включая его военное измерение. Ясно, что необходимо постоянное оперативное взаимодействие между военными двух сторон для того, чтобы реагировать на возможные кризисы. Вероятно, это будет какой-то совершенно иной механизм, может быть, «группа кризисного реагирования» или что-то ещё, но это совершенно необходимо, отвечает общим интересам, и это то, к чему стороны, наверняка, придут через несколько лет. Возможно, удастся вернуться к некоторым процедурам, которые существовали в рамках ОБСЕ, к идеям из Венского документа, из «структурированного диалога», некоторым другим механизмам, хотя все это будет очень трудно и, наверное, очень

небыстро. В любом случае, ОБСЕ – единственная общеевропейская структура с участием России, и выбор платформы здесь невелик.

Принципиальный вопрос – гарантии безопасности Украины и России в этой новой европейской экосистеме безопасности. Силами только европейских стран или силами только Запада такие гарантии создать невозможно, поскольку Запад уже стал фактически участником конфликта. Необходима дальнейшая интернационализация системы европейской безопасности, по всей видимости, с включением в нее в том или ином формате ведущих государств глобального Юга, прежде всего, КНР и других важных игроков.

А.И. Шумилин *. В области общеевропейской системы безопасности хотел бы более подробно остановиться на такой её грани, как средиземноморские конфликты. Средиземноморье было и остаётся зоной повышенной военно-политической напряжённости. Причин тому множество, но важнейшая в том, что там проходит линия цивилизационного разлома: между исламской цивилизацией и европейской. Это зона сосредоточия ряда конфликтов, волны которых вышли за пределы региона: между Грецией и Турцией (включая Кипр), Израилем и Палестиной, в Ливии, Сирии, Ливане. Районы стабильно повышенной напряжённости из-за территориальных споров – между Алжиром и Марокко, Сербией и Косово. Разногласия сохраняются между Британией и Испанией из-за Гибралтара, между Мадридом и Рабатом из-за испанских анклавов Сеута и Мелилья. Этот список можно продолжить. Практически во всех перечисленных конфликтах Евросоюз пытается осуществлять миротворческие миссии.

Одним из важнейших изменений ситуации в регионе в целом и в Восточном Средиземноморье стала заметно возросшая роль Турции, усиление её влияния. Это стало возможным в результате последовательной реализации Р.Т. Эрдоганом политико-идеологической концепции «неоосманизма», направленной на усиление роли и расширение масштабов присутствия Турции в стратегически важных для неё районах. Чаще всего это происходит путём поддержки одной из сторон в уже разгоревшемся конфликте (Кипр, Ливия, Сирия).

В утверждении своей позиции по ряду вопросов Эрдоган проявляет решимость противостоять давлению со стороны союзников по НАТО (приобретение российских ЗРК С-400 в 2019 г., вето на вступление Швеции в альянс). Это повышало градус напряжения в отношениях Анкары с партнёрами. В отличие от Де Голля, выведшего Францию из военной организации НАТО в середине 1960-х гг., Эрдоган предпринимает более точечные акции ради «геополитической мобилизации» – утверждения роли Турции в Восточном Средиземноморье в целом, как и в интересах обеспечения устойчивости своего режима.

Можно ли говорить о том, что модель Эрдогана в международных делах соответствует интересам России? Думаю, что нет. В Ливии, Сирии, на Кипре позиции Москвы и Анкары противоположны. В отношении конфликта вокруг Украины Эрдоган позиционирует себя в качестве посредника (например, «зерновая сделка») в политическом плане, но в военно-стратегическом склоняется к взаимодействию с

* **Александр Иванович Шумилин**, д.полит.н., руководитель Центра Европа – Ближний Восток, Отдел европейской безопасности ИЕ РАН.

Киевом. По сути, он не выходит за рамки ограничений, наложенных на Турцию членством в НАТО. В сложившейся ситуации, однако, именно президент Эрдоган всё чаще воспринимается ведущими членами альянса как возможный посредник в диалоге НАТО с Россией после завершения нынешнего конфликта на востоке Европы. Ещё недавно порицавшаяся Брюсселем излишняя самостоятельность Эрдогана в международных делах может быть использована Западом для частичной стабилизации отношений между Россией и НАТО в среднесрочной перспективе.

Д.А. Данилов*. Система европейской безопасности переживает фундаментальный кризис. За четверть века после падения Берлинской стены так и не удалось создать «Европу от Ванкувера до Владивостока», добиться неприменения силы в общеевропейских отношениях. Первую и Вторую мировые войны тоже разделяет исторически небольшой период. Теперь развивавшийся многие годы конфликт на Украине перерос, по существу, в прокси-войну между Россией и Западом. Такая новая реальность предельно сужает возможности деэскалации и политического урегулирования не только на Украине, но и отношениях Россия – Запад. Нарастает конфликтность и в других европейских регионах (Балканы, Нагорный Карабах, Средиземноморье), а институты и механизмы урегулирования, напротив, деградируют.

Россия уже воспринимается не в качестве стратегического вызова, а как прямая угроза Евроатлантике и международному порядку, «основанному на правилах». НАТО и ЕС ведут активную работу по политико-правовому обоснованию политических директив, принятых против России, соответствующих направлений военной активности, включая расширительное толкование применения статьи 5 Вашингтонского договора о коллективных гарантиях безопасности (их распространение на новые сферы оперативного планирования, включая киберпространство и космос).

Объявление Китая вызовом Евроатлантике и её ценностям направлено на противодействие не только самому Пекину, но и развитию его сотрудничества с Россией, особенно в технологической и военно-технической сфере. В целом «новая норма» европейского и международного порядка означает для Запада необходимость опоры на собственные институты и механизмы безопасности и, соответственно, усиления их геополитической роли и геополитическую экспансию по формуле «кто не с нами – тот против нас». Это способствует ослаблению многосторонних институтов, прежде всего ООН, которую Запад использует как инструмент противоборства с «ревизионистскими державами» и «авторитарными режимами».

Тем не менее в российском экспертном сообществе по-прежнему магистральной является установка на поиск путей снижения уровня противостояния в парадигме неделимости безопасности и прагматичного взаимодействия. Есть ясное понимание того, что развитие многостороннего сотрудничества по широкой повестке безопасности невозможно без преодоления фундаментальных противоречий и конфликтующих стратегий в военно-политической сфере.

«Мягкая безопасность», несомненно, важнейший ресурс достижения международного мира на основе многостороннего согласования национальных и групповых

* *Дмитрий Александрович Данилов*, к.э.н., руководитель Отдела европейской безопасности ИЕ РАН.

интересов. Но в ситуации, когда столкновение интересов перерастает в фазу фундаментальных разногласий с тенденцией к эскалации и возрастанию рисков новых региональных конфликтов, задача развязать гордиев узел «жесткий безопасности» вновь выходит на первый план.

А.В. Загорский*. Конкретные параметры европейской безопасности для России определяются только по итогам военного противостояния на Украине. Но уже сегодня очевиден ряд фундаментальных перемен в той среде, в которой Россия будет находиться в Европе.

Во-первых, если все предыдущие кризисы в отношениях России и Запада в Европе (1999 г. – Косово, 2008 г. – Грузия) заканчивались достаточно быстрой перезагрузкой отношений, то после 2014 г. такая перезагрузка не произошла, хотя, как казалось, она была отложена временно. В начале 2022 г. складывалось впечатление, что стороны могут выйти на возобновление диалога по целому ряду крупных вопросов. После февраля 2022 г. какая-либо перезагрузка, конечно, стала невозможной на длительную перспективу.

Во-вторых, произошла беспрецедентная консолидация Запада за весь период после окончания холодной войны. Списывать её просто на манипуляции США было бы неверно. В самой Европе произошли глубокие перемены в настроении политических элит и в общественном мнении. В Германии радикально изменились подходы к России. По недавним социологическим опросам, более 70% жителей таких стран, как Германия и Франция, готовы платить за отказ от российских энергоресурсов и выступают за усиление санкций против России. Мы ещё пока до конца не поняли глубину этих перемен.

В условиях такого разворота бывшие стратегические партнёры России в Европе не предложили какую-либо свою модель новой политики в отношении нашей страны. Поэтому сегодня в дискуссиях в рамках Европейского союза и в рамках НАТО тон задают самые острые критики РФ.

Меняется экономическая основа отношений России с Европой. Наметилась тенденция к её необратимому отказу от российских энергоресурсов. Одновременно серьёзно ограничиваются поставки европейских технологий, которые сохраняются, видимо, даже в том случае, если когда-либо, в более благоприятной обстановке, начнётся постепенная отмена санкций против нашей страны. Поэтому в перспективе неясно, о чём можно будет разговаривать с Евросоюзом. Ещё недавно популярная формула, согласно которой в стратегических интересах двух сторон предлагалось соединить российские энергоресурсы с европейскими технологиями, стала достоянием прошлого. Мы говорим о необходимости решать вопросы уменьшения опасности военного столкновения России и НАТО. Но очевидно, что это не получится сделать с помощью механизмов, созданных в своё время на базе Совета Россия – НАТО. Придётся создавать новые механизмы для снижения рисков.

Помимо этого повестка дня будет вновь во многом определяться нерешёнными вопросами о границах. Вряд ли стоит ожидать, что новые границы России после

* **Андрей Владимирович Загорский**, д.и.н., заведующий Отделом разоружения и урегулирования конфликтов Центра международной безопасности ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

завершения военной фазы конфликта будут признаны европейскими странами де-юре, да и де-факто тоже. Это будет мешать достижению договорённостей по другим вопросам. Например, есть ли шансы на возрождение Венского документа по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе? Даже если в теории да, то кто будет приглашать для проведения инспекций или проверок на новых территориях РФ? Кто будет приглашать в Крым? На это не соглашались и до этого. Это будет создавать не просто юридические и иные проблемы, но в обозримой перспективе не позволит достичь какой-либо политической договорённости с Западом для фиксации нового статус-кво или хотя бы модус вивенди на переходный период.

НАТО и Россия окончательно вернулись к ситуации взаимного военного сдерживания. На протяжении ближайших лет в НАТО будет вестись работа по выполнению решений последних саммитов альянса. В России также будут меняться численность войск и география их размещения. Тем самым достижение в обозримой перспективе договорённостей в области контроля над обычными вооружениями в Европе сводится к минимуму. В лучшем случае можно надеяться на взаимные меры по уменьшению военной опасности.

Как бы успешно ни осуществлялся «поворот на восток», у России будет оставаться огромное количество вопросов, которыми придётся заниматься с США, НАТО, ЕС. Эта работа будет требовать достижения каких-то взаимопониманий, согласований, договорённостей.

П.А. Шариков* На фоне происходящего в Европе и мире важно сказать о ситуации в отношениях между ЕС и США. При демократической администрации Дж. Байдена происходит восстановление трансатлантических отношений – весьма резкий разворот по сравнению с неоизоляционистской политикой Д. Трампа. Демократическая партия стремится институционализировать трансатлантические отношения, обеспечить им стабильность в условиях трансформации мирового порядка. Двусторонние отношения Вашингтона с партнёрами в Европе развиваются не менее интенсивно по сравнению с треком США – ЕС. Более того, после брекзита субъектность ЕС возросла. Отношения США с ЕС в основном развиваются вокруг экономических интересов, а проблематика безопасности обсуждается в рамках Североатлантического альянса.

При Байдене возобновилась практика проведения саммитов с ЕС. Саммит в июне 2021 г. был с масштабной повесткой. Усиливается взаимодействие на уровне законодательных ветвей власти. Основные текущие вопросы решаются в форматах Совета по торговле и технологиям; Совета по энергетике; стратегических диалогов и др. Одним из важнейших приоритетов стали энергетика, защита окружающей среды и борьба с изменением климата. Выработка общей политики в этих сферах осуществляется в рамках Энергетического совета, учреждённого ещё при администрации Обамы.

В контексте вопросов военно-политической безопасности роль НАТО для Запада возрастает. Появляются и новые сопутствующие форматы, например, «рамштайнский», причём географически его состав выходит далеко за рамки

* **Павел Александрович Шариков**, к.полит.н., Отдел исследований европейской интеграции ИЕ РАН.

трансатлантического пространства. Развивается проект AUKUS. Важнейшим аспектом отношений США и Европы становится сдерживание Китая. Политики с обоих берегов Атлантики всё больше сходятся в том, что неизбежно стратегическое соперничество с Китаем, включающее сложный комплекс экономических, финансовых, военно-политических и других аспектов. В планах США, НАТО и ЕС – дальнейшее вовлечение в их орбиту партнёров и союзников в АТР.

Соперничество с Китаем разворачивается в первую очередь в сфере высоких технологий. США и Европа в целом солидарны в том, чтобы сфокусировать свои экономические и финансовые ресурсы для снижения конкурентоспособности Китая в технологической сфере. Соответственно вводятся меры импортного контроля, контроля за цепочками поставок, по защите информационной безопасности.

Вместо заключения

Ал.А. Громыко. По количеству населения ЕС находится на третьем месте в мире, но его доля будет неизбежно снижаться. В то же время Единый рынок ещё долго будет сохранять место среди мировых лидеров, в том числе по технологической оснащённости. Однако вес ЕС в глобальной экономике также продолжит падение. Это интеграционное объединение вошло в зону длительной стагнации. Основные причины – в более быстром развитии незападных центров силы, в рисках политизированного «энергоперехода» и ангажированного «зелёного курса», в стратегически недалёковидном разрыве экономических отношений с Россией и усилении противостояния с Китаем, в неравномерности развития стран-членов.

Россия совершает трудный и форсированный переход в рамках политики «разворота на восток». Ей предстоит длительная конкуренция за кошельки и сердца глобального Юга. В условиях курса Вашингтона на «двойное сдерживание» России и Китая будут укрепляться элементы российско-китайского тандема, а европейские государства продолжат попытки маневрирования между лояльностью США и жизненной необходимостью развития экономического сотрудничества с Пекином.

Дальнейшее укрепление получит феномен полицентричного мира. С высокой вероятностью можно предположить, что речь идёт о полицентричности с элементами сложносоставной квазибиполярности. Мало сомнений в том, что США и Китай всё явственнее образуют основную ось мировой политики на обозримое будущее. Однако её характеризует усечённый, квазибиполярный характер в виду того, что количество восходящих центров силы, сравнимых по тем или иным параметрам с США и Китаем и имеющих собственные геополитические амбиции, существенно выше, чем в ситуации второй половины XX века. Сверхдержав в былом понимании давно не существует в отличие от растущего количества «нишевых» держав – мировых лидеров по определённым позициям. Одновременно история учит, что периоды конфронтации старых и восходящих государств чередуются с периодами стабилизации, установления нового баланса сил на основе тех или иных механизмов сдержек и противовесов.

УДК 32.019.51: 327.8

ПОДХОДЫ ЕС В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ С ГИБРИДНЫМИ УГРОЗАМИ

© 2023 г. **БАЗАРКИНА Дарья Юрьевна***

Доктор политических наук

Ведущий научный сотрудник, Отдел исследований европейской интеграции

Институт Европы Российской академии наук

125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3

***E-mail:** bazarkina-icspsc@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.03.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье методом системного анализа определен подход ЕС в отношении Китая в контексте борьбы с гибридными угрозами. Установлено, что стремление ЕС укрепить свою акторность на международной арене и снизить зависимость от третьих стран в обеспечении критической инфраструктуры, а также солидарность с риторикой и практикой США по ограничению экономического влияния Китая ведут к обсуждению действий КНР в рамках нарратива гибридных угроз. Среди институтов ЕС наибольшее количество обвинений Китая в создании таких угроз содержится в документах Европейского парламента. Европейская комиссия и Совет ЕС в целом склонны придерживаться менее политизированного тона, однако в их документах также есть указания на КНР как на актора гибридных угроз. Подход институционального треугольника Евросоюза проиллюстрирован материалами Европейской внешнеполитической службы, агентств и профильных аналитических центров. Институты ЕС стремятся ограничить роль Китая на самых разных направлениях – от инвестиционной деятельности до образовательных инициатив и мер поддержки СМИ.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, гибридные угрозы, дезинформация, Европейский парламент, Европейская комиссия, Совет ЕС, Европейская внешнеполитическая служба

DOI: 10.31857/S0201708323040010

EDN: bvqbps

В условиях экономической и политической конкуренции борьба с гибридными угрозами становится оправданием ограничительных мер и дискредитационных кампаний в отношении оппонента [Базаркина, 2022]. Источником гибридных угроз может расцениваться даже экономический подъем страны-конкурента, если он грозит переделом рынков. В настоящее время такой подъем переживает Китай – прямой конкурент ЕС и США в ряде отраслей. Евросоюз вступил в торговые войны с КНР, который был назван в публикациях институтов ЕС источником гибридных угроз. Подобные явления свидетельствуют о возможности перехода стратегической конкуренции¹ стран Запада с Китаем в фазу открытого противоборства, что делает исследования проблем гибридных угроз и действий актуальными.

Цель статьи – определить подход ЕС в отношении Китая в контексте борьбы с гибридными угрозами. Предмет работы малоизучен, однако важным подспорьем для исследования стали публикации по проблемам отношений ЕС и КНР: анализ глобальных трансформаций [Воскресенский, 2021] экономических [Glen, Murgu, 2007] и политических [Crookes, 2013; Ломанов, 2019; Li, 2022] отношений двух сторон и роли в них фактора США [Фриман, 2021]. Внимание в статье уделено публикациям институционального треугольника ЕС (институтов, играющих ключевые роли в принятии решений на уровне Союза) – Европейского парламента (ЕП), Совета ЕС и Европейской комиссии (ЕК). В эмпирическую базу исследования вошли высказывания Европейской внешнеполитической службы (ЕВС) и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, публикации Центра передового опыта по борьбе с гибридными угрозами (*European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, Hybrid CoE*) ЕС – НАТО и агентств Евросоюза. Основной метод исследования – системный анализ.

Причины обозначения Китая как источника гибридных угроз в публикациях ЕС

Конкуренция ЕС и Китая – одна из главных причин отнесения последнего к странам-источникам гибридных угроз в ряде документов Евросоюза. В конце 2020 г. Брюссель и Пекин успешно завершили переговоры о двустороннем инвестиционном соглашении, которое, однако, не было подписано и ратифицировано. В марте 2021 г. ЕС вслед за США, Канадой и Британией ввел против Китая санкции, обвинив его в нарушениях прав человека в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В 2020–2021 гг. Пекин все чаще обвиняли в напористой промышленной политике в связи с ростом влияния китайских компаний на европейских рынках [Базаркина, 2022]. Существуют более ранние свидетельства перехода этой конкуренции в гибридное противоборство. Например, 12 сентября 2018 г. Европарламент принял резолюцию, в которой сказано, что стратегическое партнерство с Китаем «является одним из наиболее важных для ЕС», но депутаты «обеспокоены

¹ См., к примеру: National Security Strategy. The White House. 10.2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

тем, что увеличение глобального экономического и политического веса Китая за последнее десятилетие стало испытанием для ... общих обязательств»¹. С 2019 г. риторика в отношении КНР стала еще более жесткой. Одновременно Евросоюз постепенно наращивал усилия по снижению зависимости европейской экономики от Китая [Болгова и др., 2022: 88]. В данном контексте Брюссель и Пекин вели торговые споры во Всемирной торговой организации. В частности, Китай ограничил в правах европейских обладателей патентов на производство высокотехнологичных товаров (в этом ЕС видит принудительную передачу технологий) [Чижевская, 2023: 115].

Помимо систематической критики политики Китая в СУАР, Гонконге и Тибете, напряженность между ЕС и КНР росла по вопросу Тайваня, с которым Евросоюз стремится развивать двусторонние отношения в обход китайского правительства. Роль Тайваня в глобальных цепочках поставок высоких технологий ЕС оценивает как решающую². Пекин видит в шагах Брюсселя нарушение договоренностей в рамках политики одного Китая. В отношении КНР ЕС не только поддерживает курс Соединенных Штатов (президент США Дж. Байден заявил о готовности защищать Тайвань военным путем³), но и стремится укрепить акторность во внешней политике использованием все большего количества рычагов воздействия на Китай. Это происходит на фоне стремления Евросоюза снизить зависимость от КНР в поддержке критической инфраструктуры (в частности, в производстве микросхем⁴).

Отношение Евросоюза к Китаю как к источнику гибридных угроз обусловлено зависимостью ЕС в сфере безопасности от США и НАТО. 20 из 74 общих предложений о сотрудничестве с альянсом связаны с противодействием гибридным угрозам⁵. В совместном заявлении 2023 г. указано: «Мы живем в эпоху растущей стратегической конкуренции. Растущая напористость и политика Китая создают проблемы, которые нам необходимо решить»⁶. Это заявление перекликается со Стра-

¹ European Parliament resolution of 12 September 2018 on the state of EU-China relations. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2018-0343_EN.html (дата обращения: 25.04.2023).

² European Parliament recommendation of 21 October 2021 to the Vice-President of the Commission / High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy on EU-Taiwan political relations and cooperation. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0431_EN.html (дата обращения: 25.04.2023).

³ Байден заявил о готовности защищать Тайвань военным путем. РБК. 23.05.2022. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/05/2022/628b24e59a7947adc11d551d?ysclid=lh6fbns8ot943978544> (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ Report on foreign interference in all democratic processes in the European Union, including disinformation. European Parliament. 2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2022-0022_EN.pdf (дата обращения: 04.05.2023).

⁵ Factsheet – Countering Hybrid Threats. EU DG DEFIS. 31.03.2022. URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry/hybrid-threats_en (дата обращения: 04.05.2023).

⁶ Joint Declaration on EU-NATO Cooperation by the President of the European Council, the President of the European Commission, and the Secretary General of the North Atlantic Treaty Organization. 10.01.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_210549.htm (дата обращения: 04.05.2023).

тегией национальной безопасности США 2022 г., где говорится о Китае, как о сопернике, имеющем амбиции изменить мировой порядок¹. Стратегия Вашингтона включает согласование усилий с сетью союзников и партнеров, «чтобы превзойти КНР в технологической, экономической, политической, военной, разведывательной областях и глобальном управлении»².

Подход ЕС к КНР отличается прагматизмом. Сохранение торговых контактов создает противовес зависимости от США, нужный для продвижения к стратегической автономии. В связи с этим Китай признают важным партнером, с которым нежелателен разрыв³, однако следует конкурировать «везде, где это необходимо»⁴. Несмотря на глобальную рецессию в период пандемии *COVID-19*, Китай, обогнав США, стал крупнейшим торговым партнером ЕС в 2020 г. [Li, 2022: 221]. В условиях Специальной военной операции на Украине (СВО) Брюссель стремится склонить Пекин к осуждению действий российской стороны. По заявлению Ж. Борреля, «есть четыре области [в отношениях с КНР], представляющие особый интерес: ценности ЕС, экономическая безопасность, Тайвань и Украина», и именно в силу могущества Китая Евросоюзу приходится поддерживать с ним диалог⁵. Этот подход отразился в рабочей версии документа, который Ж. Боррель представил 12 мая 2023 г. на неформальной встрече министров иностранных дел государств-членов ЕС в Стокгольме (документ одобрен и дорабатывается в рамках подготовки к обсуждению на заседании Европейского совета)⁶. Таким образом, развивается многослойность подхода ЕС к Китаю одновременно как к партнеру, экономическому конкуренту и системному сопернику [Ломанов, 2019: 161]. Именно две последние роли Китая отражены в подходе ЕС к борьбе с гибридными угрозами.

Китай в публикациях ЕС, посвященных борьбе с гибридными угрозами

В марте 2022 г. ЕВС дала следующее определение гибридным угрозам: «Гибридные угрозы воздействуют на уязвимые места, которые используются для нанесения ущерба ниже порога открытой агрессии. Они [гибридные угрозы] представляют собой смесь мер принуждения и подрывных действий, традиционных и нетрадиционных методов, скоординированных во многих областях. Авторитарные режимы все чаще пытаются подорвать общие демократические ценности ЕС..., используя различные виды гибридной деятельности, такие как манипуляция инфор-

¹ National Security Strategy.

² Там же.

³ MEPs call for clarity and unity in policy on China. Press Release. European Parliament. 18.04.2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230414IPR80115/meps-call-for-clarity-and-unity-in-policy-on-china> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Report on a new EU-China strategy. European Parliament. 26.7.2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2021-0252_EN.html (дата обращения: 18.04.2023).

⁵ MEPs call for clarity and unity in policy on China.

⁶ BQE. 2023. No. 13181. 13.05.

мацией, кибератаки, правовые войны, экономическое принуждение или инструментализация [потоков] мигрантов»¹. Определение сузилось по сравнению с существовавшим в 2018–2021 гг. [Базаркина, 2022: 144]: исчезли упоминания многих военных мер, появилось указание на авторитарные режимы. Последнее получило развитие в других публикациях. Например, Агентство ЕС по кибербезопасности (*The European Union Agency for Cybersecurity, ENISA*) отмечает, что «группа стран движется к цифровому авторитаризму, принимая китайскую модель обширной цензуры и автоматизированных систем наблюдения» [Mattioli et al., 2023: 32]). Этот подход сложился еще до начала СВО и нацелен на КНР не меньше, чем на РФ.

С опорой на определение к гибридным отнесены (прямо или косвенно, т.е. без употребления термина) действия Китая во многих областях (экономической, политической, культурной и т.п.). Информационная деятельность структур КНР чаще всего относят в разряд угроз иностранного вмешательства в демократические процессы. Тем не менее прямые упоминания Китая в качестве угрозы нечасты в силу осторожности ЕС в отношениях с КНР как с партнером.

Отсылки к Китаю в нарративе гибридного противоборства наиболее многочисленны в документах Европарламента. Минимум в восьми резолюциях и одной рекомендации, принятых в 2017–2022 гг., КНР упоминается в контексте угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество или конкретно ЕС. Среди особенно заметных высказываний: «воинственность КНР представляет серьезную угрозу статус-кво ... с серьезными последствиями для глобальной стабильности и мира, в том числе для ЕС»² (2022 г.); «Китай вместе с другими недемократическими странами также остается серьезной угрозой для демократий в Европе из-за дезинформационных кампаний»³ (2021 г.), а также упоминание усилий Китая «по подрыву демократии, в частности на Тайване», и последствий «для демократий по всему миру»⁴ (2021 г.). Депутаты считают, что «будущая стратегия ЕС в отношении Китая должна предоставить необходимые инструменты и данные для устранения политических, экономических, социальных и технологических угроз, исходящих от Китая»⁵ (2021 г.), призывают Евросоюз вместе с НАТО к «борьбе с гибридными угрозами, включая кибератаки и дезинформационные кампании, исходящие из Китая»⁶ (2021 г.) и т.п.

Политические декларации такого рода находят отражение в практических действиях. Например, в октябре 2021 г. Европарламент в рекомендации Высокому представителю назвал ключевым партнером в Индо-Тихоокеанском регионе не Ки-

¹ Countering hybrid threats. European External Action Service. 31.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/countering-hybrid-threats_en (дата обращения: 18.06.2023).

² European Parliament resolution of 15 September 2022 on the situation in the Strait of Taiwan. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2022-0331_EN.html (дата обращения: 23.06.2023).

³ Там же.

⁴ European Parliament recommendation of 21 October 2021...

⁵ European Parliament resolution of 16 September 2021 on a new EU-China strategy. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0382_EN.html (дата обращения: 23.06.2023).

⁶ Там же.

тай (именно он – основной партнер Союза в регионе), а Тайвань, процитировав высказывание тайваньского министра обороны Цю Гочжэна: «Китай может быть способен организовать полномасштабное вторжение на Тайвань к 2025 году»¹. В ноябре 2021 г. ЕП впервые направил в Тайбэй официальную делегацию в составе семи членов Специального комитета по борьбе с иностранным вмешательством и дезинформацией (*Special Committee on Foreign Interference in all Democratic Processes in the European Union, including Disinformation, INGE*)², чтобы изучить тайваньский опыт с учетом «интересов Китая на Тайване, их общего языка, истории». Члены *INGE* выразили намерение более тесно сотрудничать с НПО и тайваньскими экспертами и делиться опытом «с другими демократическими союзниками как в регионе, так и за его пределами»³. Таким образом, институты Евросоюза все более активно ищут выход на широкую аудиторию на Тайване для осуществления собственных информационных кампаний. На фоне призывов Ж. Борреля в апреле 2023 г. отправить военные корабли из стран ЕС для патрулирования Тайваньского пролива⁴ (после военных учений КНР в ответ на визит в Тайбэй спикера палаты представителей США Нэнси Пелоси) можно заключить, что Брюссель активно готовит информационный фон для возможных военных действий.

Наряду с усилением влияния на Тайване ЕС стремится ограничить инициативы китайского правительства на территории государств-членов, объясняя это необходимостью борьбы с иностранным вмешательством в демократические процессы. В частности, Исследовательская служба Европейского парламента⁵ считает субъектами вмешательства Институты Конфуция – культурно-образовательные центры, создаваемые Государственной канцелярией КНР по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань). Поводом для этого стал пункт 6 Общих принципов институтов, где говорится, что центры не могут нарушать законы Китая (это стало причиной разногласий Институтов Конфуция и руководств университетов в оценках политики КНР). Критикуется государственное финансирование институтов, несмотря на то что аналогичные структуры – Институт Гёте и Британский совет – активно поддерживались правительствами на начальных этапах работы [Huang, Xiang, 2019: 253]. Сфера образования остается частым объектом дискуссий по вопросам иностранного вмешательства и академической свободы.

¹ European Parliament recommendation of 21 October 2021...

² Liu D. As EU-Taiwan ties deepen, cybersecurity is front and centre. France 24. 11.12.2021. URL: <https://www.france24.com/en/asia-pacific/20211211-as-eu-taiwan-ties-deepen-cybersecurity-is-front-and-centre> (дата обращения: 25.04.2023).

³ Там же.

⁴ Tribune. Josep Borrell, chef de la diplomatie européenne: «Un regard froid sur la Chine». Le Journal du Dimanche. 22.04.2023. URL: <https://www.lejdd.fr/international/tribune-josep-borrell-chef-de-la-diplomatie-europeenne-un-regard-froid-sur-la-chine-134992> (дата обращения: 25.04.2023).

⁵ Strategic communications as a key factor in countering hybrid threats. PE 656.323. European Parliamentary Research Service. 03.2021. P. 58–59. URL: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU\(2021\)656323](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_STU(2021)656323) (дата обращения: 25.04.2023).

В документах ЕК по проблеме гибридных угроз Китай упоминается гораздо реже и в более спокойном тоне, однако в 2019 г. в сообщении «ЕС – Китай: стратегические перспективы» Комиссия заявила, что «растущий военный потенциал Китая в сочетании с его ... стремлением иметь к 2050 году самые технологически совершенные вооруженные силы представляют собой проблемы безопасности для ЕС уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе». В следующей фразе подчеркнуто: «межсекторальные гибридные угрозы, включая информационные операции и крупные военные учения, ... бросают вызов безопасности ЕС и должны рассматриваться в контексте наших взаимоотношений»¹. Дезинформация со стороны КНР упоминается в отчетах Комиссии и Высокого представителя об имплементации Совместной рамочной программы 2016 г. по противодействию гибридным угрозам. Однако, если в отчетах 2019 и 2020 гг. упоминания Китая связаны с кибердиалогом², то в 2021 г. указано, что «на протяжении всей пандемии ... ЕВС публиковала открытые отчеты о дезинформации..., в которых освещались действия ... Китая»³. В 2022 г. формулировка стала более практико-ориентированной: «Пандемия COVID-19 и связанное с ней иностранное вмешательство и манипулирование информацией ... подчеркнули необходимость усиления реакции ЕВС на манипуляции ... китайских субъектов»⁴.

Совет ЕС избегает прямых обвинений конкретной страны, но признал⁵ их теоретическое обоснование, которое представлено в подготовленном ЕК и *Hybrid CoE*

¹ Joint communication to the European Parliament, the European Council and the Council. EU-China – A strategic outlook. 12.03.2019. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52019JC0005> (дата обращения: 23.04.2023).

² Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 28.05.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/report_on_the_implementation_of_the_2016_joint_framework_on_countering_hybrid_threats_and_the_2018_joint_communication_on_increasing_resilience.pdf; Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 24.07.2020. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/swd/2020/0153/COM_SWD\(2020\)0153_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/docs_autres_institutions/commission_europeenne/swd/2020/0153/COM_SWD(2020)0153_EN.pdf) (дата обращения: 04.05.2023).

³ Fifth Progress Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 23.06.2021. URL: <https://defence-industry-space.ec.europa.eu/system/files/2021-06/JSWD%20Hybrid%20threats%20APR%2023062021.pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

⁴ Sixth Progress Report on the implementation of the 2016 Joint Framework on countering hybrid threats and the 2018 Joint Communication on increasing resilience and bolstering capabilities to address hybrid threats. 27.09.2022 URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12836-2022-INIT/en/pdf> (дата обращения: 04.05.2023).

⁵ Council conclusions on a Framework for a coordinated EU response to hybrid campaigns. 21.06.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/21/council->

издании [Giannopoulos et al., 2020]. В разделе книги, посвященном Китаю, уделено внимание концепции трех войн (информационно-психологическое противоборство, борьба за общественное мнение и правовая война) с отсылкой к редакции 2003 г. Положений о политической работе Народно-освободительной армии Китая (НОАК) [Giannopoulos et al., 2020: 21–22]. Перечислив эти тактики, авторы приходят к выводу, что «согласно китайскому мировоззрению, ... ценности равенства, прозрачности и свободы слова заменяются ценностями жесткого социального контроля» [Giannopoulos et al., 2020: 22]. Таким образом, методы гибридного противоборства, которыми в разные эпохи пользовались политические акторы, представлены в публикации не только как часть военной теории, а как стратегия поведения КНР, обусловленная особенностями политического и социального строя.

ЕВС в «Первом отчете об угрозах иностранного вмешательства и манипулирования информацией» (ИВМИ) в феврале 2023 г. в разделе «Субъекты (угроз)» приводит диаграммы мониторинга инцидентов ИВМИ по субъектам угроз. В качестве последних указаны Россия и Китай. Оценка действий Китая коррелирует с ранее приведенным определением гибридных угроз: «Китай является многогранным актором ИВМИ... Его деятельность варьируется от безобидной – публичной дипломатии – до явно нелегитимной – запугивания и преследования критиков... Различные элементы часто используются в комплексе и могут быть связаны с другими формами вмешательства, например с экономическим принуждением»¹. Таким образом, в 2023 г. в официальных публикациях ЕС Китай продолжают обозначать как актора гибридных угроз.

Обширная группа источников, отражающих видение проблем борьбы с гибридными угрозами в ЕС, представлена публикациями Центра *Hybrid CoE* [Aukia, 2021; Hellendoorn, 2022; Karásková, 2020]. В частности, в отчетах Центра усилия Китая в области репутационного менеджмента, предпринимаемые с 2019 г. после протестов в Гонконге, расцениваются как волна дезинформации. К гибридным действиям отнесены размещение послами КНР в СМИ стран Центральной и Восточной Европы статей, объясняющих отношение Пекина к протестам, расширение вещания китайского радио, публикации посольств по проблеме пандемии [Karásková, 2020: 4–5]. На основе оценок, предоставленных *Hybrid CoE*, формулируются предложения по ограничению прав китайских государственных медиа.

В отчете «Китай как источник гибридного влияния» [Aukia, 2021] китайская военная мысль продолжает отождествляться с мировоззрением китайцев в целом: склонность КНР к гибридным действиям связана с представлениями о собственной исключительности и вниманием НОАК к труду Сунь-Цзы «Искусство войны». Как считает автор отчета, «это приводит к культуре, которая одобряет манипулятивные,

conclusions-on-a-framework-for-a-coordinated-eu-response-to-hybrid-campaigns/ (дата обращения: 18.04.2023)

¹ 1st EEAS Report on Foreign Information Manipulation and Interference Threats Towards a framework for networked defence. 02.2023. URL: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/EEAS-DataTeam-ThreatReport-2023..pdf> (дата обращения: 18.06.2023).

непрямые и асимметричные стратегии» [Aukia, 2021: 15]. Осмысление экономической деятельности КНР отличается политизированностью. Например, китайские государственные предприятия названы прокси-предприятиями, через которые Коммунистическая партия Китая (КПК) стремится к политическому влиянию, а государственные банки названы политическими, т.к. они занимаются кредитованием для дальнейшего развития геоэкономики КНР [Aukia, 2020: 24]. Таким образом, акторы, демонстрирующие лояльность КПК, получают ярлык гибридных инструментов, а экономическая конкуренция по мере ее обострения (перехода в стадию стратегической конкуренции) описывается как подготовка к войне или ведение ее невоенными средствами.

Неотъемлемой частью создаваемого информационного фона стал образ КНР как воинственного недемократического государства, осуществляющего гибридные действия против западных демократий. Этот образ используется для обоснования прямых контактов с Тайбэем и подготовки более жестких ограничительных мер на территории государств-членов ЕС. Подход Евросоюза придает угрозам, которые якобы олицетворяет Китай, системный характер, требующий аналогичного ответа.

Предложения Европарламента в отношении Китая как противника в гибридном противоборстве

Главные направления, на которых сосредоточены рекомендации по ограничению китайского вмешательства в дела ЕС, – информационные кампании, экономическое соперничество и устранение агентов влияния из европейских структур и организаций. Информационно-психологический аспект борьбы с гибридными угрозами реализуется в вытеснении китайских государственных СМИ и учебно-научных учреждений из европейской инфосферы. В «Докладе об иностранном вмешательстве, включая дезинформацию, во все демократические процессы в Европейском союзе»¹ от 8 февраля 2022 г. Китай обвинен в преследовании журналистов и широком использовании онлайн-инструментов для изменения повестки дня в ЕС. На волне борьбы с иностранным вмешательством возможны ограничения свободы СМИ, т.к. китайские государственные медиа «не должны пользоваться теми же правами и защитой, что и демократические»². В числе возможных мер – ограничения посещений мероприятий для прессы или отзыв аккредитации.

За пределами ЕС внимание ЕП сосредоточено прежде всего на странах Западных Балкан, где ограничивать влияние КНР предлагается посредством стратегической коммуникации. В частности, сделан запрос Комиссии на создание в регионе особой инфраструктуры реагирования на угрозы дезинформации, а Европейской внешнеполитической службе – на переход от защиты региона к укреплению доверия к ЕС³. В документе ЕВС призывают создать в составе отдела стратегических коммуникаций специальную группу по Дальнему Востоку (в первую очередь для

¹ Report on foreign interference in all democratic processes in the European Union...

² Там же.

³ Там же.

интерпретации действий Китая). Дальнейшая институционализация стратегической коммуникации может стать важным компонентом мер ЕС по достижению стратегической автономии, однако в условиях жесткой конкуренции она происходит от противного – с целью обойти и дискредитировать в целом успешного соперника.

Экономическая конкуренция может придать импульс стратегическому планированию и дальнейшей институционализации сферы противодействия гибридным угрозам. Китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в стратегические секторы в ЕС и соседние регионы (Западные Балканы и др.), пребывание бывших политиков из стран Евросоюза на руководящих должностях в китайских компаниях, вложения КНР в лоббизм стали основанием для призыва Европарламента к Комиссии разработать Стратегию Союза по противодействию иностранному вмешательству¹. 9 марта 2022 г. на пленарном заседании ЕП² депутаты заключили, что Евросоюз и государства-члены должны предоставить финансовые альтернативы странам-кандидатам на вступление в ЕС, в которых «ПИИ используются третьими странами в качестве геополитического инструмента»³. В качестве дальнейших мер предлагается установить санкционный режим.

Для подкрепления этой линии депутаты сделали ряд запросов в ЕВС и ЕК на принятие мер по отстранению лиц, лояльных Пекину, из организаций в государствах-членах. Например, Европарламент требует от Европейской внешнеполитической службы исследовать степень влияния «злонамеренных государственных деятелей» в европейских аналитических центрах, университетах, религиозных организациях и СМИ, а также иностранного вмешательства в судебные процессы⁴. Показательны предложения обеспечить финансирование из европейских источников геополитических исследований в университетах и внимательно следить за преподавательской, исследовательской и другой деятельностью в Институтах Конфуция для выявления шпионажа⁵.

Предложения, высказанные в 2022 г., реализуются в имплементации готовящегося Комиссией пакета мер по защите демократии. Входящая в пакет Директива об иностранном вмешательстве способна ограничить демократические дискуссии в ЕС⁶. В его институтах также присутствуют опасения, что жесткие законодательные ограничения лоббирования иностранных интересов могут затруднить диалог с государствами-оппонентами⁷. Тем не менее курс на ограничение китайского присутствия в ЕС будет зависеть также от внешних факторов.

¹ Там же.

² Foreign disinformation: the EU needs to prepare and respond better. Press release. European Parliament. 09.03.2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220228IPR24221/foreign-disinformation-the-eu-needs-to-prepare-and-respond-better> (дата обращения: 23.04.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ BQE. 2023. No. 13174. 04.05.

⁷ Jones K. Legal loopholes and the risk of foreign interference. In-depth analysis requested by the ING2 special committee. Brussels. European Parliamentary Research Service. 2023. URL:

Брюссель стремится склонить Пекин не только к пересмотру нейтралитета в украинском конфликте, но и к «управлению своей мощью»¹ в соответствии с интересами Запада (снизить интенсивность усилий по изменению мирового рынка и системы глобального управления). В то же время желание избежать прямого конфликта и потери важного торгового партнера заставляет Союз отрицать более ранние заявления (в частности, после визитов в КНР ряда официальных лиц ЕС на конференции «Состояние Союза» 5 мая 2023 г. Ж. Боррель заявил: «Является ли Китай угрозой национальной безопасности...? ... Мы так никогда не утверждали»²). Это означает, что степень ограничительных мер в контексте борьбы с гибридными угрозами может стать предметом торга со стороны ЕС, который намерен укрепить акторность в мировой политике. Это особенно важно в случае перехода стратегической конкуренции США с КНР в более напряженное состояние.

Заключение

Присоединение ЕС к стратегической конкуренции США с Китаем выражается в оценках последнего как соперника в гибридном противоборстве, чье влияние стремятся ограничить на разных направлениях – от инвестиций в стратегически важные отрасли до образовательных инициатив и мер публичной дипломатии. В ближайшее время «тенденция на укрепление трансатлантических отношений между США и ЕС продолжится» [Шариков, 2022: 22]. Несмотря на то что Китай все более жестко отвечает на обвинения и обещает контрмеры за возможные санкции³, ЕС даже на фоне поиска компромиссов не откажется от дискурса гибридных угроз в отношении КНР. Вероятно, что ряд предложений Европарламента войдет в стратегические документы Союза без указания конкретного противника, но меры будут направлены на ограничение китайского влияния.

ЕС балансирует между тотальным осуждением Китая в русле торговых войн и риторикой сотрудничества на выгодных направлениях. Обвинения в адрес Китая до 2020 г. были сконцентрированы на критике нарушающей права человека политики. Связанный с пандемией кризис и ущерб европейской экономике привели к обострению конкуренции за технологический кластер Тайваня, что стало причиной роста обвинений КНР в экономической экспансии. Среди институтов ЕС наибольшее количество обвинений в адрес Китая представлено в документах Европарламента.

По мере роста экономических противоречий конкуренция все более политизируется. Как следствие, гибридной угрозой признается не только деятельность конкурента, но и экономический рост и закрепление на новых рынках. На уровне Ну-

[https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702575/EXPO_IDA\(2023\)702575_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/702575/EXPO_IDA(2023)702575_EN.pdf) (дата обращения: 05.05.2023).

¹ BQE. 2023. No. 13176. 06.05.

² Там же.

³ МИД КНР пригрозил ЕС контрмерами за возможные санкции против семи компаний Китая из-за РФ. ТАСС. 08.05.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17699653> (дата обращения: 25.05.2023).

brid CoE растет интерес к трудам китайских военных теоретиков и экономической деятельности КНР, проводятся параллели между экономической, политической и военной экспансией. При этом структуры ЕС предпринимают действия, которые можно считать гибридными (от особого внимания к перекупке партнеров КНР с помощью ПИИ до активной поддержки политических кругов Тайваня). При отсутствии состоятельной социально-ориентированной повестки дня и адекватного пути выхода из кризиса деятельность любого государства становится ничем иным, как участием в глобальной конкуренции, поддержка которой через репутационные меры будет восприниматься не только правительствами, но и гражданами стран-оппонентов в качестве гибридной угрозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаркина Д.Ю. (2022) Практика противодействия гибридным угрозам: опыт Европейского союза и его государств-членов. *Современная Европа*. № 2(109). С. 132–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S0201708322020103>

Болгова И., Мельникова Ю., Лисякевич Р. (2022) Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 66. № 6. С. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90>

Воскресенский А. Д. (2021) Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта. *Сравнительная политика*. № 3. С. 5–20. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10024

Ломанов А. В. (2019) Отношения Китая и ЕС: между сотрудничеством и соперничеством. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. № 24. С. 158–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009>

Фриман Ч. (2021) Война с Китаем из-за Тайваня: и что тогда? *Россия в глобальной политике*. № 3. DOI: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-48-60>

Чижевская М.П. (2023) ЕС – Китай: Китай готов давать более жесткий ответ на обвинения ЕС. *Европейский союз: факты и комментарии*. № 111. С. 113–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts12023113117>

Шарилов П.А. (2022) Роль ЕС в стратегии национальной безопасности США. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 6. С. 15–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620221523>

Aukia J. (2021) *China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies*. Hybrid CoE Research Report 1. Helsinki, Finland. 31 p.

Crookes P. (2013) Resetting EU–China relations from a values-based to an interests-based engagement. *International Politics*. No. 50. P. 639–663. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2013.25>.

Giannopoulos G., Smith H., Theodoridou M. (2020) *The Landscape of Hybrid Threats: A conceptual model*. European Commission, Ispra, Italy. 52 p.

Glen C. M., Murgu R. C. (2007) EU-China relations: balancing political challenges with economic opportunities. *Asia Europe Journal*. No. 5. P. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-007-0121-7>

Hellendoorn E. (2022) *Financial geopolitics and hybrid conflict: Strategic competition in a financialized world*, Hybrid CoE Working Paper 16, Helsinki, Finland.

Huang Wh., Xiang J. (2019) Pursuing Soft Power through the Confucius Institute: a Large-N Analysis, *Journal of Chinese Political Science*. Vol. 24. P. 249–266. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9571-6>

Karásková I. (2020) *One China under media heaven: How Beijing hones its skills in information operations*, Hybrid CoE Strategic Analysis 23. Helsinki, Finland. 8 p.

Mattioli R., Malatras A., Hunter E. N., Biasibetti Penso M. G., Bertram D., Neubert I. (2023) *Identifying emerging cyber security threats and challenges for 2030*. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA), Athens – Heraklion, Greece. 64 p.

Wuttke J. (2022) A Roadmap to Bolstering EU-China Relations. *Transition and Opportunity. China and Globalization*. Ed. by H. Wang, L. Miao. Springer, Singapore, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8603-0_2

The EU Approach Towards China in the Context of Countering Hybrid Threats

D.Yu. Bazarkina*

Doctor of Sciences (Politics)

Leading Researcher, Department of European integration research

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** bazarkina-icpspc@yandex.ru

Abstract. The article examines the EU approach towards China in terms of dealing with the hybrid threats. The study is based on the method of systemic analysis. It is revealed that the EU intention to strengthen its role in the international arena and to reduce dependence on third countries in providing critical infrastructure, as well as its solidarity with the rhetoric and practice of the USA to limit the economic influence of China, provokes a debate on the PRC's activity within the framework of the narrative of hybrid threats. The documents of the European Parliament contain the majority of accusations of China in creating such threats. The Commission and the Council of the EU are trying to adhere to a less politicized tone, but their publications also contain references to the RPC as an actor of hybrid threats. The approach of the EU's "institutional triangle" is also illustrated by the documents of the European External Action Service, EU agencies, and specialized think tanks. The EU institutions are seeking to limit China's role in every area, from investment to education and media.

Key words: European Union, China, hybrid threats, disinformation, European Parliament, European Commission, Council of the EU, European External Action Service

DOI: 10.31857/S0201708323040010

EDN: bvqbps

REFERENCES

Aukia J. (2021) *China as a hybrid influencer: Non-state actors as state proxies*, Hybrid CoE Research Report 1, Helsinki, Finland.

Bazarkina D.Yu. (2022) *Praktika protivodejstviya gibridnym ugrozam: opyt Evropejskogo soyuza i ego gosudarstv-chlenov* [Countermeasures for hybrid threats: EU and its Member States

experience], *Sovremennaya Evropa*, 2(109), pp. 132–145. DOI: <http://dx.doi.org/10.31857/S0201708322020103> (In Russian).

Bolgova I., Melnikova Yu., Lisjakiewicz R. (2022) Formirovanie kitajskogo napravle-niya politiki ES: rol' stran Central'noj i Vostochnoj Evropy [The EU China policy in the making: the role of central and eastern Europe], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 66(6), pp. 79–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90> (In Russian).

Chizhevskaya M. (2023) ES – Kitaj: Kitaj gotov davat' bolee zhestkij otvet na obvi-neniya ES [EU-China: China is ready to give a tougher response to EU accusations], *Evropejskij soyuz: fakty i kommentarii*, 111, pp. 113–117. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/eufacts12023113117> (In Russian).

Crookes P. (2013) Resetting EU–China relations from a values-based to an interests-based engagement, *International Politics*, 50, pp. 639–663. DOI: <https://doi.org/10.1057/ip.2013.25>

Freeman C. (2021) Vojna s Kitaem iz-za Tajvanya: i chto togda? [Taiwan War with China: So What?], *Rossiya v global'noj politike*, 3, DOI: <http://dx.doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-3-48-60> (In Russian).

Giannopoulos G., Smith H., Theocharidou M. (2020) *The Landscape of Hybrid Threats: A conceptual model*, European Commission, Ispra, Italy.

Glen C. M., Murgu R. C. (2007) EU-China relations: balancing political challenges with economic opportunities, *Asia Europe Journal*, 5, pp. 331–344. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-007-0121-7>

Hellendoorn E. (2022) *Financial geopolitics and hybrid conflict: Strategic competition in a financialized world*, Hybrid CoE Working Paper 16, Helsinki, Finland.

Huang Wh., Xiang J. (2019) Pursuing Soft Power through the Confucius Institute: a Large-N Analysis, *Journal of Chinese Political Science*, 24, pp. 249–266, <https://doi.org/10.1007/s11366-018-9571-6>.

Karásková I. (2020) *One China under media heaven: How Beijing hones its skills in information operations*, Hybrid CoE Strategic Analysis 23, Helsinki, Finland.

Lomanov A. (2019) Otnosheniya Kitaya i ES: mezhdru sotrudnichestvom i sopernichestvom. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike [China-EU Relations: between cooperation and competition. China in World and Regional Politics], *Istoriya i sovremennost'*, 24, pp. 158–172. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2618-6888-2019-10009>. (In Russian).

Mattioli R., Malatras A., Hunter E. N., Biasibetti Penso M. G., Bertram D., Neubert I. (2023) *Identifying emerging cyber security threats and challenges for 2030*. European Union Agency for Cybersecurity (ENISA), Athens – Heraklion, Greece.

Sharikov P. (2022) Rol' ES v strategii nacional'noj bezopasnosti SSHA [The role of the EU in the US national security strategy], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 6, pp. 15–23. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran620221523> (In Russian).

Voskressenski A. (2021) Novaya mirovaya arhitektonika, makroregional'nye transformacii potencial'no global'nogo haraktera i znachenie kitajskogo opyta, [The New World Architectonics, Macroregional Transformations of Potentially Global Character and the Significance of Chinese Experience], *Sravnitel'naya politika*, 3, pp. 5–20. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10024> (In Russian).

Wuttke J. (2022) A Roadmap to Bolstering EU-China Relations, in: Wang H., Miao L. (ed.) *Transition and Opportunity. China and Globalization*, Springer, Singapore, Singapore. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-16-8603-0_2

УДК 327.7

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ» В ЕВРОСОЮЗЕ: КОНСТАНТЫ И ДИХОТОМИИ¹

© 2023 г. РОМАНОВА Татьяна Алексеевна*

Кандидат политических наук

*Доцент Санкт-Петербургского государственного университета
193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд)*

**E-mail: t.romanova@spbu.ru*

Поступила в редакцию 07.04.2023

После доработки 29.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В последние годы в ЕС на наднациональном уровне активно обсуждается концепция «цифровой (технологический) суверенитет». Цель статьи – выявить основные тренды дискурса ЕС о цифровом суверенитете. Исследование основано на критической геополитике. Проведен дискурс-анализ практической геополитики (т. е. документов и выступлений представителей ЕС). В результате анализа выделены три константы: акцент на ценностях, совершенствование внутреннего рынка и стремление к лидерству в мире. Кроме того, выявлено пять дихотомий: наивность – геополитика, взаимозависимость – зависимость, открытость – закрытость, рынок – вмешательство государства, суверенитет через правила – через материальное производство. Продемонстрировано, как в рамках этих дихотомий Евросоюз пытается примирить свои классические элементы влияния в мире (акцент на взаимозависимости и сотрудничестве, универсалистское продвижение ценностей и норм) и большую автономию, обоснованную его текущим восприятием мира. Несмотря на сохранение дихотомий в текстах, постепенно начинает доминировать вестфальский суверенитет. Это означает отказ ЕС от универсалистского продвижения ценностей и норм, более жесткое прочерчивание границ, консолидацию внутреннего пространства, сужение сотрудничества до дружественных стран. Евросоюз отходит от классических элементов силы (опоры на рынок, ценности и нормы, поощрения взаимозависимости со всеми

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00682).

странами мира). Этот тренд особенно ярко проявляется в цифровой сфере, но не ограничивается ею.

Ключевые слова: Европейский союз, цифровой суверенитет, технологический суверенитет, ценности, лидерство, критическая геополитика, геополитика, цифровое пространство, вестфальский суверенитет, взаимозависимость

DOI: 10.31857/S0201708323040022

EDN: bvrrnq

Цифровой суверенитет означает особенности регулирования и контроля сетевого оборудования, программного обеспечения, больших данных и иногда информационного пространства [Couture, Toupin, 2019]. Категория «цифровой суверенитет Евросоюза» возникла в 2015 г. [Glasze et al., 2022]. Ее официальное использование интенсифицировалось в 2019 г., но четкого определения эта категория до сих пор не получила. Это связано с новизной сферы и с тем, что понятие «суверенитет» противоречит установкам, на которых исторически основывалось развитие ЕС (постсуверенность, поощрение взаимозависимости, универсалистское продвижение ценностей и норм). Интенсивные дискуссии о цифровом суверенитете среди представителей Евросоюза и его институтов отражают стремление сохранить специфику объединения и одновременно адаптировать ЕС к новым реалиям.

Цель статьи – выявить тренды официального дискурса о цифровом суверенитете Евросоюза, что позволит определить логику действий объединения в данной сфере и пространственные последствия принимаемых мер. Ранее исследователи пытались установить значение цифрового суверенитета ЕС исходя из теории международных отношений и исследований цифровой среды [Зиновьева, Булва, 2021], анализа документов ЕС [Roberts et al., 2021], а также конструирования категории «суверенитет» [Barrinha, Christou, 2022]. Новизна статьи состоит в том, что ее теоретико-методологической основой выступает критическая геополитика.

В следующем разделе суммированы ключевые аспекты категории «суверенитет» и критической геополитики, резюмированы основные этапы развития дискурса о цифровом суверенитете в ЕС и представлена эмпирическая база исследования. Далее описаны три константы, присутствующие в официальном дискурсе о цифровом суверенитете. Затем сформулированы дихотомии, возникающие из противоречий между классической акторностью ЕС и новациями, исходящими из восприятия представителей Евросоюза современных реалий и цифровой среды. В заключительном разделе сделаны выводы относительно эволюции объединения и перспектив его дальнейшей деятельности.

(Цифровой) суверенитет и критическая геополитика

Категория «суверенитет» занимает центральное место в теории международных отношений. Ее возникновение связывают с трудами Ж. Бодена [Bodin, 1967] и Вестфальским мирным договором. Суверенитет имеет два измерения: верховенство власти на определенной территории составляет суть внутренней политики; незави-

симось от влияния извне стало основой современных отношений. Таким образом, суверенитет занимает пограничное положение между упорядоченным внутренним и хаотичным внешним пространствами [Bartelson, 1995].

Функционально С. Краснер [Krasner, 2001] выделяет четыре атрибута (вида) суверенитета: признание другими акторами, внутреннее верховенство власти, вестфальскую независимость от влияния извне и управление взаимозависимостью с внешним миром. Применительно к ЕС можно говорить о постепенном его признании другими акторами и укреплении внутреннего суверенитета за счет перераспределения компетенций от стран-членов на наднациональный уровень. Брюссель традиционно стремился управлять взаимозависимостью через использование силы рынка [Damgo, 2012], распространение ценностей, норм [Manners, 2002] и правил [Bradford, 2020] на других, а не применять вестфальскую логику, ограничивающую взаимодействие и взаимное влияние.

Содержание категории «суверенитет» эволюционировало. На первом этапе требовалось ограничить влияние церкви и других акторов в пользу монарха. Затем носителем суверенитета почти повсеместно стал народ. Вначале речь шла о политическом суверенитете, затем на повестке появился экономический суверенитет. В XX в. суверенитет был задействован для разграничения пространств метрополий и колоний. В цифровой среде на первых порах было принято говорить о неподконтрольности и тотальной свободе [Pohle, Thiel, 2020]. Однако в последние годы все традиционные акторы наращивают присутствие в этой сфере [Гладышева и др., 2021], увязывая сохранение политического суверенитета с контролем над ней и независимостью от других игроков.

Критическая геополитика изучает, как «политические акторы структурируют пространство международной политики и представляют “мир”» [Kuus, 2010] и как дискурсивно формируются представления о пространствах и границах. Акторы и территории существуют материально, но именно в дискурсивной формации они обретают свое значение [Campbell, 1993: 9]. Выделяется три типа дискурсов: формальная геополитика (научные работы), практическая геополитика (дискурс политиков, бюрократов) и популярная геополитика (бытовые представления о мире). Практическая геополитика представляет особый интерес, как синтез формальной и популярной геополитики [Ó Tuathail, Agnew, 1992: 193], поскольку она определяет природу актора и его действия. В связи с этим статья фокусируется на категории «цифровой суверенитет» в документах ЕС и выступлениях его представителей.

Суверенитет – одна из ключевых категорий для критической геополитики, поскольку «современное государство базируется не на принципе суверенитета вне времени, а на продуцировании нормативных концепций, которые уникальным образом и в особом месте связывают власть, территорию, население (общество, нацию) и признание» [Biersteker, Weber, 1996: 3]. Любой актор – это результат дискурса о суверенитете [Kuus, 2010], а суверенитет – «место политической борьбы... за закрепление значения ... таким образом, чтобы конституировать [актора]» [Weber, 1995: 3]. Интенсивные дискуссии о суверенитете, как правило, сигнализируют о наличии проблем [Agnew, 2018: 103] и необходимости переосмысления про-

странств и актора. Следовательно, изменение дискурса ЕС о цифровом суверенитете позволяет проследить трансформацию сущности объединения и характера действий в мире.

Категория «цифровой суверенитет Евросоюза» появляется в документах ЕС в 2015 г. В 2017 г. президент Франции Э. Макрон инициировал дебаты о стратегическом суверенитете. Дискурс о цифровом суверенитете интенсифицировался в 2019 г. с приходом нового руководства Европейской комиссии. Ее глава У. фон дер Ляйен использовала термины «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет» как синонимы. Последний означает оборудование и разработки во всех отраслях экономики, но в рамках статьи рассмотрен только его цифровой аспект. О широте и интенсивности использования данных терминов позволяет судить база официальных документов Евросоюза *EUR-LEX*. Она демонстрирует постоянный рост употребления этих понятий. Они используются в юридически обязательных актах и их проектах, в заключениях Совета ЕС и Европейского совета, в сообщениях Комиссии и иных текстах, разъясняющих или обсуждающих текущую политику объединения и предлагаемые новации (Табл. 1). Кроме того, более 50 речей представителей ЕС посвящены цифровому и технологическому суверенитету. Наиболее активно по этому вопросу высказываются комиссар по вопросам внутреннего рынка Т. Бретон, Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель, председатель Европейского совета Ш. Мишель, представители Германии и Франции, а также У. фон дер Ляйен. Одни документы конкретизируют значение цифрового (технологического) суверенитета, другие – используют его как цель, о сути которой можно судить по обсуждаемым инструментам.

Таблица 1

Использование терминов «цифровой суверенитет» и «технологический суверенитет» в документах ЕС

Вид суверенитета \ Год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023 (январь-апрель)
Цифровой суверенитет	2	-	3	9	4	16	59	59	7
Технологический суверенитет	-	-	-	1	10	38	76	50	8

Составлено автором на основе базы документов Европейского союза *EUR-LEX*.

Тексты позволили выделить три константы и пять дихотомий в дискурсе Евросоюза о цифровом (технологическом) суверенитете. Они демонстрируют, как ЕС интерпретирует новую категорию и интегрирует ее в сложившуюся систему взглядов и инструментов.

Константы дискурса о цифровом суверенитете

1. Ориентация на ценности

Доминантой дискурса ЕС (ранее ЕЭС) всегда были ценности. Концепция «цифровой суверенитет» четко следует этой логике. Согласно У. фон дер Ляйен, «“цифровой суверенитет” – не просто экономическая концепция», а «продвижение ценностей в цифровом мире»¹. Декларация по цифровым свободам ЕС также говорит о достижении цифрового суверенитета «на основе уважения фундаментальных прав, верховенства закона и демократии»². Нормативная составляющая становится основой для продвижения Евросоюзом своей модели регулирования цифровой сферы, которая позиционируется как альтернатива ультрарыночной американской и государствоцентричной китайской, а также как «цифровой суверенитет граждан»³. Предполагается, что регулятивная сила ЕС, т. н. брюссельский эффект, будет способствовать распространению этой модели в мире [Bradford, 2020].

Однако в дискурсе ЕС постепенно увеличивается акцент на внешних угрозах ценностям: технологии искусственного интеллекта, произведенные вне Евросоюза, не всегда уважают ценности и нормы объединения⁴; данные граждан могут оказаться незащищенными, а на политические предпочтения повлиять извне⁵. Евросоюз постепенно меняет вектор нормативности от продвижения ценностей вовне к их защите на своей территории. При этом Евросоюз готов сотрудничать с третьими странами – с США и теми, кто разделяют озабоченность угрозами, которые цифровая сфера создает демократическим ценностям⁶. Таким образом, под вопросом оказывается универсальность сотрудничества: его география ограничивается.

2. Строительство внутреннего рынка

Экономической основой деятельности ЕС в мире всегда был внутренний рынок. Он выступает основой цифрового суверенитета: чтобы «быть суверенным в цифровом плане, ЕС должен построить цифровой внутренний рынок»⁷. Последний позво-

¹ Von der Leyen U. Internet, a new human right. Brussels. 28.10.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_20_1999 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade. 23.01.2023. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:JOC_2023_023_R_0001 (дата обращения: 21.04.2023).

³ Le Maire B. La souveraineté numérique de l'Union européenne. Paris. 07.02.2022. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/283706-bruno-le-maire-07022021-souverainete-numerique-de-lunion-europeenne> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Impact Assessment Accompanying the Proposal for a Regulation Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). 21.04.2021. SWD/2021/84 final.

⁵ European Parliament. Resolution on shaping the digital future of Europe. 20.05.2021. 2022/C 15/22.

⁶ Там же.

⁷ European Council. Conclusions. Brussels. 02.10.2020. EUCO 13/20.

лит устанавливать стандарты¹, создавать условия для развития крупных европейских компаний², улучшить переговорную позицию в мире. Конкретные действия не уникальны: устранение существующих барьеров, соблюдение принятого законодательства, развитие конкуренции³.

Для наименования большинства новых норм в регулировании цифровой сферы используется термин «акт», а не привычные для ЕС понятия «директива» или «регламент». Это подкрепляет риторику суверенитета. Другим изменением стала последовательность «внутреннее – внешнее». Формирование внутреннего рынка выступало ранее условием для усиления акторности ЕС на внешней арене. Теперь недружественная внешняя среда, например исходящие извне угрозы злоупотребления данными, дезинформации⁴, технологических войн США и Китая⁵, стимулирует ускорение внутренней интеграции. Таким образом, дискурс о внутреннем рынке становится более державным и оборонительным, границы с внешним миром прорезаются резче. Эта тенденция также характеризует интеграцию развитых стран в других сферах [Буторина, 2021].

3. Лидерство в мире

Лидерство – постоянный элемент дискурса ЕС. Т. Бретон приравнивает суверенитет к технологическому и промышленному лидерству⁶. Европейский совет подчеркивает важность «лидерства в ключевых международных цифровых стоимостных цепочках»⁷, а Европейский парламент – «амбиции лидировать ... в разработке норм для цифровой экономики»⁸. Суть лидерства становится предметом дискуссии. Первая реакция – сделать ставку на сотрудничество, ценности и нормы. У. фон дер Ляйен подчеркивает стремление ЕС быть «глобальным лидером в цифровой трансформации, которая ставит людей в центр... устанавливать стандарты... чтобы га-

¹ Juncker J.-C. State of the Union 2018. The Hour of European Sovereignty. Strasbourg. 12.09.2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Council. Conclusions.

³ Spain-Netherlands Non-Paper on Strategic Autonomy while Preserving an Open Economy. 25.03.2021. URL: <https://www.euractiv.com/section/all/news/joint-spanish-dutch-non-paper-on-eu-strategic-autonomy/> (дата обращения: 21.04.2023); Babiš A., Löfven S., Bettel X., Nauseda G., De Croo A., Martin M., Kariņš K., Morawiecki M. Letter on Digital Sovereignty. 08.03.2021. URL: https://edri.org/wp-content/uploads/2021/03/POLITICO_Letter-on-digital-sovereignty-by-8-EU-countries.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ Jourova V. Building Europe's Digital Sovereignty. Paris. 07.02.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_851 (дата обращения: 21.04.2023).

⁵ Breton T. Europe: The Keys To Sovereignty. 11.09.2020. URL: <https://www.linkedin.com/pulse/europe-keys-sovereignty-thierry-breton> (дата обращения: 21.04.2023).

⁶ Breton T. Sovereignty, selfassurance and solidarity: Europe in today's geopolitics. 05.09.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_22_5350 (дата обращения: 21.04.2023).

⁷ Council Conclusions on shaping Europe's digital future. Brussels. 16.06.2020. 2020/C 202 I/01.

⁸ European Parliament. Resolution.

рантировать свой цифровой суверенитет»¹. Отмечается также необходимость технологического, производственного лидерства. Для его обеспечения предлагается использовать, например, научно-исследовательскую политику. Особо выделяются технологии искусственного интеллекта, квантовые компьютеры и чипы. Таким образом, привычные нормативные инструменты лидерства дополняются материальным производством.

Дихотомии дискурса о цифровом суверенитете

1. Наивность или геополитика

Категория «геополитика» активно входит в дискурс ЕС в конце 2019 г. с обновлением руководства Европейской комиссии. Ж. Боррель объясняет текущий геополитический контекст как «беспрецедентную конкуренцию», «силовую политику», «многополюсный мир без эффективного мультилатерализма», «стратегическую конкуренцию США и Китая», «все более конфликтную взаимозависимость», имперскую логику в действиях отдельных акторов, а также снижение уровня свободы и демократии в мире². Представители ЕС противопоставляют геополитике наивность, под которой подразумевают веру в либеральную логику. Комиссар В. Журо-ва считает цифровой суверенитет отказом от наивности³. Т. Бретон подчеркивает, что Евросоюзу необходимо быть реалистичным. Только технологический суверенитет превратит ЕС в «игрока в глобальной геополитике»⁴.

Геополитическая риторика приобретает конкретное измерение. В области полупроводников «технологии и геополитику невозможно разделить друг от друга»⁵. Необходимыми в условиях новой геополитики предстают стратегия кибербезопасности, создание собственного цифрового промышленного потенциала, контроль развития сетей 5G. Иными словами, институты ЕС технократизируют геополитическую риторику, интегрируя ее в конкретные инициативы. Дихотомия «наивность – геополитика» указывает на процесс взросления, т. е. однонаправленность движения от наивности к геополитике, т. к. нельзя вернуть молодость и наивность. Однако геополитизация неминуемо входит в конфликт с классическими представлениями о Евросоюзе и провоцирует возникновение других дихотомий.

2. Взаимозависимость или зависимость

Традиционно Евросоюз стимулировал глобальную взаимозависимость. «История европейского проекта демонстрирует выгоды хорошо управляемой взаимозави-

¹ Von der Leyen. Internet, a new human right.

² Borrell J. Cyber diplomacy and shifting geopolitical Landscapes. 14.09.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/cyber-diplomacy-and-shifting-geopolitical-landscapes_en (дата обращения: 21.04.2023).

³ Jourova V. Building Europe's Digital Sovereignty.

⁴ Borrell J., Breton T. For a united, resilient and sovereign Europe. 08.06.2020. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/united-resilient-and-sovereign-europe-thierry-breton_en (дата обращения: 21.04.2023).

⁵ Breton T. Sovereignty, selfassurance and solidarity.

симости», поскольку последняя приносит «процветание, справедливость, стабильность, конкурентоспособность и динамизм»¹. Однако на современном этапе взаимозависимость стала восприниматься настороженно. Комиссар М. Вестагер отмечает, что «в цифровом мире наша безопасность, наше процветание, даже наша свобода слишком сильно зависят от других вокруг нас. Поэтому Европе необходим цифровой суверенитет»². Ш. Мишель подчеркивает, что «некоторая взаимозависимость нормальна и даже желательна. Но зависимость нежелательна»³. Таким образом, постепенно в дискурсе ЕС начинает доминировать страх зависимости.

В результате все активнее звучат тезисы о суверенитете как о создании собственных производственных мощностей. Хранение и обработка данных вне ЕС «создает стратегическую зависимость и риски»⁴ и требует локализации на территории Евросоюза. Наконец, угрозы цифровому суверенитету Брюссель видит в отсутствии контроля над необходимыми для цифровых технологий материалами. Предлагается диверсификация поставщиков, альянсы с третьими странами, повторная переработка.

Таким образом, взаимозависимость упоминается в большинстве текстов о цифровом суверенитете, но представители ЕС интерпретируют ее как уязвимость. Цифровой суверенитет в этом контексте понимается как насущное повышение автономии. Классическая установка на благотворность международных связей вытесняется: там, где ранее ЕС стремился нивелировать границы, они четко прочерчиваются.

3. Открытость или протекционизм

Исторически Евросоюз поддерживал открытость и выступал против протекционизма, что отразилось в дискуссиях о цифровом суверенитете. А. Меркель, например, отмечала, что «цифровой суверенитет не подразумевает протекционизм... а описывает способность индивида и общества задавать характер цифровой трансформации»⁵. Страны ЕС также настаивали, что «цифровой суверенитет... не говорит об исключении других или о протекционизме» и проблему зависимости надо решать через глобальные цепочки поставок⁶, основанную на правилах торговли¹ и сохранение рынков открытыми².

¹ European Commission. Strategic Foresight Report 2021. The EU's capacity and freedom to act. Communication. Brussels. 08.09.2021. COM(2021)750final.

² Vestager M. The EU's capacity to act in a digital world. Brussels. 26.05.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/vestager/announcements/eus-capacity-act-digital-world_en (дата обращения: 21.09.2022).

³ Michel C. EU's Digital Revolution: fueling our connectivity strategy. Tallinn. 07.09.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/09/0...peech-by-president-charles-michel-at-the-tallinn-digital-summit/> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁵ Merkel A. Speech opening the 14 Annual Meeting of the Internet Governance Forum. Berlin. 26.11.2019. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-en/service/archive/speech-by-federal-chancellor-dr-angela-merkel-opening-the-14th-annual-meeting-of-the-internet-governance-forum-in-berlin-on-26-november-2019-1701494> (дата обращения: 21.04.2023).

⁶ Merkel A., Frederiksen M., Marin S., Kallas K. Letter on digital transformation. Berlin, Copenhagen, Helsinki, Tallinn. 01.03.2021. URL: <https://www.politico.eu/wp->

Однако восприятие мировых реалий стимулировало изменения. Стратегический форсайт 2021 г. подчеркнул, что «Евросоюзу необходимо выстраивать глобальные партнерства коннективности» только «с отдельными странами и регионами»³. М. Вестагер выделила два направления действий в рамках цифрового суверенитета: «правильные нормы... чтобы защитить европейцев от влияния иностранных государств» внутри ЕС; «работа с одинаково мыслящими государствами» вне объединения⁴. Таким образом, четко дифференцируются внутреннее и внешнее пространства, сужается круг партнеров. Т. Бретон развил эту линию: «в новом геополитическом порядке Европа действует как стратег, а не просто как рынок. Она остается открытой, но на своих условиях»⁵.

В результате в большинстве документов устоялась компромиссная фраза о стремлении Евросоюза «обладать цифровым суверенитетом в открытом и связанном мире»⁶, где суверенитет явно ассоциируется с закрытостью. Категорией «цифровой суверенитет» ЕС оправдывает локализацию данных, возникает даже термин «суверенитет данных». Брюссель также артикулирует необходимость размещения на своей территории производства чипов, развития собственных спутниковой системы, сетей передачи данных, облачных хранилищ и систем искусственного интеллекта. Отказ от импорта обосновывается соображениями защиты прав граждан и помощью европейскому бизнесу, а меры торговой защиты выступают инструментами защиты цифрового суверенитета⁷. В результате получает развитие протекционизм, ограничение пространства ЕС, его автономия. Эксперты говорят о цифровом суверенитете ЕС как о регулятивном меркантилизме [Farrand, Carrapico, 2022].

4. Рынок или вмешательство государства

Традиционно в Евросоюзе соперничают политика конкуренции и промышленная политика. Первая направлена на обеспечение наилучших условий для рыночных отношений, вторая – на стимулирование желаемого развития за счет вмешательства государства. Концепция цифрового суверенитета обостряет противоречие между этими направлениями деятельности. Игроки не оспаривают необходимость

content/uploads/2021/03/01/DE-DK-FI-EE-Letter-to-COM-President-on-Digital-Sovereignty_final.pdf (дата обращения: 21.04.2023).

¹ Spain-Netherlands Non-Paper on Strategic Autonomy while Preserving an Open Economy.

² Babiš A., Löfven S., Bettel X., Nauseda G., De Croo A., Martin M., Kariņš K., Morawiecki M. Letter on Digital Sovereignty.

³ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁴ Vestager M. The EU's capacity to act in a digital world.

⁵ Breton T. The Geopolitics of Technology. 27.07.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/breton/announcements/geopolitics-technology_en (дата обращения: 02.04.2022).

⁶ European Commission. Proposal for a Decision of the European Parliament and of the Council Establishing the 2030 Policy Programme "Path to the Digital Decade". Brussels. 15.09.2021. COM(2021)574final.

⁷ European Commission. Implementing Regulation Imposing a definitive anti-dumping duty on imports of optical fibre cables originating in the People's Republic of China. 17.11.2021. 2021/2011.

вмешательства публичных властей в рынок. Для этого выдвигаются как минимум два обоснования: «защита граждан, бизнеса и общества»¹ и укрепление глобальной конкурентоспособности Евросоюза².

Дискуссии в ЕС развиваются вокруг того, какое вмешательство общественных властей эффективнее. Умеренный взгляд – это создание благоприятных для бизнеса условий³. Предлагаются также более дирижистские методы, такие как создание специального агентства прорывных инноваций и европейских компаний-чемпионов, альянсы производителей, проекты панъевропейского интереса. Звучат идеи о жестком мониторинге иностранных инвестиций⁴. Французский министр Б. Ле Мэр квалифицировал приверженность конкурентным правилам в цифровой сфере как «глупость, трусость, провал»⁵, что представляет крайнюю позицию в рассматриваемой дихотомии. Таким образом, концепция цифрового суверенитета сдвигает акцент в сторону государственного вмешательства.

5. Суверенитет через нормы или через производство

Регулятивное лидерство всегда было основой действий Евросоюза в мире. Способность ЕС вырабатывать правила, применяемые за его пределами, с суверенитетом впервые связал бывший глава Комиссии Ж.-К. Юнкер⁶. Европейский совет также подчеркивал, что цифровой суверенитет требует «укрепления способности [ЕС] определять свои правила... а на международном уровне ЕС будет... очерчивать глобальные правила и стандарты»⁷. Такой подход подкрепляется защитой ценностей ЕС. В качестве примера эффективности Евросоюза приводится Общий регламент о защите личных данных, имеющий экстратерриториальный характер. На укрепление суверенитета через нормы направлена новая стратегия стандартизации.

В то же время ЕС постепенно понимает, что невозможно определять стандарты для товаров и услуг, которые он не производит. Так появляется дихотомия «суверенитет через регулирование или через материальное производство». Х. Маас отмечает, что «суверенитет через регулирование – это хорошо... но суверенитет через способность – значительно лучше, и нам надо к этому стремиться»⁸. В Хартии прав в цифровой среде все страны ЕС подчеркивают необходимость дополнить «способ-

¹ Von der Leyen U. Brussels Shaping Europe's digital future. 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/AC_20_260 (дата обращения: 21.04.2023).

² European Commission. A Chips Act for Europe. Brussels. 08.02.2022. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022DC0045> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Berlin Declaration on Digital Society and Value-Based Digital Government at the ministerial meeting during the German Presidency of the Council of the European Union on 8 December 2020. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/berlin-declaration-digital-society-and-value-based-digital-government> (дата обращения: 21.04.2023).

⁴ European Commission. Strategic Foresight Report 2021.

⁵ Le Maire B. La souveraineté numérique de l'Union européenne.

⁶ Juncker J.-C. State of the Union 2018.

⁷ European Council. Conclusions.

⁸ Maas H. European digital sovereignty. 27.10.2020. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/maas-bitkom/2410398> (дата обращения: 21.04.2023).

ность определять правила» «развитием и внедрением цифровых технологий и инфраструктуры»¹. На это настроена поддержка научных исследований в ЕС. Де-факто эта дихотомия обозначает пределы регулятивного универсализма, который ранее составлял суть акторности ЕС в мире. Она также жестче обозначает границы, подкрепляет поворот к автономии в дискурсе о цифровом суверенитете ЕС.

Результаты анализа и выводы

Интенсификация дискурса о цифровом (технологическом) суверенитете отражает наличие вопросов: что является в данной сфере высшей регулятивной инстанцией, как и в какой мере гарантируется независимость от внешнего давления и контроль внутреннего пространства. Сложности ЕС вызваны как становлением новой специфической сферы, которую невозможно однозначно привязать к территории, так и возрастанием конфликтности мировой политики (ее геополитизацией в терминологии Евросоюза). Первая причина требует активного участия ЕС как более крупного субъекта, поскольку государства-члены по одному не могут справиться с негативными последствиями. Вторая – требует изменений в характере деятельности объединения. Концепт «суверенитет» способствует этой трансформации.

В дискурсе Евросоюза о цифровом суверенитете выделяются следующие константы: акцент на ценностях, стремление использовать потенциал внутреннего рынка, а также утверждение лидерства в мире. В официальных документах и речах также можно выявить пять дихотомий: наивность – геополитика; взаимозависимость – зависимость; открытость – закрытость (протекционизм); рынок (конкуренция) – государственное вмешательство; суверенитет через правила или через производство технологий. Константы и дихотомии поддерживают друг друга (Рис. 1). Ценности и стремление к лидерству используются для оправдания всех действий. Они легитимируют категорию «цифровой суверенитет» на наднациональном уровне, а также европейскую модель регулирования цифровой среды. Совершенствование внутреннего рынка задействуется в большинстве дихотомий. Геополитика определяет динамику четырех других дихотомий, ведет к требованиям автономии, собственному производству, стремлению оказывать государственную помощь, продвигать стандарты и стимулировать локализацию.

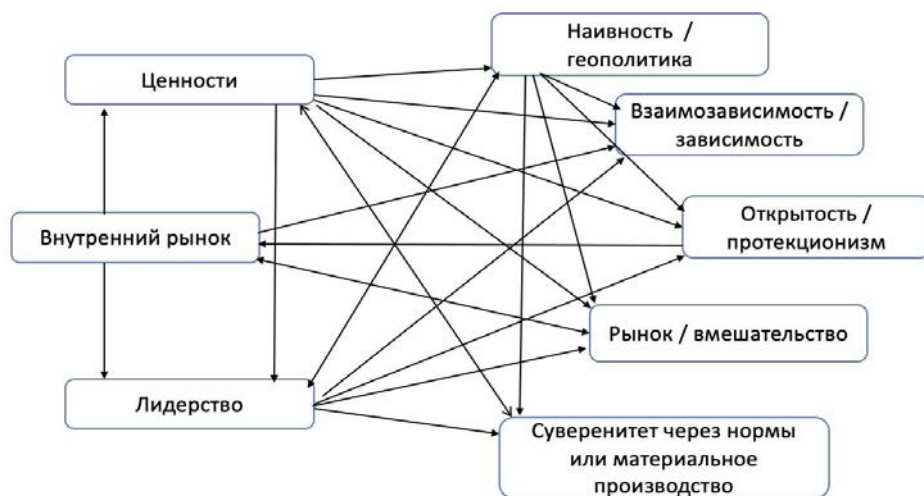
Анализ дискурса о цифровом (технологическом) суверенитете ЕС показал изменения в константах: от ценностной экспансии к защите норм внутри ЕС от внешних опасностей; от движения по вектору «внутренняя политика → внешнее влияние» к вектору «угроза извне → внутренняя консолидация»; от лидерства через правила к стремлению его дополнить собственным производством. В дихотомиях предпочтительными оказываются геополитика, ограничение взаимозависимости, сужение ареала сотрудничества, большие закрытость и протекционизм, активная промышленная политика, а также суверенитет через собственное производство.

¹ Council Secretariat General. Presidency conclusions. The Charter of Fundamental Rights in the context of Artificial Intelligence and Digital Change. Brussels. 21.10.2020. 11481/20.

В терминах С. Краснера пять дихотомий воплощают борьбу суверенитета взаимозависимости (наивность, взаимозависимость, открытость, конкуренция, суверенитет через правила) и вестфальского суверенитета (геополитика, ограничение зависимости, закрытость, промышленная политика, суверенитет через собственное производство). ЕС предпринял попытку реинтерпретировать категорию «суверенитет» на основе своих классических инструментов влияния (универсалистского продвижения ценностей, сотрудничества и взаимозависимости как основы мира и процветания, силы рынка и регулирования), но потерпел неудачу и предпочел перейти к вестфальскому суверенитету. Эволюция в интерпретации констант подкрепляет этот выбор.

Рисунок 1

Взаимное влияние констант и дихотомий в дискурсе Евросоюза о цифровом суверенитете

Дискурс о цифровом суверенитете Евросоюза свидетельствует о трансформации природы актора. Изменения заключаются в отказе ЕС от универсального продвижения ценностей и норм, поддержки цифрового пространства без границ и опоры исключительно на рынок и конкуренцию. Это преподносится как преодоление наивности предыдущего периода под влиянием восприятия внешней среды как враждебной. Такой взгляд фиксирует однонаправленность изменения (вернуть наивность невозможно). Потеря контроля над взаимозависимостью, понимание пределов регулятивного влияния и силы рынка ведут ЕС к признанию существующих связей негативной зависимостью. Это делает необходимыми большую автономию, жесткое прочерчивание границ, консолидацию внутреннего пространства и приверженность вестфальскому суверенитету над данными, сетями, технологиями, производством. Именно такой подход, согласно дискурсу ЕС, составляет суть его цифрового суверенитета и обеспечивает ему свободу действий.

Де-факто ЕС признает многополярность, но это не ведет к стремлению учитывать альтернативные взгляды и мировоззрения, а вызывает импульс четче прочертить границы между собой и другими. Это не отказ от нормативной силы, а придание ей оборонительного характера и ограничение ее пространства. Взаимодействие становится возможным только с акторами, разделяющими ценности ЕС, но и в этом случае оно должно быть осторожным, ограниченным, сохраняющим за Евросоюзом свободу действий.

Тренд на отказ от того, что было долгое время элементами силы Евросоюза и его оригинальности как актора, в пользу более геополитических действий проявляется наиболее четко в дискурсе о цифровом пространстве. Эта тенденция характеризует ЕС в сферах, в которых объединение описывают с помощью концепций «стратегический суверенитет» и «стратегическая автономия».

Эволюция Евросоюза – это сближение с вестфальским видением суверенитета, свойственным и России на современном этапе. Он выражается в защите ценностного пространства, обеспечении верховенства правил на своей территории, локализации производственных мощностей и минимизации зависимости. Однако общность видения дополняется восприятием другой стороны как источника угроз, в ответ на которые необходимо усиливать суверенитет. Следовательно, концептуальное сближение в трактовке суверенитета повлечет не столько улучшение диалога Москвы и Брюсселя, сколько изменение характера конфронтации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутурина О.В. (2021) Цели региональной интеграции: современное понимание. *Мировая экономика и международные отношения*. № 65(10). С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Зиновьева Е., Булга В. (2021) Цифровой суверенитет Европейского союза. *Современная Европа*. № 2. С. 40–49. DOI: 10.15211/soveurope220214049
- Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенков А. (2021) Категория «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России. *Международные процессы*. № 19(4). С. 47–67. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.6
- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*. Rowman & Littlefield, Lanham, USA. 290 p.
- Barrinha A., Christou G. (2022) Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain, *European Security*. No. 31(3). P. 356–376. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102895
- Bartelson J. (1995) *A genealogy of sovereignty*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 317 p.
- Biersteker T.J. Weber C. (1996) The social construction of state sovereignty. *State sovereignty as social construct*. Ed. by T.J. Biersteker, C. Weber. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 298 p.
- Bodin J. (1967) *Six books on the Commonwealth*. Basil Blackwell, Oxford, UK. 212 p.
- Bradford A. (2020) *The Brussels Effect*. Oxford University Press, New York, USA. 424 p.
- Campbell, D. (1993) *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War*. Lynne Rienner, Boulder, USA. 128 p.
- Couture S., Toupin S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New media & society*. No. 21(10). P. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Damro C. (2012) Market Power Europe. *Journal of European Public Policy*. No. 19(5). P. 682–699.
- Farrand B., Carrapico H. (2022) Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity. *European Security*. No. 31(3). P. 435–453. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102896

Glasze G., Cattaruzza A., Douzet F., Dammann F., Bertran M.-G., Bômont C., Braun M., Danet D., Desforges A., Géry A., Grumbach S., Hummel P., Limonier K., Münßinger M., Nicolai F., Pétiñaud L., Winkler J., Zanin C. (2023) Contested Spatialities of Digital Sovereignty. *Geopolitics*. No. 28(2). P. 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070

Kuus M. (2010) Critical Geopolitics. *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*. Ed. by N. Sandal. Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137

Manners, I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*. No. 40(2). P. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353

Ó Tuathail G., Agnew J. (1992) Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy. *Political Geography*. No. 11 (2). P. 190–204.

Pohle J., Thiel T. (2020) Digital sovereignty. *Internet Policy Review*. No. 9(4). DOI: 10.14763/2020.4.1532

Roberts H., Cowls J., Casolari F., Morley J., Taddeo M., Floridi L. (2021) Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies. *Internet Policy Review*. No. 10(3). DOI: 10.14763/2021.3.1575

Weber C. (1995) *Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange*. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 164 p.

Evolution of the “Digital Sovereignty” Concept in the EU: Constants and Dichotomies

T.A. Romanova*

Candidate of Sciences (Politics)

Associate Professor, Saint Petersburg State University

1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060

***E-mail:** t.romanova@spbu.ru

Abstract. The EU has recently actively discussed the concept of ‘digital (technological) sovereignty’. The goal of this article is to identify key trends in the EU’s discourse on digital sovereignty and to determine how the EU has evolved as an actor. Theoretically the article is based on critical geopolitics. A discourse analysis of the EU’s documents and speeches of its representatives was made. The analysis has demonstrated three constants which include the emphasis on values, development of the internal market and leadership aspirations. The study also identified five dichotomies: naivety – geopolitics, interdependence – dependence, openness – closeness / protectionism, market / competition – state intervention, sovereignty through rules – sovereignty through material production. It has been revealed how the EU tries to reconcile its classical power instruments (emphasis on interdependence, cooperation, universal promotion of values and norms) and greater autonomy, demanded by its perception of today’s world. Although the texts remain ambiguous, the Westphalian sovereignty dominates. It means the EU’s refusal to promote the universal values and norms, harsher order-drawing, further consolidation of its internal space, narrowing of cooperation to like-minded countries. The EU thus departs from the classical elements of its power and influence in the world. This trend is very strong in the digital sphere but is not limited to the latter.

Key words: European Union, digital sovereignty, technological sovereignty, values, leadership, critical geopolitics, geopolitics, digital space, Westphalian sovereignty, interdependence

DOI: 10.31857/S0201708323040022

EDN: bvrnq

REFERENCES

- Agnew J. (2018) *Globalization and Sovereignty. Beyond the Territorial Trap*, Rowman & Littlefield, Lanham, USA.
- Barrinha A., Christou G. (2022) Speaking sovereignty: the EU in the cyber domain, *European Security*, 31(3), pp. 356–376. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102895
- Bartelson J. (1995) *A genealogy of sovereignty*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Biersteker T.J., Weber C. (1996) The social construction of state sovereignty, in *State sovereignty as social construct*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Bodin J. (1967) *Six books on the Commonwealth*. Basil Blackwell, Oxford, UK.
- Bradford, A. (2020) *The Brussels Effect*. Oxford University Press, New York, USA.
- Butorina O.V. (2021) Celi regional'noj integracii: sovremennoe ponimanie [Goals of Regional Integration: a Modern Understanding], *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 65(10), pp. 5–14. (In Russian).
- Campbell D. (1993) *Politics without Principle: Sovereignty, Ethics, and the Narratives of the Gulf War*, Lynne Rienner, Boulder, USA.
- Couture S., Toupin S. (2019) What does the notion of “sovereignty” mean when referring to the digital? *New media & society*, 21(10), pp. 2305–2322. DOI: 10.1177/1461444819865984
- Damro C. (2012) Market Power Europe, *Journal of European Public Policy*, 19(5), pp. 682–99.
- Farrand B., Carrapico H. (2022) Digital sovereignty and taking back control: from regulatory capitalism to regulatory mercantilism in EU cybersecurity, *European Security*, 31(3), pp. 435–453. DOI: 10.1080/09662839.2022.2102896
- Glasze G., Cattaruzza A., Douzet F., Dammann F., Bertran M.-G., Bômont C., Braun M., Danet D., Desforges A. Géry A., Grumbach S., Hummel P., Limonier K., Münßinger M., Nicolai F., Pétinaud L., Winkler J., Zanin C. (2023) Contested Spatialities of Digital Sovereignty, *Geopolitics*, 28(2), pp. 919–958. DOI: 10.1080/14650045.2022.2050070
- Kuus M. (2010) Critical Geopolitics, in Sandal N. (ed.) *Oxford Research Encyclopedia of International Studies*, Oxford University Press. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.137
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? *Journal of Common Market Studies*, 40(2), pp. 235–258. DOI: 10.1111/1468-5965.00353
- Ó Tuathail G., Agnew J. (1992) Geopolitics and Discourse: Practical Geopolitical Reasoning in American Foreign Policy, *Political Geography*, 11(2), pp. 190–204.
- Pohle, J., Thiel, T. (2020) Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). DOI: 10.14763/2020.4.1532
- Rebro O., Gladysheva A., Suchkov M., Sushenkov A. (2021) Kategorija «cifrovogo suvereniteta» v sovremennoj mirovoj politike: vyzovy i vozmozhnosti dlja Rossii [The notion of “Digital Sovereignty” in Modern World Politics. Challenges and Opportunities for Russia], *Mezhdunarodnye process*, 19(4), pp. 47–67. (In Russian).
- Roberts H., Cows J., Casolari F., Morley J., Taddeo M., Floridi L. (2021) Safeguarding European values with digital sovereignty: An analysis of statements and policies, *Internet Policy Review*, 10(3). DOI: 10.14763/2021.3.1575
- Weber C. (1995) *Simulating Sovereignty: Intervention, the State and Symbolic Exchange*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Zinov'eva, E., Bulva, V. (2021) Cifrovoy suverenitet Evropejskogo sojuza [EU Digital Sovereignty], *Sovremennaja Evropa*, 2, pp. 40–49 (In Russian).

УДК 325

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА АЛБАНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ¹

© 2023 г. ГОРОХОВ Станислав Анатольевич*

Доктор географических наук

Ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

**E-mail: stgorohov@yandex.ru*

© 2023 г. ДМИТРИЕВ Руслан Васильевич*

Доктор географических наук

Член дирекции, ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН

123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

**E-mail: dmitrievrv@yandex.ru*

Поступила в редакцию 12.02.2023

После доработки 24.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. С падением коммунистического режима Албания из закрытой в миграционном отношении страны превратилась в страну нетто-эмиграции. В статье рассмотрена эволюция миграционной политики Албании за период 1990–2022 гг. Цель исследования – выявить направления изменений подходов к регулированию международной миграции в условиях постепенной интеграции Албании в ЕС. Основу статьи составляют государственные и наднациональные источники в области миграции: законодательные и нормативные акты, стратегии, планы действий, международные соглашения. Определено, что рассматриваемый период делится на две практически равные части по уровню участия албанского государства в регулировании миграции. Первая (до середины 2000-х годов) характеризуется относительно пассивной позицией с опорой на внешние силы, то есть регулированием миграции из Албании другими странами региона и ЕС. С принятием в 2005 г. Национальной стратегии управления миграцией Албания заняла более активную позицию, ориентированную, с одной стороны, на всестороннее и разнонаправленное взаимодействие с албанской диаспорой, с другой – на снижение эмиграции путем создания новых рабочих мест. Сделан вывод, что предпринима-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123, <https://rscf.ru/project/22-18-00123/>

емые меры по возвращению в страну представителей диаспоры и снижению эмиграционной активности жителей Албании недостаточны. Диаспора играет существенную роль в экономике страны, однако не стремится к реэмиграции. Эффект от создания новых рабочих мест в значительной степени нивелирован европейским миграционным кризисом.

Ключевые слова: Албания, Европейский союз, миграция, миграционная политика, диаспора

DOI: 10.31857/S0201708323040034

EDN: bvwboc

Европейский миграционный кризис существенно повлиял на ситуацию в Албании. Она стала транзитной страной для беженцев, которые следовали Западно-Балканским маршрутом в Западную и Северную Европу [Agafoshin et al., 2022]. В 2015 г. им воспользовались более 764 тыс. человек [Oruc et al., 2020]. Албания впервые столкнулась с потоком беженцев неалбанского происхождения. Пик нелегальной миграции пришелся на 2015 г., когда границы страны пересекли 2047 беженцев¹ прежде всего из Сирии, Ирака и Афганистана [Растегаев, 2021]. В марте 2016 г. маршрут был официально закрыт [Энтина, Синопальников, 2020], что привело к временному сокращению их численности до 917 человек и появлению в Албании мигрантов, которые не желали оставаться в стране, но не могли покинуть ее территорию². В 2018 г. движение мигрантов по Западно-Балканскому маршруту возобновилось. Большинство беженцев проникали на территорию Албании из Греции с целью далее следовать в ЕС через Черногорию и Боснию и Герцеговину. За 2018 г. в Албании были задержаны около 5730 иностранных граждан. Из них 4378 человек попросили в стране убежище. К 2020 г. численность двух этих групп составляла 13 тыс. и 7,5 тыс. человек соответственно [Xhaho et al., 2019].

В будущем численность беженцев в стране многократно возрастет, если преобразятся в жизнь планы некоторых стран Евросоюза и Турции разместить в Албании центры по приему нелегальных мигрантов, пытающихся проникнуть в ЕС и получивших отказ в предоставлении убежища в других европейских странах³. Таким образом, миграционный кризис стал серьезным вызовом для Албании и поставил перед ней задачи по приему беженцев, обеспечению их жильем и питанием.

¹ Эти данные могут быть занижены, т. к. значительная часть прошедших через территорию Албании беженцев не была учтена.

² Migration Profile 2016: Republic of Albania. URL: https://mb.gov.al/wp-content/uploads/2018/02/Profili_i_Migracionit_2016_Eng.pdf (дата обращения: 23.03.2023).

³ Латышев С. Албания становится «отстойником» для мигрантов. Царьград. 25.06.2018. URL: https://tsargrad.tv/articles/albanija-stanovitsja-otstojnikom-dlja-migrantov_141850 (дата обращения: 24.03.2023); Логонова К. Балканский излом: Турция и Албания объединились против Греции. Известия. 19.04.2020. URL: <https://iz.ru/1001560/kseniia-loginova/balkanskii-izlom-turtciia-i-albaniia-obedinilis-protiv-gretcii> (дата обращения: 24.03.2023).

Регулирование миграции: равенство на ЕС

В отчете албанского Института статистики указано, что численность албанских граждан, проживающих за границей, по состоянию на 2020 г. достигла 1684,1 тыс. человек. Таким образом, 37% обладателей паспортов Албании находятся за пределами страны¹. Масштабы миграционных процессов и наличие в мире многочисленной албанской диаспоры [Абрамова, 2016] обуславливают внимание Тираны к миграционной политике. Начало ее реализации положил принятый в мае 1990 г. парламентом закон, разрешающий гражданам свободный выезд из страны, в т. ч. на постоянное жительство [Кандель, 2021]. В результате в марте 1991 г. правительством был создан Комитет по трудоустройству албанских граждан за рубежом [Смирнова, 2003].

Магистральным направлением деятельности албанского правительства независимо от его партийной принадлежности до настоящего времени остается полная интеграции Албании в ЕС. В этой связи неотложной задачей для руководства страны стало приведение ее законодательства в области миграции в соответствие с требованиями ЕС и мировыми стандартами [Кокомани, 2016]. С 1992 г. в Албании присутствует Международная организация по миграции (МОМ), а с 1993 г. Албания является ее членом. МОМ активно участвует в выработке национального миграционного законодательства и стратегии в области миграции, что служит важным фактором формирования миграционной политики страны в соответствии с приоритетами Албании по интеграции в ЕС². При этом Албания, генерирующая мощные миграционные потоки [Дрыночкин, 2016], заинтересована в расширении каналов легальной миграции из страны и поддержке интеграции албанских мигрантов в принимающие общества и рынки труда, а также активном использовании возможностей диаспоры для развития албанской экономики.

В свою очередь Евросоюз с целью регулирования миграционных потоков запустил несколько целенаправленных процессов, призванных управлять иммиграцией в ЕС из определенных регионов мира [Абрамова, Бессонов, 2012], участником которых стала Албания. Например, в 1998 г. в рамках созданного в 1993 г. Будапештского процесса основана рабочая группа по региону Юго-Восточной Европы. В ее задачи входило содействие имплементации соглашений о реадмиссии со странами региона, приближение государств Юго-Восточной Европы к стандартам ЕС в сфере миграционного контроля и управления миграционными процессами, а также информационный обмен³.

¹ Diaspora e Shqipërisë në Shifra 2020. URL: <https://www.instat.gov.al/media/7848/diaspora-ne-shifra-2020.pdf> (дата обращения: 17.03.2023).

² IOM in Albania. URL: <https://albania.iom.int/iom-albania> (дата обращения: 17.02.2023).

³ Budapest Process: Assessment of State of Play and the Way Forward 2010. URL: https://www.iom.int/sites/g/files/tmzbd1486/files/migrated_files/What-We-Do/docs/Third-Phase-Budapest-Process-en.pdf (дата обращения: 20.02.2023).

В 2009 г., исходя из опыта Будапештского процесса, на министерской конференции в Праге с целью регулирования миграции на территории ЕС, Шенгенской зоны, Восточного партнерства, Западных Балкан, Центральной Азии, России и Турции запущен Пражский процесс. На конференции государства-участники заявили о готовности к сотрудничеству в области управления миграцией, разработке согласованных принципов и элементов тесных миграционных партнерств, а также подтвердили приверженность соблюдению прав и человеческого достоинства мигрантов и беженцев. В дальнейшем произошло смещение акцента в деятельности стран-участниц Пражского процесса на предотвращение незаконной миграции, продвижение интеграции мигрантов в принимающих обществах, достижение прогресса в области реадмиссии и добровольного возвращения мигрантов, укрепление потенциала в области предоставления убежища и международной защиты¹.

В 2004–2005 гг. при содействии МОМ и финансовой помощи ЕС в Албании разработана первая Национальная стратегия управления миграцией (НСМ) на 2005–2010 гг. Цель НСМ состояла в устранении основных причин эмиграции путем создания рабочих мест в Албании для стимулирования возвращения эмигрантов, постепенном закрытии каналов нелегальной миграции (миграция из страны на 70% должна осуществляться на основе регулярных двусторонних соглашений), а также в защите албанцев, работающих за границей, и поощрении их капиталовложений в национальную экономику². В рамках Стратегии в 2006 г. принят Закон № 9668 об эмиграции граждан Албании, который гарантирует государственную поддержку и защиту албанским гражданам за рубежом, а также обязывает власти страны поддерживать и укреплять связи мигрантов с родиной³. Несмотря на то что правительство страны предприняло значительные усилия по реализации НСМ, цель ее осталась по экономическим причинам невыполненной. Скромные результаты, достигнутые правительством Албании в области репатриации соотечественников, привели к появлению отдельной Стратегии реинтеграции албанских репатриантов 2010–2015 гг.⁴ Однако на национальном рынке труда не было создано достаточного количества хорошо оплачиваемых рабочих мест, которые могли привлечь репатриантов. В результате албанские мигранты из Греции предпочитали переезжать в Германию и Великобританию, а не возвращаться на родину [Зеликсон, 2016].

Тем не менее сотрудничество с Евросоюзом в области управления миграцией привело к позитивным результатам для албанских мигрантов. Например, в 2009 г.

¹ What is the Prague Process? URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/about> (дата обращения: 22.02.2023).

² The Republic of Albania migration profile. 2007. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/mp_albania2007.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

³ Republic of Albania the Assembly Law no. 9668 Dated 18.12.2006 on the Emigration of Albanian Citizens for Employment Purposes. URL: <http://ilo.org/dyn/natlex/docs/SERIAL/75467/79508/F1901111842/ALB75467.pdf> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴ Strategy on Reintegration of Returned Albanian Citizens 2010–2015. URL: https://esiweb.org/pdf/schengen_whitelist_project_Strategy%20on%20Reintegration%20of%20Returned%20Albanian%20Citizens%202010-2015.pdf (accessed: 01.03.2023).

ратифицировано Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и Албанией¹. Оно позволило последней начать выдачу биометрических паспортов, разработанных в соответствии с руководящими принципами Евросоюза [Londo, 2009]. В результате в 2010 г. Совет ЕС одобрил безвизовый въезд для албанских граждан². В 2014 г. Албания получила официальный статус страны-кандидата на вступление в Евросоюз, поэтому, продвигаясь далее в фарватере миграционной политики Брюсселя, страна в 2018 г. подписала Глобальный договор по миграции и на его основе закончила разработку НСМ на 2019–2022 гг.

Новая НСМ и План действий по реализации, разработку которых финансировал Фонд развития МОМ, ориентированы на общую миграционную повестку ЕС. Стратегия провозглашает переход от борьбы с нелегальной и нерегулярной миграцией к реализации комплексной политики, нацеленной на управление потоками эмигрантов из Албании для успешного решения проблем социально-экономического развития. НСМ согласуется с политикой страны в области комплексного управления границами и нацелена на сотрудничество с диаспорой, сохраняющей закрытый характер (с минимальной ассимиляцией) [Пономарева, 2018]. Определены следующие направления комплексной миграционной политики:

- 1) стратегическое управление миграцией албанскими государственными службами;
- 2) обеспечение безопасной и упорядоченной миграции в том числе на основе контроля за незаконными передвижениями на границах и внутри страны;
- 3) повышение эффективности политики в области трудовой миграции и позитивного влияния последней на местные рынки труда;
- 4) интеграция мигрантов и защита их прав³.

В целом НСМ на 2019–2022 гг. позволила улучшить качество управления миграцией в Албании за счет обучения кадров государственных служб, а также положительно повлияла на миграционное законодательство страны. Например, в 2021 г. принят новый Закон об убежище, приближающий законодательство Албании к международным и европейским стандартам. Согласно Закону, власти предоставляют помощь (включая юридические услуги) и временную защиту иностранцам с момента пересечения ими албанской границы. Мигрантам также должны быть обеспечены свобода передвижения и возможность работы в стране. Закон санкционирует сотрудничество Албании с международными организациями, которые ока-

¹ Stabilisation and Association Agreement Between the European Communities and their Member States, of the One Part, and the Republic Of Albania, of the Other Part. 2009. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/treaties-agreements/agreement/?id=2006040> (дата обращения: 02.03.2023).

² Regulation (EU) no. 1091/2010 of the European Parliament and of the Council of 24 November 2010. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2010:329:0001:0002:EN:PDF> (дата обращения: 17.02.2023).

³ The National Strategy on Migration and Action Plan 2019–2022. URL: <https://albania.iom.int/sites/g/files/tmzbd11401/files/documents/THE%20NATIONAL%20STRATEGY.pdf> (дата обращения: 26.02.2023).

зывают помощь мигрантам, а также предусматривает ведение единой базы данных (электронного реестра) лиц, ищущих убежища и/или находящихся под международной защитой¹. Таким образом, планы по превращению Албании в центр по приему беженцев, направляющихся в ЕС, обретают юридическое обоснование. Важный результат принятия НСМ – признание миграции существенным фактором развития Албании, что побудило правительство включить миграцию в Национальную стратегию развития и интеграции на 2022–2026 гг.² В 2022 г. МОМ приняла стратегию для Албании на 2022–2025 гг. В ней основное внимание уделено следующим стратегическим направлениям: 1) расширению сотрудничества местных сообществ и диаспоры в программах по экономическому развитию страны; 2) содействию безопасной, упорядоченной и законной миграции; 3) внедрению всеобъемлющей политики управления миграцией, основанной на сотрудничестве государства и общества³.

Национальная стратегия в отношении диаспоры

В 2017 г. в Албании разработана Национальная стратегия в отношении диаспоры на 2018–2024 гг., в которой предпринята попытка оценить предыдущие государственные планы в области взаимодействия с диаспорой и подготовлены выводы и рекомендации для дальнейшего совершенствования политики страны. В документе также выделены основные направления работы с диаспорой: совершенствование механизмов социального и политического учета мигрантов, защита их интересов, организация албанских ассоциаций за рубежом, улучшение консульских услуг в дипломатических представительствах Албании⁴. В соответствии с этой стратегией парламент утвердил правовую базу государственной политики в отношении диаспоры, были созданы Национальное агентство по делам диаспоры (НАД), Фонд развития албанской диаспоры, Издательский центр диаспоры, Центр изучения наследия арберов (итало-албанцев). Также учрежден Координационный совет диаспоры из 15 делегатов, представляющих страны ЕС (6 представителей), США (3), Канаду (2), Великобританию (2), Австралию (1) и Турцию (1). Распределение делегатов в составе Координационного совета соответствует географической структуре албанской диаспоры: в 2020 г. около 40% албанских мигрантов проживало в Италии, 35% – в Греции, 8% – в США, более 4% – в Германии, остальные – в Канаде, Бри-

¹ Llambi E. Approval of the New Law “On Asylum” in Albania. URL: <https://www.hg.org/legal-articles/approval-of-the-new-law-on-asylum-in-albania-58888> (дата обращения: 24.02.2023).

² United Nations Sustainable Development Cooperation Framework 2022–2026. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2021-08/Final%20Albania%20CF%202022-2026.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).

³ IOM Strategy for Albania (2022–2025). URL: https://albania.iom.int/sites/g/files/tmzbd11401/files/inline-files/IOM%20Country%20Strategy_Albania.pdf (дата обращения: 03.05.2023).

⁴ Strategjia Kombetare e Diaspores 2018–2024 dhe Plani i Veprimit. 2018. URL: <https://diaspora.gov.al/wp-content/uploads/2018/05/STRATEGJIA-KOMBETARE-E-DIASPORES-2018-2024-DHE-PLANI-I-VEPRIMIT.pdf> (дата обращения: 26.02.2023).

тании, Бельгии, Австралии, Турции и других странах¹. Албанию на официальных заседаниях Координационного совета диаспоры представляют президент, премьер-министр и профильные министры.

НАД, возглавляемое чиновником в ранге государственного министра, – главный центр, который определяет политику Албании в отношении диаспоры. В его компетенцию входят развитие и углубление институционального сотрудничества с албанскими диаспорами посредством защиты прав и интересов албанских граждан, а также продвижение экономического сотрудничества со страной происхождения². С 2016 г. регулярно проводятся саммиты албанской диаспоры, которые собирают проживающих за рубежом представителей бизнеса, науки, искусства, культуры, спорта и студенческих ассоциаций.

В 2019 г. на втором саммите албанской диаспоры было решено дополнить Стратегию рекомендациями для координации работы ответственных государственных структур Албании с представителями диаспоры. Это привело к появлению новой Национальной стратегии в отношении диаспоры на 2021–2025 гг. Она направлена на усиление роли албанской диаспоры в экономическом развитии страны в результате использования ее финансовых ресурсов и профессионального опыта. Денежные переводы в Албанию в 2021 г. достигли 1,14 млрд евро (на 10% больше по сравнению с предыдущим годом). Они составляют от 9 до 25% ВВП Албании по разным оценкам и около 15% дохода албанских домохозяйств. Наибольший объем переводов поступил из Италии (24,5%), Великобритании (18,1%), Германии (15,2%) и Греции (15,0%)³.

Новая редакция стратегии предусматривает принятие Плана действий, который должен осуществляться правительством Албании и другими заинтересованными сторонами, вовлеченными во взаимодействие с диаспорой (бизнес-структуры, организации культуры и образования, СМИ, ассоциации албанцев за рубежом и т. д.). В План действий включены мероприятия по шести тематическим направлениям:

1) отношения государства с диаспорой (укрепление сотрудничества государственных структур с албанскими общинами за рубежом);

2) организация диаспоры (поддержка партнерских связей с профессиональными ассоциациями диаспоры);

3) экономика и бизнес (создание правовой базы для инвестиций со стороны албанской диаспоры);

4) наука, культура и образование (расширение связей и сотрудничества в области науки и развития новых технологий, сохранение албанской идентичности, языка и культуры в албанской диаспоре);

5) средства массовой информации (поддержка албанских СМИ в диаспоре и освещение жизни общин за рубежом в газетах, на радио и телевидении в Албании);

¹ Diaspora e Shqipërisë në Shifra 2020.

² Agjencia Kombëtare e Diasporës. URL: <http://akd.gov.al/> (дата обращения: 22.02.2023).

³ Eurostat. Dërgesat Personale Drejt Shqipërisë në Vitin 2021 Arritën në 1.14 Miliardë Euro. URL: <http://akd.gov.al/eurostat-dergesat-personale-drejt-shqiperise-ne-vitin-2021-arriten-ne-1-14-miliarde-euro/> (дата обращения: 20.03.2023).

б) мониторинг и прозрачность (обеспечение контроля и информационной поддержки мероприятий по реализации стратегии).

Большинство мероприятий должны проводиться в установленные сроки или периодически, а их реализация требует согласованного участия более одного государственного учреждения. Это соответствует комплексному подходу правительства Албании к привлечению диаспоры к участию в развитии страны и сохранению албанской идентичности. Например, в Международный день мигрантов 18 декабря в стране проводится Национальный день диаспоры, на котором присутствуют представители культуры и бизнеса общин за рубежом, правительства Албании, а также МОМ и ООН¹. Ежегодно наиболее выдающимся представителям диаспоры присуждают почетное звание «Посол нации». Среди других регулярных мероприятий – Саммиты диаспоры и ее Координационного совета, День юристов диаспоры, Саммит медиков диаспоры, День денежных переводов, различные концерты и выставки, студенческие и спортивные фестивали, Дни Албании в различных странах и др.

Один из результатов перехода албанской миграции от стихийной к организованной формам – рост возвратной миграции благодаря введению системы льгот для возвращающихся на родину. С одной стороны, больше албанцев накопили средства и вернулись на родину или перенесли бизнес в Албанию; с другой – реэмиграция стала проще. В 2015–2019 гг. в страну вернулось рекордное количество албанцев – 147 тыс. человек, в основном из Германии, что связано с усилением конкуренции на рынке труда в ФРГ, которая приняла в эти годы рекордное число беженцев, а также с негативным влиянием на миграционные процессы пандемии *COVID-19* [Gëdeshi, King, 2018]. Учитывая, что население Албании в результате эмиграции постоянно снижается, реадмиссия может сыграть ключевую роль в росте экономики.

Заключение

В Албании произошла существенная трансформация во взглядах на цели миграционной политики и роль диаспоры в жизни страны. За три десятилетия она превратилась в страну фактически бесконтрольной миграции и поставила амбициозную цель управлять миграционными потоками. В последние годы повышается значение Албании как важного европейского центра транзитной миграции.

Роль миграции в социально-экономическом развитии оценивается неоднозначно. С одной стороны, она истощает демографический и экономический потенциал Албании, с другой – многочисленная албанская диаспора может стать залогом будущего успешного развития страны. Тирана использует общины за рубежом в переговорах с Брюсселем о вступлении в ЕС, а денежные переводы албанских мигрантов – значимая статья формирования валового продукта. Диаспора и Албания нуждаются друг в друге: без помощи родины первая может постепенно растворить-

¹ Open Doors for Diaspora. IOM. 15.12.2021. URL: <https://albania.iom.int/news/open-doors-diaspora> (дата обращения: 27.02.2023).

ся в принимаемом обществе, а государство лишится содействия почти 3 млн соотечественников, многие из которых обладают уникальными знаниями, опытом, финансовыми и технологическими возможностями.

Национальные стратегии в области миграции и в отношении диаспоры принимаются в соответствии с современными международными и европейскими нормами. В результате Албания получает похвалы от ООН и МОМ за прогрессивность в этом направлении. В стране проходят многочисленные связанные с тематикой диаспоры мероприятия, которые привлекают значительное число участников. Эмигранты помогают родине прежде всего денежными переводами семьям, а не инвестициями в экономику страны.

Таким образом, регулярно обновляемая миграционная политика не приводит к существенным изменениям в развитии Албании и не сокращает число желающих покинуть родину. Для успешного претворения в жизнь стратегий и планов в отношении диаспоры государству необходимо создать условия и институты для устойчивого развития страны, снизить уровень коррупции и преступности [Дегтерев, Ковалева, 2016] и создать базис для взаимовыгодного сотрудничества с диаспорой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова И.О. (2016) Мусульманские диаспоры Евросоюза в гендерном, поколенческом и пространственном измерениях. От демографии к социальной антропологии. *Ученые записки Института Африки РАН*. № 1 (35). С. 25–32.

Абрамова И.О., Бессонов С.А. (2012) «Арабская весна» и трансграничная миграция. *Азия и Африка сегодня*. № 7 (660). С. 10–15.

Дегтерев Д.А., Ковалева Д.В. (2016) Роль Албании и албанской организованной преступности в транзите наркотиков по «балканскому маршруту»: сетевой анализ. *Национальная безопасность / Nota Bene*. № 4 (45). С. 509–518. DOI: <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2016.4.19364>

Дрыночкин А.В. (2016) Трансформация в Албании: медленно, но верно? *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*. Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. Институт экономики РАН, Москва. С. 12–43.

Зеликсон Д.И. (2016) Экономическая дипломатия Греции в Албании: от политического влияния до экономических выгод. *Большое Причерноморье: противоречия и стратегические решения для России*. Под ред. А.А. Язьковой. Институт Европы РАН, Москва. С. 76–81.

Кандель П.Е. (2021) Албанский вопрос сегодня. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 3 (21). С. 77–83. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320217783>

Кокомани А.Б. (2016) *Внешиэкономические связи современной Албании: экономическая дипломатия*. МАКС Пресс, Москва. 164 с.

Пономарева Е.Г. (2018) Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: сценарный подход. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2 (59). С. 99–124. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124>

Растегаев Д. (2021) Балканский ветер перемен: последствия размещения беженцев из Афганистана в Албании, Косово и Северной Македонии. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. № 63 (79). С. 29–35.

Смирнова Н.Д. (2003) *История Албании в XX веке*. Наука, Москва. 431 с.

Энтина Е.Г., Синопальников Н.С. (2020) Фактор арабо-мусульманского мира в развитии стран бывшей Югославии и Албании. *Современная Европа*. № 2 (95). С. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope22020131142>

Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2022) Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement During the Migration Crisis. *Baltic Region*. Vol. 14. No. 4. P. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-6>

Gëdeshi I., King R. (2018) *New Trends in Potential Migration from Albania*. Friedrich–Ebert–Stiftung, Tirana, Albania. 86 p.

Londo E. (2009) Modernization Project Helps Improve Public Services in Albania. *OSCE*. 06.02. URL: <https://www.osce.org/albania/57717> (accessed: 28.02.2023).

Oruc N., Raza S., Santic D. (2020) *The Western Balkan Migration Route (2015–2019): Analytical Report*. Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, Austria. URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/33-reports/289-the-western-balkan-migration-route-2015-2019> (accessed: 29.03.2023).

Xhaho A., Lleshi Tandili A. (2019) *Vulnerable Asylum Seekers and Irregular Migrants in Albania: Trends, Challenges, and Policy Solutions*. The Institute for Democracy and Mediation. June. URL: https://idmalbania.org/wp-content/uploads/2021/11/policy-brief_Vulnerable-asylum-seekers-and-irregular-migrants-1.pdf (accessed: 24.03.2023).

Migration Policy in Albania: Institutional Aspects¹

S.A. Gorokhov*

Doctor of Science (Geography)

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka street, Moscow, Russia, 123001

***E-mail:** stgorokhov@yandex.ru

R.V. Dmitriev*

Doctor of Science (Geography)

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka street, Moscow, Russia, 123001

***E-mail:** dmitrievrv@yandex.ru

Abstract. After the fall of the communist regime Albania turned from a closed country into a country of net emigration. The article examines the evolution of Albanian migration policy from 1990 to 2022. The purpose of the study is to identify the approaches to the regulation of international migration in the context of the integration of Albania into the EU. The research is based on the state and supranational sources in the field of migration: legislative and regulatory acts, strategies, action plans, international agreements. The period under consideration is divided into two almost equal parts in relation to the level of participation of Albania in the regulation of migration. The first period (until the mid-2000s) is characterized by a relatively passive stance, relying primarily

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation within project no. 22-18-00123, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00123/>

on external forces which regulate migration from Albania, such as other countries of the region and the EU. With the adoption of the Strategy for Migration Management in 2005 Albania took a more active stance, focused, on the one hand, on comprehensive and multidirectional interaction with the Albanian diaspora and, on the other, on reducing emigration by creating new jobs. It is revealed that the measures taken to return the representatives of the diaspora to the country and reduce the emigration activity of the current inhabitants of Albania are not enough. The diaspora plays a significant role in the economy of Albania, however, it does not seek re-emigration. The effect of job creation was largely offset by the European migrant crisis.

Key words: Albania, European Union, migration, migration policy, diaspora

DOI: 10.31857/S0201708323040034

EDN: bvwboс

REFERENCES

- Abramova I.O. (2016) Musul'manskie diaspori Evrosoyuza v gendernom, generatsionnom i prostranstvennom izmereniyakh. Ot demografii k sotsial'noi antropologii [EU Muslim Diasporas in Gender, Generational and Spatial Dimensions: From Demography Toward Social Anthropology], *Journal of the Institute for African Studies*, 1 (35), pp. 25–32. (In Russian).
- Abramova I.O., Bessonov S.A. (2012) “Arabskaya vesna” i transgranichnaya migratsiya [“Arab Spring” and Transborder Migration], *Asia and Africa Today*, 7 (660), pp. 10–15. (In Russian).
- Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. (2022) Refugees from Syria and Iraq in Sweden: Resettlement During the Migration Crisis, *Baltic Region*, 14 (4), pp. 98–112. DOI: <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-6>
- Degterev D.A., Kovaleva D.V. (2016) Rol' Albanii i albanskoi organizovannoi prestupnosti v tranzite narkotikov po “balkanskomu marshrutu”: setevoi analiz [The Role of Albania and Albanian Organized Crime in the Drug Transit Along the “Balkan route”: A Network Analysis], *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene*, 4 (45), pp. 509–518. DOI: <https://doi.org/10.7256/2073-8560.2016.4.19364> (In Russian).
- Drynochkin A.V. (2016) Transformation in Albania: Slowly but Surely? in Glinkina S.P., Kulikova N.V. (ed.) *Perekhod stran Tsentral'no-Vostochnoi Evropy ot sotsializma k kapitalizmu: osobennosti i rezul'taty* [The Transition of Central and Eastern European Countries from Socialism to Capitalism: Peculiarities and Results], Institute of Economy RAS, Moscow, Russia, pp. 12–43. (In Russian).
- Entina E., Sinopalnikov N. (2020) Faktor arabo-musul'manskogo mira v razvitiy stran byvshei Yugoslavii i Albanii [The Factor of the Arab-Muslim World in the Development of the Countries of Former Yugoslavia and Albania], *Sovremennaya Evropa*, 2 (95), pp. 131–142. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope22020131142> (In Russian).
- Gëdeshi I., King R. (2018) *New Trends in Potential Migration from Albania*, Friedrich–Ebert–Stiftung, Tirana, Albania.
- Kandel P. (2021) Albanskii vopros segodnya [Albanian Question Today], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 3 (21), pp. 77–83. DOI: <https://doi.org/10.15211/vestnikieran320217783> (In Russian).
- Kokomany A.B. (2016) *Vneshneekonomicheskie svyazi sovremennoi Albanii: ekonomicheskaya diplomatiya* [External Economic Factors of Albanian National Economic Development], MAKS Press, Moscow, Russia. (In Russian).

Londo E. (2009) Modernization Project Helps Improve Public Services in Albania, *OSCE*, 06.02. URL: <https://www.osce.org/albania/57717> (accessed: 28.02.2023).

Oruc N., Raza S., Santic D. (2020) *The Western Balkan Migration Route (2015–2019): Analytical Report*. Prague Process Secretariat International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), Vienna, Austria. URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/33-reports/289-the-western-balkan-migration-route-2015-2019> (accessed: 29.03.2023).

Ponomareva E.G. (2018) Albanskii faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan: stsennyyi podkhod [The Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans: Scenario Approach], *MGIMO Review of International Relations*, 2 (59), pp. 99–124. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-99-124> (In Russian).

Rastegaev D. (2021) Balkanskii veter peremen: posledstviya razmeshcheniya bezhentshev iz Afganistana v Albanii, Kosovo i Severnoi Makedonii [Balkan Winds of Change: Consequences of Afghan Refugee Deployments in Albania, Kosovo and North Macedonia], *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, 63 (79), pp. 29–35. (In Russian).

Smirnova N.D. (2003) *Istoriya Albanii v XX veke* [History of Albania in the 20th Century], Nauka Publ., Moscow, Russia. (In Russian).

Xhaho A., Lleshi Tandili A. (2019) *Vulnerable Asylum Seekers and Irregular Migrants in Albania: Trends, Challenges, and Policy Solutions*. The Institute for Democracy and Mediation. June. URL: https://idmalbania.org/wp-content/uploads/2021/11/policy-brief_Vulnerable-asylum-seekers-and-irregular-migrants-1.pdf (accessed: 24.03.2023).

Zelikson D.I. (2016) Economic Diplomacy of Greece in Albania: From Political Influence to Economic Benefits, in Yaz'kova A.A. (ed.) *Bol'shoe Prichernomor'e: protivorechiya i strategicheskie resheniya dlya Rossii* [The Wider Black Sea Region: Contradictions and Strategic Solutions for Russia], Institute of Europe RAS, Moscow, Russia, pp. 76–81 (In Russian).

УДК 323.11

ФРАНКОЯЗЫЧНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ СООБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИЗРАИЛЕ: ПОЛИТИКО- СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

© 2023 г. **ХАНИН Владимир (Зеэв)***

Ph.D., профессор

*Отделение политических наук, Центр стратегических исследований Бегина-Садата
Университет Бар-Илан, 5290002, Израиль, Рамат-Ган*

***E-mail:** zeevkh@yahoo.com

© 2023 г. **ОСКОЛКОВ Пётр Викторович****

Кандидат политических наук

*Отдел исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3*

****E-mail:** petroskolkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.03.2023

После доработки 29.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализированы социологические, демографические и политические характеристики сообщества репатриантов из франкоязычных стран в Государстве Израиль. Сообщество представляет важный фактор как израильской и французской внутренней политики, так и двусторонних отношений Израиля с европейскими странами. Сделан вывод о сохранении в сообществе множественной идентичности (франкофонной, еврейской и израильской). Внимание обращено на количественные и качественные отличия алии 2010-х гг. от предыдущих волн репатриации. Разница обусловлена как причинами, вытолкнувшими французских евреев на историческую родину, так и сложностями экономической адаптации. Создана развитая инфраструктурная сеть, поддерживающая множественность идентичности, имеются предпосылки для дополнения идентитарной инфраструктуры элементом организованного политического представительства. В настоящее время потребность в представительстве удовлетворяется за счет предоставления мест в общенациональных партийных списках. В силу доминирования правоконсервативных политических ориентаций, репатриация из Франции рассматривается как электоральный ресурс для правящего блока правокон-

сервативных, националистических и ультрарелигиозных сил, и раздаются голоса в пользу ее дальнейшего стимулирования.

Ключевые слова: диаспора, кливажи, социальная структура, меньшинство, интеграция, иммиграция, репатриация

DOI: 10.31857/S0201708323040046

EDN: bwdgdd

Страны Евросоюза тесно связаны с современным Израилем. Несмотря на весьма противоречивую и отягощенную множеством разногласий историю двусторонних и многосторонних отношений [Носов, 2015: 348–351], сотрудничество европейских стран с еврейским государством многогранно. Это обусловлено структурой израильского общества, значимую часть которого составляют выходцы из Европы и их потомки. Каждый социум, ограниченный рамками политики, неизбежно структурирован – разделен на сегменты, соотносящиеся друг с другом. Общество, сложившееся за последние 75 лет в Государстве Израиль, не является исключением: система общественных (и общественно-политических) размежеваний там несколько сложнее, чем классические модели, сформулированные на примерах европейских неиммигрантских политий.

В соответствии с классической теорией общественно-политических размежеваний (кливажей, *cleavages*) С.М. Липсета и С. Роккана, партийно-политическую структуру государства определяют расколы между городом и деревней, центром и периферией, государством и церковью, рабочими и собственниками [Lipset, Rokkan, 1967]. Несмотря на тенденцию использовать эту схему в качестве универсальной методологической оптики, в настоящее время эти размежевания считаются подвижными, а к указанным четырем разделительным линиям могут добавляться обусловленные социокультурной спецификой соответствующего общества.

Эти кливажи актуальны для Израиля в специфическом для местного политико-исторического контекста виде. На них накладываются этноконфессиональные, политико-мировоззренческие, социально-экономические и лингвокультурные разделительные линии, зачастую причудливо пересекающиеся и создающие различные комбинации «матрешки идентичностей» [Risse, 2011: 24], в которую встроен каждый житель государства. За рамками исследования оставлены наиболее очевидные этноконфессиональные расколы между арабским и еврейским демографическими сегментами (несмотря на то что арабский сегмент также неоднороден с этноконфессиональной точки зрения), чтобы сконцентрироваться на политико-мировоззренческих и лингвокультурных аспектах. С политико-мировоззренческой точки зрения израильское общество принято видеть разделенным на лагеря (ивр. *маханэ*), прежде всего левый и правый, наследующие партиям-движениям социалистов (МАПАЙ/«Авода») и ревизионистов («Херут») соответственно. Иные расколы включают размежевания светских и религиозных (точнее, сторонников двух разных подходов к моделям взаимоотношений государства и религии), (суб)этнических и общинных групп (евреи и арабы, ашкеназы и сефарды и пр.), а также сторонников либеральной экономики и социального государства.

Именно в равном политико-мировоззренческом представительстве лагерей А. Лейпхарт видел перспективы приложения своей теории консоциативной демократии к Израилю [см. также Elazar, Cohen, 1985]. Он также располагал лагеря на пересечении конфессиональной и политической идентичностей, выделяя такие сегменты, как «социалисты, светски настроенные несоциалисты и верующие евреи». По мысли Лейпхарта, они «соответствуют субкультурам Австрии, Бельгии и Голландии как по религиозно-идеологической природе противоречий, так и по степени организованности политической и общественной жизни в них» [Лейпхарт, 1997: 166]. Более нюансированная идея о пяти-шести коленах Израиля (по аналогии с библейскими 12 коленами) возникла в 1990-е гг. и подразумевала разделение общества на светских (в массе своей левых) ашкеназов, правых сефардов-традиционалистов, религиозных (с разделением на ультраортодоксальных харедим, зачастую отказывающихся в легитимности Израилю как еврейскому государству по религиозным причинам, и религиозных сионистов), русских (репатриантов из бывшего СССР) и арабов [см. Arjan, 1997]. Идеи А. Лейпхарта частично отразились в более поздней теории М. Ароноффа о трех типах израильского национализма, которые последний выделяет в соответствии с восприятием времени, пространства, религиозности и безопасности различными общественными группами, – гражданском, этническом республиканском и этнонационалистическом [Aronoff, Kubik, 2012: 126].

Культурно-лингвистические размежевания для общественно-политической жизни Израиля не менее важны, чем вышеупомянутые лагеря и колена. Однозначно наложить структуру лагерей на культурно-лингвистические группы невозможно: границы категорий и их содержательное наполнение не совпадают. Наиболее важным термином в рамках данного размежевания выступает «сектор» (*мигзар*), которым обычно обозначают два типа социокультурных сообществ. Первый – это община-эда, сходный, по замечанию Д. Янов, с американскими демографическими и административными категориями расы и этничности: «эда как страна происхождения, эда как культурная принадлежность и эда как “раса”» [Yanow, 1998: 190]. Индикаторами принадлежности к такому сообществу, как правило, сложившемуся еще в диаспоре, обычно являются происхождение индивида, наследуемые (или понимаемые как наследуемые) черты, такие как этническая или конфессиональная принадлежность или родной язык. Второй – это община-кехила, понимаемая как объединение людей по признаку проживания, работы, проведения досуга в определенном месте или как община, сложившаяся уже в Израиле на основании общности страны или региона исхода, также обладающая некими привезенными из диаспоры или приобретенными в Израиле социокультурными признаками. В израильской ситуации обе эти ипостаси нередко пересекаются. На практике принадлежать можно к общинам-мигзарим в обоих пониманиях, как эда и как кехила, но происходить только из общины-эда¹.

¹ За исключением редких случаев переселения в Израиль целых субэтнических еврейских групп, например йеменских или афганских евреев, в силу чего «лишь несколько стран происхождения заслужили статус эда» [Yanow, 1998: 190].

Показательный пример указанного явления – община выходцев из Франции. С момента образования Государства Израиль в 1948 г. и до конца 2022 г. в него репатрировались 80 344 евреев Франции¹ и примерно 21 тыс. евреев из франкоязычных регионов и общин Бельгии, Швейцарии, Канады, Люксембурга, Алжира и Марокко². В настоящий момент в живых из более 100 тыс. иммигрантов осталось порядка 85 тыс. чел., включая более 70 тыс. репатриантов из Франции. К ним, по принятым в Израиле и в мире стандартам, следует также добавить более 19 тыс. представителей второго поколения иммигрантов – детей репатриантов из Франции и Бельгии, родившихся в Израиле. Таким образом, франкоязычная община Израиля сегодня составляет порядка 105 тыс. чел. При наличии немалого числа работ, посвященных описанию различных аспектов *алии* (репатриации), интеграции, структуры и идентичности этой группы, некоторые сюжеты, такие как различия между волнами *алии* из франкоязычных стран и их роль в этнополитических процессах в Израиле, пока описаны недостаточно полно. Данное исследование является попыткой внести посильный вклад в их изучение.

Этнонациональная, гражданская и общинная идентичность

Первая группа различий восходит к внутренней гетерогенности почти 550-тысячной еврейской общины Франции – крупнейшей в Европе и второй по численности за пределами Израиля. Она включает как минимум четыре этнокультурные группы (*эдат* и их локальные версии). Почти две трети французского еврейства – это выходцы из стран Магриба, иммигрировавшие во Францию после обретения этими странами в середине XX в. независимости и исхода отсюда европейского населения. Чуть больше четверти – это центрально- и восточноевропейские ашкеназские евреи, иммигрировавшие во Францию после Второй мировой войны, и их потомки. Остальные – примерно 10% – приходятся на две коренные еврейские общины Франции – пережившие Холокост французские ашкеназские евреи и небольшая сефардская община, чьи предки были изгнаны из Испании. Различия между представителями этих групп проявляются в Израиле.

В более общем израильском контексте самовосприятие членов сообщества и его восприятие извне во многом нивелируют различия между принадлежностью выходцев из Франции к *эда* и *кехила*. Французские евреи, в отличие от большинства других общин выходцев из Европы, не включаются однозначно ни в укрупненное сообще-

¹ Здесь и далее – данные отдела информационных систем Министерства Алии и интеграции Израиля (МАИИ), если не отмечено иное. По другим данным – более 130 тыс. чел.: Avitan Cohen Sh. BeTsel haTsnikha beKhamut haOlim: kakha meodedim et yehudei Tsarfat laalot leIsrael. *Israel Hayom*. 12.03.2023. URL: <https://www.israelhayom.co.il/news/geopolitics/article/13803708> (дата обращения: 27.05.2023).

² Общее число репатриантов из бывших французских колоний Северной Африки и их потомков в первом поколении оценивается в более 550 тыс. чел. В Израиле есть организации, которые, претендуя на представительство интересов всех франкоязычных евреев, имеют в виду и этих лиц. Однако в практическом смысле относить их к числу франкофонов некорректно.

ство т.н. Первого Израиля, в основном состоящее из евреев-ашкеназов (*ашкеназим*), происхождением и корнями связанных со странами Запада, ни во Второй Израиле (евреи-выходцы из стран Востока – *мизрахим*) [Еутан, 2017]. Важную роль в этом смысле играют культурные, языковые, а, в случае с *мизрахим*, фенотипические отличия французских репатриантов с корнями в странах Магриба от выходцев из Ирака или Туниса [Lachkar, 2021].

Не меньшее значение имеет общественное восприятие выходцев из Франции в Израиле, вне зависимости от их принадлежности к субэтнической группе в диаспоре (*эда*), как отдельной общины-кехила – «французов» (*царфатим*). Показательно, что иммигрировавшие в Израиль напрямую из стран Магриба родственники евреев-сефардов иногда даже в рамках нуклеарной семьи считаются марокканцами. Подобное понимание достаточно прочно утвердилось во внутреннем дискурсе сообщества франкоязычных израильтян, принадлежавших во Франции к разным этнокультурным сегментам местного еврейства.

Согласно проведенному в Израиле исследованию репатриантов конца 1990-х и первых двух десятилетий XXI в.¹, о наличии у них до репатриации устойчивой общеврейской идентичности заявили более 78% выходцев из Франции, чуть более 42% рассматривали себя в качестве французских евреев («еврей страны исхода»). Немногим более 36% отмечали наличие у них той или иной идентификации с народом (не гражданской нацией) страны исхода, т. е. французами. После приезда в Израиль подобный расклад почти не изменился, за исключением роста почти на четверть (с 42,1 до 50,5%) доли тех, кто однозначно чувствует себя «евреем страны исхода», вероятно, благодаря снижению по мере времени проживания в Израиле значимости актуальных для диаспоры субэтнических различий.

Таким образом, речь идет не об этнических французах, проживающих в Израиле, а о французских евреях, для которых по умолчанию базисной идентичностью в Израиле и во Франции является еврейская. В большинстве еврейских общин мира еврейская идентичность является многосоставным феноменом. Она включает такие параметры, как религия, этническая принадлежность, генетическое происхождение, наследие, национальная культура и ряд других. Например, данные, собранные в 12 странах ЕС в 2018 г. Агентством Европейского союза по фундаментальным правам (*European Union Agency for Fundamental Rights, FRA*), показали, что из 16 тыс. респондентов, декларировавших принадлежность к еврейскому народу, 35% упомянули в качестве главного индикатора этой принадлежности религию, 23% – происхождение от родителей-евреев и 11% – культуру [DellaPergola, Staetsky, 2022: 4–6].

¹ Исследование 1200 русско-, англо-, франко- и испаноговорящих репатриантов 1998–2017 гг. проведено по инициативе Министерства алии и интеграции Израиля (МАИИ) в 2018 г. социологическим институтом «Мартенс Хоффман» по программе, предложенной одним из авторов этой статьи. См.: [МОАИ, 2018] (Алия и интеграция в Израиле репатриантов из русско-, франко-, англо-, и испаноговорящих стран. Иерусалим. МАИИ. 2018). Далее – МАИИ 2018.

Примерно такую же картину показало количественное (2400 респондентов) и качественное исследование (порядка 800 респондентов в составе фокус-групп) евреев Франции, проведенное иерусалимским Институтом политики еврейского народа (ИПЕН) в 2013 г. [Garson, Zeytun, 2013]. Согласно собранным данным, «еврейское бытие» во Франции включало в разных пропорциях как религиозную традицию, так и принадлежность к культуре. Среди молодежи 19–25 лет видно достаточно четкое различие потомков уроженцев Северной Африки с теми, кто родился в семьях евреев европейского происхождения. Для первой подгруппы «быть евреем» чаще означало соблюдение заповедей иудаизма (как правило, в ортодоксальном варианте), регулярное посещение синагоги, социализацию в еврейской среде, учебу в системе еврейских школ и восприятие еврейских религиозных лидеров в качестве важного звена их связи с Израилем и еврейским народом. Представители второй подгруппы в ходе интервью чаще отмечали важность культурных аспектов еврейства, гордость еврейской историей, жизненную философию, наличие друзей-евреев, а также соблюдение религиозных заповедей в их либеральной версии.

В других возрастных когортах различия в понимании еврейства между представителями двух субэтнических групп были существенно менее выраженными, и в целом о наличии у них чувства принадлежности к еврейскому народу в «очень большой» или «просто большой» степени заявили соответственно 86 и 11% участников исследования. Опрошенные евреи всех возрастов и любого происхождения заявили, что связь с Израилем – важная часть их еврейской идентичности [Garson, Zeytun, 2013: 29–39].

Нынешние израильские граждане-репатрианты из Франции, проживая в стране исхода, не только в массе своей считали себя евреями, но и одновременно полноправными и лояльными французскими гражданами, исходя из принятой во Франции идеологии республиканизма. Связь и солидарность с Израилем, будучи важным встроенным компонентом еврейской идентичности членов этого сообщества, были мостиком к гражданскому аспекту их самоидентификации. Это, в частности, проявлялось в усилиях по формированию в стране проживания лоббистских групп в израильских интересах¹.

В связи с этим присоединение после репатриации к имевшимся ранее компонентам матрицы идентичностей также израильской гражданской идентификации, комплементарно дополненной актуализированным в иноязычном окружении французским компонентом, в большинстве случаев проходило достаточно быстро и естественно. Упомянутое исследование МАИИ 2018 г. показало, что уже в первые пять лет после репатриации доля обладателей устойчивой израильской идентичности среди выходцев из Франции составляла более 65%. В среднем по всему сообществу франкоязычных репатриантов 2000-х гг. доля носителей такой идентичности достигала почти трех четвертей опрошенных.

¹ Одна из получивших широкую известность инициатив имела место в 1980-х гг.. Среди целей участников проекта было противодействие переизбранию президента В. Жискард-д'Эстена, известного проарабскими симпатиями [Eytan, 2017].

Наиболее высокой – почти 89% – доля обладателей такого самосознания была среди членов подгруппы, стаж пребывания которых в Израиле составлял на момент опроса от 5 до 10 лет, т. е. репатриировавшихся в 2009–2013 гг. Объяснением этого явления может служить следующее: согласно информации МАИИ, более 70% репатриантов из Франции первой половины второго десятилетия XXI в. – жители Парижа. По данным упомянутого выше исследования ИПЕН 2013 г., ориентированный на Израиль компонент еврейской идентичности в наибольшей мере присутствует в среде столичного сегмента евреев Франции, члены которого уже тогда, за два-три года до масштабной вспышки антисемитского насилия, чувствовали себя менее защищенными, чем евреи провинциальных городов. Последние, будучи гомогенно сконцентрированы в определенных районах, меньше парижан ощущали давление враждебной нееврейской среды и, напротив, нередко сообщали о наличии коллективной солидарности представителей различных этнических и религиозных меньшинств [Garson, Zeytun, 2013]. Более комфортная ситуация снижала мотивацию к репатриации в Израиль, в силу чего алия тех лет – продукт позитивной селекции идеологических сионистов.

Мотивы алии и модели интеграции

Во франкоязычной общине Израиля заметно достаточно глубокое размежевание между прибывшими в страну в 70–90-х гг. XX в. и репатриантами последних двух десятилетий. Ядро первой подгруппы составляли идеологически мотивированные, сравнительно молодые и в массе своей религиозные люди, которые достаточно быстро интегрировались в израильское общество. Закончив университеты, отслужив в армии и решив проблемы с трудоустройством, эти люди компактно расселились в таких городах, как Хайфа, Иерусалим, Раанана, Нетания. В этой подгруппе присутствовали люди почтенного возраста, которые привезли в Израиль накопленное имущество и не испытывали необходимости в решении карьерных и бытовых проблем. Представители подгруппы хорошо владеют ивритом и понимают ситуацию в стране. Французский язык является частью семейного культурного фона. Их языковые ориентации можно определить как иврито-французское двуязычие [Amit, Bar-Lev, 2015].

Вторая подгруппа – это репатрианты 2000-х гг., чья численность, по состоянию на конец 2018 г. – год завершения пиковых значений репатриации из Франции 2010-х гг., составила более 53 тыс. (еще более 6 тыс. чел. прибыли до конца апреля 2023 г.), почти вдвое превысила общую алию из франкоязычных стран в прошлом веке с момента создания Израиля и более чем втрое – число прибывших оттуда в 1990-е гг. Их отличие от «французов» прежних десятилетий состоит в том, что ядро образовано не столько одиночками, пожилыми парами и группами идеологической молодежи, сколько семьями. В их решении перебраться в Израиль роль выталкивающих факторов была заметно выше, чем в предыдущем десятилетии. Среди них – рост антисемитизма во Франции, масштабы которого, по некоторым мнениям, поставили под сомнение «само существование еврейских общин во Франции», а также кризис французской гражданской идентичности и, как следствие, поиск

смысла жизни и тенденция возвращения к корням¹. Примерно равные доли репатриантов из Франции первых двух десятилетий XXI в., принявших участие в исследовании МАИИ 2018, среди главных причин переезда в Израиль назвали, с одной стороны, антисемитизм (28,6%) и отсутствие личной безопасности (8,5%), с другой – желание «жить евреем в еврейской стране» (31,2%) и строить семью и растить там детей (4,1%). Выталкивающие факторы респонденты, которые на момент опроса находились в стране менее 5 лет, называли в полтора раза чаще, чем те, чей стаж в Израиле составлял более 10 лет, и вдвое чаще, чем те, кто к тому времени жил в Израиле от 5 до 10 лет.

В отличие от французской иммиграции прежних лет, интеграция репатриантов 2000-х гг. идет с большим трудом. Доминирующие виды деятельности среди них – свободные профессии (адвокатура, медицина, журналистика, образование, наука) и бизнес. Характерные для российских и американских евреев хай-тек и инженерные профессии среди франкофонов распространены в очень малой степени, что приводит к сложностям в профессиональной адаптации последних в Израиле. О социально-экономических последствиях интеграции можно судить по данным опроса, проведенного в 2012 г. институтом исследования общественного мнения в Израиле (*Public Opinion Research in Israel, PORI*) по заказу министерства абсорбции Израиля. Из общего числа франкофонов, принявших участие в опросе, в сумме менее трети сообщили, что их экономическое положение, по сравнению с ситуацией в стране исхода, улучшилось [*PORI, 2012*]. Чуть более 40% утверждали, что оно не изменилось, и четверть респондентов пожаловались, что их экономическая ситуация хуже, чем была во Франции. Исследование МАИИ 2018 показало схожую картину.

Показательно, что многие из представителей этой группы, перевезя свои семьи и обезопасив их от антисемитизма, продолжают работать во Франции и других странах Евросоюза и проводят в Израиле только выходные дни. Соответственно, основная масса остается во франкоязычной культурно-языковой среде.

Признаком использования французского языка для общения во всех поколениях семей выходцев из Франции 2000-х гг. стал ренессанс франкоязычных электронных и печатных СМИ в Израиле и доминирование в телевизионных пристрастиях этой подгруппы французских каналов. Среди них выделяются такие издания, как еженедельник «Петит-Эбдо» (*Petit-Hebdo*) выраженной религиозно-сионистской идеологической ориентации, информационно-культурное издание «Фюте» (*Futé*), франкоязычные версии общенациональной газеты «Джерусалем пост» (*Jerusalem Post*) и ашкеназской ультраортодоксальной газеты «Ха-Модия» («Вестник»), а также существует большое количество местных изданий и интернет-сайтов на французском языке общественной, культурологической, политической и религиозной направленности. Что касается телевидения, то, помимо принимаемых в Израиле французских каналов, имеется также израильская телестанция «Ай24Ньюс» (*I24News*), вещающая из Яффо на французском, английском, арабском языках и иврите.

¹ Gurfinkiel M. The Jewish Exodus from France. *The Algemeiner*. 09.02.2014. URL: <https://www.algemeiner.com/2014/02/09/the-jewish-exodus-from-france%E2%80%8E/> (дата обращения: 24.05.2023).

Организационная инфраструктура франкоязычной общины Израиля дополняется широкой сетью из 80 французских синагог, как правило, религиозно-сионистского или умеренно-ультраортодоксального направлений, возникшими в последние годы в Тель-Авиве, Ашдоде и Нетании школами и классами с французским культурным наполнением, а также клубами, различными неформальными объединениями и другими структурами, к которым тяготеют сообщества франкофонов. Функционирует несколько общественных объединений, деятельность которых ориентирована преимущественно на выходцев из Франции, Бельгии и Канады, такие как Израильское представительство Федерации еврейских общин Франции (ФЕОФ), ассоциация поддержки репатриации из франкоязычных стран «Алия за лучшую интеграцию» («АМИ»), объединение «Алейну» («Своими силами») и сообщество, сформировавшееся вокруг газеты *Petit-Hebdo*.

Основными центрами институтов и иных общинных инициатив стали города, интегрировавшие наиболее высокую долю израильских франкоязычных. Две трети репатриантов расселились в пяти городах: чуть более 21% – в Нетании, почти 20% – в Иерусалиме, чуть более 11 и 10% – в Тель-Авиве-Яффо и Ашдоде соответственно и 5,6% – в Раанане. Имеются некоторые различия по годам приезда: среди репатриантов 1990-х гг. наиболее популярным местом стал Иерусалим, где поселилась почти четверть подгруппы. Там также расселились более пятой части репатриантов 2002–2012 гг. Примерно такая же доля второй подгруппы остановились в Нетании. Этот город, неформально именуемый «израильским Парижем», принял почти треть репатриантов 2013–2018 гг. Еще более 17% этой подкатегории стали жителями Тель-Авива-Яффо.

Неотъемлемый элемент «французского Израиля» – колл-центры, экспортные компании и прочие бизнес-структуры, расположенные в стране, но ориентированные на французский рынок. Комбинированное исследование, проведенное в середине 2010-х гг. К. Амит и Ш. Бар-Лев среди выходцев из Франции в Израиле, занятых в таких франкоязычных компаниях, показало, что они этнически, социально и культурно более отделены от местной социокультурной среды, включая менее активное использование ивритом как языком профессионального и бытового общения, чем репатрианты из Франции, которые трудятся в иных местах [Amit, Bar-Lev, 2016]. Тем не менее исследователи не отметили значимых различий между указанными двумя категориями в отношении их израильской гражданской идентичности и чувства принадлежности к израильскому обществу. Подавляющее большинство респондентов называют Израиль своим домом и не планируют эмигрировать. Одновременно такая модель присутствия выходцев из Франции на рынке труда выступает фактором укрепления транснациональной идентичности, являющейся комбинацией их самоощущения как франкофонов, евреев и израильтян [Amit, Bar-Lev, 2016].

Франкофоны и политический процесс в Израиле

Политической институционализации общины выходцев из Франции и/или франкоязычных стран в Израиле в полной мере не произошло. Существует группа общественных деятелей, таких как главные редакторы газет *Petit-Hebdo* Авраам

Азулай и франкоязычной версии «Ха-Модия» Даниэль Хайек, глава франкоязычной ультрортодоксальной общины Хайфы Йосеф Ситрук, владелец *I24News* Франк Дери, главы крупнейших общественных организаций Ив-Шарль Верди (ФЕОФ) и Ави Зано («АМИ»), первый открыто франкоязычный депутат Кнессета Йонатан Шетбон и некоторые другие. В отличие от русскоязычной, американской или эфиопской общины, единого «адреса» для обращений к франко-израильянам пока нет. Община до недавнего времени не существовала как самостоятельная политическая сила, но в Ликуде, ШАС и в движениях религиозных сионистов присутствуют достаточно сплоченные и влиятельные франкоязычные фракции, а в других партиях имеются координаторы по «французской улице». Однако до недавнего времени политическая активность «французов» в Израиле была в целом невелика.

Ситуация стала меняться с накоплением критической массы мотивированных общинных деятелей, осознавших, что участие в политической деятельности является оптимальным путем решения секторальных проблем. В 2010 г. в местах высокой концентрации выходцев из Франции, Бельгии и других франкоязычных регионов прошла серия политических мероприятий, организованная группами активистов. Среди последних выделялся Йонатан Шетбон, в результате получивший место в парламентском списке партии МАФДАЛ/«Еврейский дом». На выборах 2013 г. эта партия оторвала немало голосов от правящего Ликуда, в т. ч. выходцев из упомянутых стран. В последние годы на политическом небосклоне также появилось несколько заметных франкоязычных политиков, например, в правящей на момент написания статьи партии Ликуд, в которой Д. Иллуз, выходец из Квебека с алжирскими корнями, в 2022 г. получил место, зарезервированное для новых репатриантов, или в партии «Ямина». В небольшой фракции партии «Ямина» в предыдущем 24-м созыве Кнессета присутствовал Йомтов Калфон, репатрировавшийся из Франции в 2004 г. Накануне выборов в Кнессет 25-го созыва он попытался создать собственный список, рассчитывая на голоса франкоязычных израильян.

Эта тенденция имеет продолжение на муниципальном уровне. В середине 2010-х гг. ряд влиятельных мэров городов, такие как мэр Иерусалима Нир Баркат, мэр Нетании Мирьям Файнберг, учитывая растущую политическую активность франкофонов, собирались предложить последним места в избирательных списках. В последующие годы наблюдатели всерьез стали оценивать шансы самостоятельных списков франкофонов, требующих справедливого представительства для выходцев из Франции, сначала на муниципальном поле (в Нетании и Ашдоде), а в дальнейшем (вероятно, в блоке с иными социокультурными меньшинствами) на выборах в Кнессет¹.

Следующий момент политической мобилизации израильских франкофонов – выборы 2013 г. в Национальное собрание (парламент) Франции от восточно-средиземноморского округа, куда входят граждане Франции, проживающие в Израиле, Италии, Греции, Турции, Мальте и на Кипре. По мнению сотрудников отдела по

¹ Kleyn Ts. HaMandat haTsarfati: gal haAliya shel haAsor haAkharon mistaer al haBkhirot haMekumiyot. *Makor Rishon*. 31.01.2018. URL: <https://www.makorishon.co.il/news/15569/> (дата обращения: 27.05.2023),

работе с репатриантами из Франции и активистов сообщества, с которыми беседовал один из авторов (Иерусалим, июль 2018), эти выборы, на которых победил израильтянин Меир Хабиб (дважды переизбранный на этот пост в 2017 и 2022 гг.), серьезно укрепили коллективную идентичность франкоязычных израильтян.

Израильский истеблишмент рассматривает французских евреев как сообщество, придерживающееся консервативных политических взглядов, а алию из Франции – как ресурс для правоконсервативной израильской политики. В среде французских евреев, опасаящихся, что их голос может быть использован враждебными еврейскому государству группами, только несколько либеральных фигур критикуют политику действующего правительства Б. Нетаньяху. Это отличает франкофонное еврейство от общин многих других стран диаспоры, негативно оценивающих квази-авторитарные, как они считают, тенденции в политике лидеров правящего блока партии Ликуд, ультраортодоксов и радикальных националистов и их курса на ограничение независимости судебных органов¹.

В этой связи демарш действующего министра алии и интеграции Израиля от праворадикального блока «Религиозный сионизм» О. Софера, который вскоре после назначения заявил, что видит свою миссию в стимулировании алии из западных стран, прежде всего из Франции и англоязычных государств², не вызвал удивления. На практике это может означать сокращение ресурсов на стимулирование репатриации из стран бывшего СССР (составившей почти три четверти алии в Израиль после 1989 г. и более двух третей алии последнего десятилетия). Если оставить в стороне моральный аспект вопроса и возможное негативное влияние на экономику страны, в сугубо политическом плане это может выглядеть логичным для лидеров правящей коалиции, т. к. на двух последних раундах выборов в Кнессет (в 2021 и 2022 гг.) умеренно-правоориентированные «русские» евреи поддержали в основном партии, противостоящие блоку Ликуда, ультраортодоксов и радикальных националистов.

Община выходцев из Франции имеет немалый внешнеполитический потенциал. Израиль и Франция могут рассматривать эту группу как ресурс для двусторонних отношений. Примерами служат, с одной стороны, деятельность ряда депутатов Кнессета французского происхождения, призывы премьер-министров А. Шарона и Б. Нетаньяху к массовой репатриации французских евреев на фоне волны антисемитского насилия³, с другой – публичные заявления президента Франции Э. Мак-

¹ Bacqué R. The difficult awakening for French Jews as Israel drifts toward ultra-nationalism. *Le Monde*. 01.04.2023. URL: https://www.lemonde.fr/en/france/article/2023/03/30/the-difficult-awakening-of-french-jews-as-israel-drifts-toward-ultra-nationalism_6021159_7.html (дата обращения: 24.05.2023).

² Министр алии Офир Софер намерен поощрять репатриацию из США и Франции, а не из стран бывшего СССР. *News.Ru.co.il*. 05.02.2023. URL: https://www.newsru.co.il/israel/5feb2023/sofer_503.html (дата обращения: 25.05.2023).

³ Benn A. Sharon Repeats Call for French Jews to Immigrate to Israel. *Haaretz*. 29.07.2005. URL: <https://www.haaretz.com/2005-07-29/ty-article/sharon-repeats-call-for-french-jews-to-immigrate-to-israel/0000017f-e2a0-df7c-a5ff-e2fad4250000?> (дата обращения: 24.05.2023); Сова Е. Израиль призвал французских евреев репатрироваться. *BBC News*. 12.01.2015.

рона о том, что он считает «французских израильтян» «послами Франции»¹. Вместе с тем около одной трети французских репатриантов последних лет вернулись в страну исхода, приобретя (и сохранив) израильское гражданство [Eytan, 2017]². В этой связи отношение указанного сообщества к израильской внутривнутриполитической динамике и двусторонним франко-израильским связям – существенный фактором, требующий всестороннего анализа.

Выводы

Французская алия последних десятилетий качественно отличается от предыдущих поколений репатриантов, т. к. вызвана в основном выталкивающими факторами, включая рост антисемитизма, и испытывает определенные трудности в интеграции, прежде всего экономические. Репатрианты из Франции сохраняют связь с Израилем и страной исхода, осознавая себя частью франкофонного пространства. Идентичность поддерживается за счет сети медиа, школ и специальных классов с французским уклоном, НКО и синагогальных общин, а также ТНК и компаний, зарегистрированных в Израиле, но ориентированных на французский рынок. После 2010 г., с притоком новых репатриантов и накоплением критической массы потенциальных лидеров общественного мнения, наблюдается политическая мобилизация франкофонной среды на уровне представительства *царфатим* в списках партий истеблишмента на общенациональных выборах, а также на муниципальном уровне. Создание отдельного французского списка уже не представляется нежизнеспособной идеей. Репатрианты из Франции в силу специфики своих политических ориентаций рассматриваются как политический ресурс для право-консервативного лагеря, который проявляет заинтересованность в стимулировании их дальнейшей репатриации, в т. ч. за счет постсоветской алии, не оправдавшей политических надежд правых.

Сообщества граждан одного государства, проживающих в другом, традиционно рассматриваются обеими затронутыми странами как ресурс двусторонних отношений и лоббистской деятельности. Классические примеры – ирландцы, итальянцы и кубинцы в США [DeWind, Segura, 2014]. Израильская ситуация добавляет к ресурсной парадигме новые измерения: речь идет не столько о французских экспатах, сколько о евреях-израильтянах, для которых интересы Израиля имеют не меньшее значение, чем интересы страны исхода. Вышеизложенное подтверждает, что сообщество репатриантов из Франции слабо подходит под определение «этническое гетто». Как и в случае русскоязычных репатриантов из бывшего СССР [Khanin, 2022], мы скорее можем говорить об общинно-культурном меньшинстве франко-

URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/01/150111_israel_france (дата обращения: 27.05.2023).

¹ Bar N. Makron leezrakhei Tsarfat bIsrael: “Atem haShogrerim shelanu”. *Israel HaYom*. 23.01.2020. URL: <https://www.israelhayom.co.il/article/727063> (дата обращения: 24.05.2023).

² Формально реэмигрировали во Францию или в третьи страны, по состоянию на 2021 г., менее 10% французских евреев-израильтян, но многие живут на две страны, потому не попадают в официальную статистику реэмиграции

фонов, сложившемся внутри израильского еврейского коллектива, одновременно интегрированном в местное общество и отделенном от него. Такая ситуация характерна не только для «французов». Выводы статьи с учетом поправок могут быть экстраполированы на другие государства Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Лейпхарт А. (1997) *Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование*. Аспект Пресс, Москва, 287 с.
- Носов М.Г. (2015) ЕС – регион Большого Среднего Востока. *Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность*. Отв. ред. Ал.А. Громыко, М.Г. Носов. Весь мир, Москва. С. 345–366.
- Amit K., Bar-Lev S. (2015) Immigrants' Sense of Belonging to the Host Country: The Role of Life Satisfaction, Language Proficiency, and Religious Motives. *Social Indicators Research*. No. 124. P. 947–961. DOI: 10.1007/s11205-014-0823-3
- Amit K., Bar-Lev S. (2016) The Formation of Transnational Identity among French Immigrants Employed in French-Speaking Companies in Israel. *International Migration*. Vol. 54. No. 3. P. 110–124. DOI: 10.1111/imig.12239
- Arian A. (1997) *The Second Republic: Politics in Israel*. Chatham House Pub, London, UK. 432 p.
- Aronoff M., Kubik J. (2012) *Anthropology and Political Science: A Convergent Approach*. Berghahn, New York, USA. 368 p.
- DellaPergola S., Staetsky D. (2022) *What is Judaism: Are Europe's Jews a religious or an ancestry group?* Institute for Jewish Policy Research, London, UK. 13 p.
- DeWind, J., Segura, R. (ed.) (2014) *Diaspora Lobbies and the US Government: Convergence and Divergence in Making Foreign Policy*. NYU Press, New York, USA. 320 p.
- Elazar D., Cohen S. (1985) *The Jewish Polity: Jewish Political Organization from Biblical Times to the Present*. Indiana University Press, Bloomington, USA. 303 p.
- Eytan F. (2017) The Complexity of the Relations between European Jewry and Israel. *Jewish Political Studies Review*. Vol. 28. No. ¾. P. 30–37.
- Garson N., Zeytun A. (2013) *Mekhhkar al yehudey Tsarfati*. Jewish People Policy Institute, Jerusalem, Israel. 40 p.
- Khanin V. (2022) *From Russia to Israel – And Back? Contemporary Transnational Russian Israeli Diaspora*. De Gruyter Oldenbourg, Berlin, Germany; Boston, USA. 327 p.
- Lachkar B. (2021) Marokai, tunisai vealzhirai: beyn Tsarfati leIsrael. *HaShiloakh*. No. 24. P. 109–131.
- Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction. *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. Ed. by S.M. Lipset, S. Rokkan. Free Press, New York, USA. P. 1–64.
- MOAI (2018) *HaAliya leIsrael vehahishtalvut baarets shel olim miartsot dovrot rusit, tsarfati, anglit vesfardit*. Ministry of Aliya and Integration, Jerusalem, Israel. 27 p.
- PORI (2012) *Dfusey ha-klita shel olim: dovrei rusit, tsarfati, sfaradit ve-anglit*. Public Opinion Research in Israel, Jerusalem, Israel. 132 p.
- Risse T. (2011) *A Community of Europeans?: Transnational Identities and Public Spheres*. Cornell University Press, Ithaca, USA. 304 p.
- Yanow D. (1998) From what *Edah* are you? Israeli and American meanings of “race- ethnicity” in social policy practices. *Israel Affairs*. Vol. 5. No. 2–3. P. 183–199. DOI: 10.1080/13537129908719518

French-Speaking Jewish Community in Contemporary Israel: Sociological and Political Profile

V. (Ze'ev) Khanin*

Ph.D., Professor

*Department of Political Studies and Begin-Sadat Center for Strategic Studies,
Bar-Ilan University, Ramat Gan, Israel, 5290002*

***E-mail:** zeevkh@yahoo.com

P.V. Oskolkov**

Candidate of Sciences (Politics)

*Department of European Integration Studies
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009*

****E-mail:** elsztejn@yahoo.com

Abstract. The article examines the sociological, demographic, and political characteristics of a French-speaking repatriate community in Israel. The community is an important factor in both Israeli and French internal politics and the bilateral relations between Israel and European countries. The authors conclude that multiple identities are preserved, consisting of French-speaking, Jewish, and Israeli elements, and underline the quantitative and qualitative difference between the 2010s wave of repatriation and the previous waves. The difference is tainted by the reasons that pushed the French Jews to their historic homeland and by the difficulties of economic integration. A well-developed infrastructural network is created that buttresses the identitarian multiplicity. There are also indicators that the identity infrastructure might be complemented by the organized political representation that is now realized through the positions reserved non-officially in the national party lists. Because of its predominantly right-wing conservative political orientation, the French Jewish community is considered an electoral resource for the incumbent coalition of right-wing conservative, nationalist, and ultraorthodox parties, and the need for further stimulation of the French aliya is now voiced.

Key words: diaspora, cleavages, social structure, minority, integration, immigration, repatriation

DOI: 10.31857/S0201708323040046

EDN: bwdgdd

REFERENCES

- Amit K., Bar-Lev S. (2015) Immigrants' Sense of Belonging to the Host Country: The Role of Life Satisfaction, Language Proficiency, and Religious Motives, *Social Indicators Research*, 124, pp. 947–961. DOI: 10.1007/s11205-014-0823-3
- Amit K., Bar-Lev S. (2016) The Formation of Transnational Identity among French Immigrants Employed in French-Speaking Companies in Israel, *International Migration*, 54(3), pp. 110–124. DOI: 10.1111/imig.12239

- Arian A. (1997) *The Second Republic: Politics in Israel*, Chatham House Pub, London, UK.
- Aronoff M., Kubik J. (2012) *Anthropology and Political Science: A Convergent Approach*. Berghahn, New York, USA.
- DellaPergola S., Staetsky D. (2022) *What is Judaism: Are Europe's Jews a religious or an ancestry group?* Institute for Jewish Policy Research, London, UK.
- DeWind, J., Segura, R. (ed.) (2014) *Diaspora Lobbies and the US Government: Convergence and Divergence in Making Foreign Policy*. NYU Press, New York, USA.
- Elazar D., Cohen S. (1985) *The Jewish Polity: Jewish Political Organization from Biblical Times to the Present*. Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Eytan F. (2017) The Complexity of the Relations between European Jewry and Israel, *Jewish Political Studies Review*, 28(3/4), pp. 30–37.
- Garson N., Zeytun A. (2013) *Mekhar al yehudey Tsarfat*, Jewish People Policy Institute, Jerusalem, Israel. (In Hebrew).
- PORI (2012) *Dfusey ha-klita shel olim: dovrei rusit, tsarfait, sfarait ve-anglit*. Public Opinion Research in Israel, Jerusalem, Israel. (In Hebrew).
- MOAI (2018) *HaAliya leIsrael vehahishtalvut baaret shel olim miartsot dovrei rusit, tsarfait, anglit vesfarait*, Ministry of Aliya and Integration, Jerusalem, Israel. (In Hebrew).
- Khanin V. (2022) *From Russia to Israel – And Back? Contemporary Transnational Russian Israeli Diaspora*, De Gruyter Oldenbourg, Berlin, Germany; Boston, USA.
- Lachkar B. (2021) Marokai, tunisai vealzhirai: beyn Tsarfat leIsrael. *HaShiloakh*, 24, pp. 109–131. (In Hebrew).
- Lijphart A. (1997) *Demokratija v mnogostavnyh obshchestvax: sravnitel'noe issledovanie [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration]*, Aspekt Press, Moscow, Russia. (In Russian).
- Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction, in Lipset S.M., Rokkan S. (ed.) *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*, Free Press, New York, USA, pp. 1–64.
- Nosov M.G. (2015) ES – region Bol'shogo Srednego Vostoka [The EU and the Greater Middle East], in Gromyko A.I., Nosov M.G. (ed.) *Evropejskij sojuz v poiske global'noj roli: politika, jekonomika, bezopasnost'*, Ves' mir, Moscow, Russia, pp. 345–366. (In Russian).
- Risse T. (2011) *A Community of Europeans?: Transnational Identities and Public Spheres*. Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Yanow D. (1998) From what *Edah* are you? Israeli and American meanings of “race-ethnicity” in social policy practices, *Israel Affairs*, 5(2–3), pp. 183–199. DOI: 10.1080/13537129908719518

УДК 327

THE FRENCH NUCLEAR CHALLENGE TO THE EU GREEN ENERGY GOVERNANCE

© 2023 г. Dr Andrey Baykov*

Associate Professor of International Affairs, MGIMO University

**E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru*

© 2023 г. Dr Anne Crowley-Vigneau**

*Associate Professor of International Affairs, MGIMO University; Country Representative
of the Centre for Euro-Asian Studies, Henley Business School (UK)*

***E-mail: acrowleyvigneau@yahoo.fr*

© 2023 г. Prof. Yelena Kalyuzhnova***

*Head, Leadership, Organisations and Behaviour Department,
University of Reading*

****E-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru*

Поступила в редакцию 12.03.2023

После доработки 27.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Abstract. This paper explores the role of nuclear power in substituting fossil fuels and contributing to the net zero. It considers to what extent the French position on nuclear energy is viable within the framework of EU green energy governance. The analysis of EU legal attempts to develop a common strategy for member countries and the case study of France reveal the controversial nature of nuclear energy. The authors argue that the EU could work towards easing off nuclear energy and could successfully overcome the pro-nuclear views of countries which currently depend on it for electricity production. The limited climate benefits of nuclear energy, when the whole life-cycle of nuclear reactors is considered, and the unease of the population with nuclear energy, even in countries that depend on it, chart a probable new course for a renewable energy mix in the EU. This phasing-out of nuclear energy is likely to be progressive so as to avoid lost investments in developing the technology and will hinge on how rapidly renewables reach their technological maturity.

Key words: nuclear energy, EU Green Deal, climate change, path reversal, France

DOI: 10.31857/S0201708323040058

EDN: bwdtyx

Acknowledgements

Thank you to the anonymous reviewers and editors for their exceptional comments which have helped to significantly improve this manuscript.

Introduction

Climate change awareness and attempts to mitigate its effects figure high on the global policy agenda. The Paris Agreement set states on the path to contain the increase in global temperatures and members of the European Union took on the ambitious target of carbon neutrality by 2050 [Heim et al., 2022]. The decarbonisation goal is not especially controversial; however the way to reach it has been the object of many discussions with countries opting for very different paths. Since WW2 the place of nuclear power generation has been contentious and gone through phases of acceptance and rejection. Nuclear power appears to be a promising solution to produce electricity with a minimal carbon footprint as the actual production process is carbon-neutral. However, nuclear programs are not associated with a reduction of emissions in countries that implement them, mainly because nuclear plants are used to meet new energy demands rather than to phase out fossil fuels [Sovacool et al., 2020].

Public opinion often plays a significant role in determining governmental choices regarding energy [Toganova, 2016] and the decision to go nuclear depends on historical, geographical and timing factors. While nuclear energy is not considered by most scientists to be a permanent solution, due to limitations in uranium resources, its role as a transitional solution in helping to achieve the net zero in the required timeframe has officially been recognised by the European Union. Evidence suggests that the ‘race against the clock’ of climate change requires the use of intermediary solutions such as hydrogen and nuclear power until renewables have reached their full capacity and become a mature technology. However, attempts to expand nuclear power are thwarted by a strong anti-nuclear movement that associates nuclear facilities with nuclear weapons and builds up on the negative perception of a small number of nuclear disasters to create a powerful backlash against policymakers attempting to launch new nuclear programs or rekindle dormant ones. The question of radioactive waste resulting from nuclear energy production and the threat of weaponization of civilian facilities are other difficulties faced by the nuclear industry.

This paper explores the role of nuclear power in substituting fossil fuels and contributing to the net zero. It investigates to what extent the French position on nuclear energy is viable in the framework of EU green energy governance. The analysis of EU legal attempts to develop a common strategy for member countries and the case study of France bring out the truly controversial nature of nuclear energy. The authors make the case that the EU could work towards easing off nuclear energy and could successfully overcome the pro-nuclear views of countries which currently depend on it for electricity production. The limited climate benefits of nuclear energy, when the whole life-cycle of nuclear reactors is considered, and the unease of the population with nu-

clear energy, even in countries that depend on it, spell out a probable new course for a renewable energy mix in the EU. This phasing-out of nuclear energy is likely to be progressive and incremental so as to avoid lost investments in developing the technology and will depend on how quickly renewables reach their technological maturity.

We will first consider the European Green Deal and the ambition to create an energy union, then the possible relationship between producing nuclear energy and climate change mitigation will be analyzed. A detailed review of the development nuclear energy in Europe will be followed by a specific case study of the French nuclear power industry. The case of France is used to gauge the prospects for the acceptance or rejection of nuclear energy in the European Union in the short, medium and long term.

The EU Green Deal and Energy Union Strategy

Recent policy measures in the EU focus on creating an energy union which would ensure a stable and clean supply of energy to all EU citizens and businesses. The Energy Union Strategy was launched in 2015 and is based on five pillars: the first is security, solidarity and trust, the second a fully integrated internal energy market, the third energy efficiency, the fourth climate action and decarbonising the economy and the fifth research, innovation and competitiveness (COM/2015/080). The EU underlines its leadership role in showing the way to the energy transition to renewables and the essential role played by research and development in ensuring renewables become competitive and reliable. The efficiency pole emphasizes the need for rational consumption and the idea of solidarity encourages countries to eradicate energy poverty among citizens from underprivileged backgrounds. The idea of a fully integrated internal energy market is highly ambitious and requires the removal of regulatory barriers in order to ensure that there is an optimal energy consumption through transnational grids.

A number of initiatives were adopted within the framework of the energy union, including the 'Regulation on the governance of the energy union and climate action' in 2018. It sets forth an action plan for cooperation to meet 2030 decarbonisation goals arising from the EU's Paris Agreement commitments and comprises measures to unify reporting on emissions and reduce administrative burdens. A system of national energy and climate plans, each lasting ten years, has been implemented since 2021 ((EU)2018/1999). The idea of creating a single electricity market is, however, challenged by the fact that some member countries provide subsidies to power plants ('capacity mechanisms') to ensure stable electricity supply (France, Spain, Greece, Portugal...), while others do not. These payments can interfere with market mechanisms as those producers who have to rely only on their earnings will suffer from the unfair competition of those who receive subsidies [Capacity Mechanisms, 2023]. The goal of the energy union is to overcome in the medium term these energy distortions and have all companies generating electricity competing in price and in sustainability over the breadth of the EU market. The green transition is also dependent on all subsidies for fossil fuel-based energy generation being cut out.

The European Green Deal of 2019 is a growth strategy of the European Commission which was approved in 2020 by the European Parliament and which makes a

pledge for climate neutrality by 2050. The initiative is wide in scope and seeks to intertwine measures related to the important aspects of EU policy including biodiversity, pollution, sustainable agriculture and industry [Bongardt & Torres, 2022]. The target of a 55% reduction of greenhouse gas emissions against the baseline of 1990 levels became compulsory to all member states under EU law with the European Climate Law in 2021. It includes mechanisms to monitor progress and take further action when intermediary targets are not met. The ‘fit for 55’ package of 2021 presents draft legislation designed to align member states policies on matters related to climate, transport and energy [European Council, 2023]. Its goal is to ensure state readiness to meet the carbon neutrality commitments and promote coherence in the strategies of different states. In 2022 two directives on renewable energy and efficiency increased the targets for the share of renewables in the energy mix and for the reduction in energy consumption. The 2022 REPowerEU plan was designed to help member countries overcome shortages resulting from the crisis in Ukraine and meet their targets by further developing renewables and increasing imports of LNG and designing new energy-saving measures [European Commission, 2022]. The plan has a budget of 210 billion euros for the period 2022–2027 [European Commission, 2022].

The EU’s capacity to create a common energy market and overcome national barriers is highly dependent on countries adopting a similar energy mix. The question of nuclear energy, embraced by some and rejected by others, significantly complicates the creation of a single market.

Nuclear energy and climate change

Although there is widespread agreement among countries of the European Union on the need to decarbonise, the ways to attain this goal are as yet unclear. Studies have also shown that there is a significant degree of inequality between EU countries in their ability to pursue environmental policy [Telyuk et al., 2022]. While common targets have been adopted, there is no unified strategy on how to achieve them and member states retain a significant amount of leverage and lee-way in the choice of path to reduce CO₂ emissions. One of the major controversies concerns the role of nuclear in the production of energy and its environmental footprint, with scientists and academics taking contradictory positions on the issue [Muellner et al., 2021]. In the early 2000s nuclear energy was considered by the EU to be a potential solution to climate change allowing for the production of carbon free energy and replacing coal-fired power plants [Sailor, 2000]. Today, nuclear energy still has its advocates, who point out not only the social and environmental benefits of this low-carbon alternative to fossil fuels but also its reliability compared to renewables infrastructure which can be damaged or not meet energy needs due to bad weather conditions [Crowley-Vigneau et al., 2022]. Nevertheless, some experts express doubts about whether nuclear power actually allows economies to decarbonise and stress the risks related to nuclear power generation.

Although the development of nuclear energy is represented as a low carbon technology as nuclear power reactors do not produce CO₂ when they operate, they require uranium ore and reactor fuel which are both energy-intensive to produce. Fossil fuels

are intensively used as part of the process of building and maintaining nuclear plants [Schneider et al., 2013]. Estimations of the emissions associated with nuclear energy production are variable as they depend of the quality (grade) of the uranium extracted and the different techniques to enrich and fabricate the fuel [Saidi&Omri, 2020]. Additionally, the disposal of radioactive waste and the decommissioning of reactors weigh in on the assessment of the environmental costs of producing nuclear energy, together with the risk of accidents and their potential weaponization. Although new reactors are designed with additional safety features that according to some estimates diminish the risk of a nuclear catastrophe by ten, most upcoming nuclear generating capacity in government plans rests upon prolonging the use of existing plants, usually created in the 1960s to 1990s [Muelnner et al., 2021].

Opening new plants has become increasingly controversial in some parts of Europe, especially after several large-scale nuclear accidents: the Three Mile Island (1979), Chernobyl (1986) and the Fukushima events (2011) serve as cases in point [Oe et al., 2021]. Studies on the clear-up process after these disasters illuminating the cost and difficulties linked to decommissioning the reactors and carrying out the clean-up on land, including disposing of large quantities of contaminated water into the sea [Buesseler, 2020]. Despite their low-probability, these accidents can have a strong impact on perceptions as radiation is associated with significantly heightened cancer risks and plant operators are suspected of a lack of transparency in communicating the real level of risk to the general public.

Preliminary studies on the impact of developing large-scale nuclear programs suggest that they are not associated with a reduction of CO₂ emissions [Sovacool et al., 2020] pointing to the fact that countries frequently use the electricity produced through nuclear means to meet an increase in energy demand rather than to phase out dirtier forms of energy, namely fossil fuels.

Nuclear programs pursued specifically by developed countries to replace other dirtier energy sources could, however, lead to saving CO₂ emissions and mitigating climate change. Were EU countries to replace all coal, oil and gas electricity production by nuclear, in a rapid expansion prediction scenario, decarbonisation targets could be met in accordance with EU objectives according to some assessments [Muelnner et al., 2021]. This hypothetical scenario may not be possible, however, as the demand for uranium is already higher than its supply on the world market [World Nuclear Association, 2022]. Also putting a strong focus on developing nuclear energy and making the decision to open a large number of nuclear plants requires a thorough analysis of the total uranium resource stock worldwide to avoid shortages in the future.

Surveys have shown that although public opinion in Europe is divided over the further development of nuclear energy, emerging economies have embraced this solution in order to meet their growing energy needs with the support of the population. Public opinion has been identified as the most significant driver in the expansion or decline of the use of nuclear reactors to generate energy [Gupta et al., 2021]. The governments of India and China emphasize the role of nuclear plants in helping to meet their decarbonisation targets while ensuring energy security for their populations. Cheap and reliable energy has been shown to have a positive economic impact and is frequently stated as

the main reason that countries invest in civilian nuclear programs [Kim et al., 2014]. Another increasingly important factor is that nuclear endeavours provide a moderate level of energy independence. Indeed, although some primary materials to run nuclear plants need to be imported, it does not amount to the same level of reliance as the regular import of fossil fuels. Countries with large territories may find it easier to rally popular support around the incorporation of nuclear sources into the energy mix as the ‘not in my backyard’ syndrome is easier to overcome and the consequences of potential accidents are perceived as lower [Hu et al., 2020]. Levels of trust in the government also predetermine a population’s readiness to accept nuclear energy, with public attitudes in China testifying to a greater willingness to integrate it in their energy mix than in South Korea or most European countries. Recent polls have also found an increase in support for nuclear energy expansion in India which was initially assumed to oppose it [Gupta et al., 2021].

The decision to develop civilian nuclear energy depends on a trade-off between perceived risks and tangible benefits reflected by a relatively stable, independent and affordable energy supply. The decision to go ahead with nuclear energy depends on public opinion, how easily it can be moulded, the degree of commitment to decarbonization, the energy needs of the country and the nature of the existing energy mix.

Nuclear energy in Europe

Nuclear energy was initially, after WW2, perceived as presenting significant new opportunities for Europe and the world at large. During the 1950s some of the world’s first nuclear energy reactors were set in operation in the Soviet Union and Western Europe, and the 1960s witnessed an extensive expansion in nuclear energy. Yet, the industry elicited mass protests in the 1970s which resulted in stagnation and doubts about the prospects of this sector, with numerous orders for reactors being cancelled [Muller & Thurner, 2017]. The anti-nuclear movement took shape in the US and Europe with large demonstrations causing various nuclear projects to be cancelled, as was the case in West Germany over the plans to build a plant in Wyhl. The 1977 protest in Bilbao, Spain, gathered 200 thousand people and opposition increased in Europe following the Three Mile Island disaster of 1979 in the US. In 1981, 100 thousand people took to the streets to oppose the building of a power plant near Hamburg [Falk, 1982].

The problem of nuclear energy in Europe was constructed by advocacy networks and reinforced in the public psyche by building on the issue of nuclear accidents [Wang & Kim, 2018]. Framing and timing have a significant influence on determining the salience of policy issues. Objective facts on the risks associated with nuclear energy were found to have less importance than the manner in which they were framed in different countries [Crowley-Vigneau & Baykov, 2018], suggesting that ‘objective conditions as such have little explanatory power, and that similar events and conditions have led to widely diverging interpretations and levels of anti-nuclear mobilization in different countries’ [Koopmans & Duyvendak, 1995: 235]. The reactions to the Chernobyl disaster in Germany, France, the Netherlands and Switzerland were very different and this variation has been put down to the political opportunities of non-governmental organi-

zations and the historical strength of anti-nuclear movements rather than the credibility or strength of the evidential claims presented to the general public [Koopmans & Duyvendak, 1995]. After the Chernobyl disaster, 180 thousand people took to the streets in Rome to oppose the nuclear program of the Italian government (Falk 1982). Nuclear projects remained off the policy agenda until the 1990s when an increase in energy needs and the creation of a third-generation reactor led to reports of a 'nuclear renaissance' [Muller & Thurner, 2017: 3].

There were stark differences in policy choices across Europe, with some countries deciding to go down the nuclear route for the first time, others to reactive programs which were paused during the 1970s and 1980s and another category standing firm in the decision to rule out nuclear energy. In the 2000s, the EU started to recognise some of the benefits of nuclear energy, specifically the fact that it constituted the cheapest form of low carbon energy available on the European market at the time [European Council, 2007]. Although the EU issued no binding requirements to increase the use of nuclear energy, leaving member states the choice of their energy mix and how to reduce CO2 emissions, it still published a 'Nuclear Illustrative Program' making recommendations about the possible developments in this sector and presenting best practices [Nuclear Illustrative Program, 2006].

The debate on nuclear energy and its place in the EU decarbonisation strategy was reignited in the 2010s following the Fukushima accident. There was, however, no unified policy response to the incident, which in some countries such as Germany triggered a governmental decision to shut down old-generation nuclear reactors, while in others such as the UK, did not bring about a change in the policy course to step up nuclear power generation [Ming et al., 2016]. The difference in perception has been attributed to the timing of elections (closer or further away from the accident), the depth of the media coverage of the accident (the UK was more focused at the time on Libya where its troops were engaged on the battlefield), the level of popular trust in the development of renewables (Germany was a leader in developing the technology for solar and wind power generation) and a country's historical relationship to nuclear weapons (with the anti-nuclear power campaign feeding off any existing anti-nuclear weapon movements) [Wittneben, 2012].

In the aftermaths of the Fukushima incident the EU went silent on the issue of nuclear energy as countries were wrestling with public opinion and shutting down their programs. The 2011 EU Energy Roadmap of 2050, nonetheless, recognises that nuclear energy remains in the short term a significant and irreplaceable part of the bloc's energy mix. As the countries of the EU have different positions on nuclear energy, the Union does not stipulate the target share of nuclear energy as it does for renewables. It does, meanwhile, offer safety instructions and establishes a legal framework regulating training, licensing and liability [Nuclear Power, 2023].

Nuclear energy is mostly popular with new EU members, who inherited this industry from the Soviet Union but rapidly adjusted their plants to EU requirements. France is the Western EU country that has the most consistently developed the nuclear energy sector and is by far the most reliant on it. Finland and the UK opened plants in the 1970s, and after a slowdown in the 1990s, reinvigorated their investments in the 2000s

and opened new sites in the 2010s. Sweden decided to renovate and increase the production capacity of existing sites, rather than open new ones and risk attracting excessive public attention [Jensen-Eriksen, 2022]. Italy's endeavour to return to nuclear energy after abandoning it in the 1980s was rejected after the Fukushima incident and countries which have never invested in nuclear technology such as Greece and Portugal have no serious intentions of launching nuclear energy programs [Turner et al., 2017]. The Fukushima had the strongest impact on Germany and Switzerland, leading to a reversal of their policy course that had been aimed at reviving the industry.

Case Study of France and nuclear energy

The case study of France reveals to what extent a country which is highly dependent on nuclear electricity production is irreversibly engaged with developing nuclear energy. It attempts to explain French policy choices by situating them in a historical and political context. In 2021, 69% of the electricity consumed in France was produced with nuclear power. This level of dependence stems from the fact that the country has, unlike others in the European Union, held firm on the path of developing nuclear energy and not experienced any significant phases of policy reversal [Brouard&Guinaudeau, 2017]. France comes second globally only to the US in the number of nuclear plants it possesses, and its nuclear energy production staggeringly tripled between 1970 and 2020.

The reasons behind this nuclear emphasis are multiple and often misinterpreted. Indeed, the lack of natural resources or a bureaucratic decision-making process are definitely amongst contributing factors but cannot account fully for the nuclear choice [Baumgartner, 1990]. The argument that the nuclear question was not put to the public and was made behind closed doors can to some extent be dismissed as flawed as nuclear policy had been repeatedly subjected to parliamentary debate and France was a functional democratic state throughout this period [Schneider, 2009]. The notion that the French scientific community, fused around the Corps des Mines graduates, was tight-knit and pro-nuclear played a significant part in policy-making is accurate. It did not prevent some experts from vocally espousing anti-nuclear views, as in the case of the Commission for Independent Research and Information on Radioactivity which appeared after the Chernobyl accident and diffused critical views on nuclear energy [Topcu, 2006]. The claim that the French population was naturally more favourable to nuclear energy has been disproved by longitudinal studies of public opinion and the anti-nuclear movement in France was quite visible in the 1970s with demonstrations around the construction site of Creys-Malville. However, 'nuclear policy was not contested in Parliament until 1997 and anti-nuclear stances were kept outside the political institutions' [Brouard&Guinaudeau, 2017: 127] suggesting there was an understanding in the political elite among all parties that there was no credible advantageous alternative to the nuclear path.

France's nuclear policy began in 1945 with the creation of the Commission for Atomic Energy, a research institute dedicated to investigating the different civilian uses of nuclear energy and its potential for electricity generation but also to create nuclear

weapons to ensure French security. Developing civilian nuclear power became one of France's 'Grand Projects' during the reconstruction period after WW2 and the French national electricity company EDF became actively involved together with the Ministry of Industry and the Atomic Energy Commission [Andrews-Speed, 2022]. Strong state involvement and a centralised approach are typical political features of French projects historically, and the consensus on nuclear power linked to the idea of energy independence led to the rapid development and rollout of nuclear power stations.

The decision to develop a civilian nuclear program was approved by the Parliament in 1952 and the first nuclear plant opened in Marcoule in 1956. In 1958, De Gaulle's return to the presidency gave the country's nuclear path an extra boost and in 1972 the ambitious Messmer project made plans for the opening of thirteen new nuclear plants every two years [Rucht, 1994]. The 1970s were characterised in France by an increase in public opposition to nuclear plants and the overly ambitious Messmer plan was not fully carried out. Protests yielded few policy results and the absence of mainstream parties addressing the nuclear problem led to a vacuum of political representation of these citizen concerns. The only tangible outcome was the cancellation of the Plogoff nuclear plant in 1982, which did not otherwise lead to a reduction in the production of nuclear energy in France [Brouard & Guinaudeau, 2017].

The 1980s witnessed a slowing down of the nuclear development plan in France. Existing plants continued to fully function. In spite of the demonstrations and a growing opposition of public opinion, nuclear energy remained a topic which commanded the political consensus of all parties during the 1970s and 1980s. During the 1990s the question was evaded as much as possible. The right-wing party, with its Gaullists roots, and the Communist party, for historical reasons leaning towards energy independence, championed the use of nuclear energy. The left-wing Socialist party, historically affiliated to trade-unions, campaigned for greater accountability of the nuclear industry but refrained from going against its development.

The anti-nuclear movement only found representation through the new Green Party from 1997 which promised in its 2007 program to completely phase out nuclear energy by 2030. Coalitions between the Greens and the Socialist Party led to the latter adopting a forceful position in condemning nuclear energy [Lee & Gloaguen, 2015]. Hence, the true politicisation of the nuclear issue took place in the 2000s but did not immediately lead to a slow-down in the pace of the development of nuclear energy in French society. A national energy debate which began in 2003 ended in a decision to relaunch the nuclear program that was paused with the Energy Law of 2005. The increase in the political debate did, however, result in the adoption of legislation to improve governance in this sector: The 2006 'Act on Transparency and Security in the Nuclear Field' which instated checks and balances by creating a Nuclear Safety Authority responsible for independently assessing the risks relayed to the nuclear industry [Andrew-Speed, 2022]. The active phase of building of nuclear plants restarted almost immediately in 2005 and lasted until 2015 when the first French law to limit the production of nuclear power was introduced. The Fukushima accident led to a reopening of the nuclear debate with the Socialists in power. The Green Growth Law of 2015 represents the first legal limitation to the production of nuclear energy and sets targets to reduce the contribution

of both fossil fuels and nuclear sources to the country's energy mix [Dreyfus & Allemand, 2018]. The law plans for the reduction of the proportion of nuclear energy to 50% and its compensation by renewables. It does not however preclude the construction of new nuclear reactors and President Macron announced in 2021 that 14 new nuclear reactors were to be built by 2050 [Chrisafis, 2022]. The French nuclear program has yet to fully set in motion its reversal as no plans for its phase-out have thus far been adopted.

Nevertheless, the nuclear energy industry is confronted with uphill challenges in France that have prompted experts and the public to question its viability. Beyond the significant risks and problems related to nuclear accidents, radioactive waste and managing public opinion, France's nuclear power industry faces organizational and financial problems. One of the first challenges is related to the roll-out of the new European Pressurized Reactor, France's third generation reactor that it planned to widely export worldwide [Zohuri, 2020]. Although it is a best practice to first build at home new reactor models and develop projects abroad only after they have been tried and tested, Areva did not have permission to open a new nuclear power station in France due to restrictions and launched its new project instead in Olkiluoto in Finland [Andrews-Speed, 2022]. The project experienced significant organizational difficulties due to a takeover of the original vendor by AREVA and a delay of over a decade [Eash-Gates et al., 2020]. The costs associated with the project skyrocketed from the initially planned 3 billion euros to 11 billion euros [Reuters, 2022]. The new nuclear reactors are being built by the French company in the UK and China, due to early commissioning, however, few new orders have come through as EDF is subjected to bad publicity. Irregularities in quality control procedures led to the shutdown of numerous stations and to widespread concerns about a lack of transparency in the monitoring process. EDF is also looking at the financial burden of dismantling 40 to 50 of its early reactors which are reaching the end of their life-cycles [Wealer et al., 2019]. An increase in the number of low-level incidents and nuclear power outages also suggests the industry is undergoing significant challenges [World Nuclear News, 2023]. The financial stability of the French nuclear industry is further challenged by the liberalisation of the French electricity market and the appearance of competitors which led to a loss of customers for EDF [Morena & Podesta, 2022]. The financial problems of both EDF and AREVA, characterised by prominent debts, have led the government to inject funds to keep the companies afloat [Andrews-Speed, 2022].

The prospects of France's nuclear power industry are further weakened by low levels of public support. The deployment of nuclear energy in France has often been linked to favourable public opinion or at least acceptance of the necessity of nuclear power stations [Brouard & Guinaudeau, 2015]. However recent studies and polls reflect not only a decline in nuclear support across all party lines but also a general unfavourable public perception of this form of power. A study of public opinion over the years 1975 to 2015 reveals that the low mood surrounding nuclear energy is not a new phenomenon and that the French public has been against it for decades, with a report testifying to 'the absence of majority support for nuclear energy among French citizens' [Brouard & Guinaudeau, 2017: 150]. This finding reveals the limited impact of public opinion on some aspects of French policy-making.

Discussion on the future of Nuclear in French and EU energy strategy

The case-study of nuclear energy in France is representative of a new reality which starkly clashes with general understandings that the nuclear industry developed based on a rational acceptance of the risks and benefits of nuclear power. The lack of majority acceptance of nuclear power did not prevent the political class from implementing it in France and making the country a world leader in the export of nuclear technologies. However, the circumstances have been changing as the country's elite has had to face off with new political parties resolutely opposed to nuclear power and recruiting significant parts of the electorate (e.g. "France Insoumise" and the greens). Although France is firmly committed to nuclear energy, the growing public opposition may lead to a policy reversal. The financial struggles faced by the major energy players EDF and AREVA and public opposition to the bailout of these companies with public money testify to the fact that the nuclear industry is not a cheap and easy option to decarbonise the economy. Although technology traditionally gets cheaper with time, nuclear power is becoming more expensive due to increased security and safety requirements and the struggles in dealing with nuclear waste. Containment building costs doubled between 1976 and 2017 according to a study carried out by MIT [Eash-Gates et al., 2020]. The carbon footprint of a nuclear plant is significant during its construction and dismantling, and the constant need for uranium for the functioning of the reactors makes nuclear power countries dependent on foreign imports (although not to the same extent as oil and gas). The exit costs of a country with nuclear path dependence are high and France's move to renewables is likely to be slower than countries that never opened nuclear facilities (e.g. Portugal) or those that renounced earlier their nuclear ambitions (e.g. Germany).

However, there are already clear signs that France has begun backtracking on nuclear projects, and that in spite of the vocal statement of political leaders, including President Macron [see Chrisafis, 2022]. The cap adopted in 2015 on the amount of energy coming from nuclear sources has already led to a reduction in the share of French nuclear electricity, and the target to have no more than 50% of electricity from nuclear origin by 2035 remains in place in spite of the hike in global energy prices. The liberalisation of the electricity market has led to the progressive development of renewables and allowed the public to prioritise companies that are green. Consumer choice is becoming an increasingly important factor in the energy industry, with smart grids allowing for the development of energy citizenry. Another factor that may increase the push-away from nuclear energy is the widening jurisdiction of local governments over energy-related issues with the long-standing tradition of centralised government projects losing ground. The 2015 French Green Growth Law offers municipalities the opportunity to develop energy projects and makes them responsible for environmental protection. By bringing energy and environmental matters closer to the electorate and the consumer, the green agenda paves the way for the denuclearisation of the energy market. Additionally, renewables are becoming cheaper options and benefit from a wide range of national and European subsidies. The problem of where to dispose of nuclear waste

is extremely controversial: while some municipalities may accept nuclear plants close by as they foster an economic revitalization, the storage of nuclear waste is highly controversial. Projects to organize permanent storage points underground caused such outrage in France than the waste remains to this day in temporary repositories near power plants.

Although traditionally the analysis of EU energy policy reflects a split between the pro-nuclear and the anti-nuclear countries, with the former presented as spearheading a strong nuclear lobby, the reality appears far more complex, with even the European leader in nuclear power, France, slowly shying away from an expensive, unpopular and environmentally-problematic form of energy. France's desire to actively participate in the creation of a European Energy Union has led to a form of compromise, by which it has slowly undertaken to exit the nuclear path. This case suggests that countries where governance is guided by popular sentiment are likely to shift away from the nuclear option with time and that often nuclear civilian power is developed by neglecting public opinion rather than with its support. Talk of a 'nuclear renaissance' is premature and France's shift away from it may have a global and European policy impact. The parts of the world inspired by France's energy independence several decades ago may change course of action as France faces the challenge of decommissioning its first generation of nuclear plants and struggles to deal with the waste materials. In the EU, France's change of heart would deprive Eastern European pro-nuclear members of a key ally and could lead to a stronger EU stance on curbing nuclear-generated power. In the short term however, nuclear energy will preserve, alongside hydrogen and other low-carbon gases, the qualification of 'transitional energy source', particularly in view of the energy shortages currently experienced in the EU.

Conclusion

Both due to its high carbon footprint compared to renewables and its dependency on depletable resources, nuclear energy appears to be a transitional remedy rather than a permanent solution to ensure stable electricity supplies to both Europe and the world. The authors argue that the nuclear industry is experiencing major challenges, both in terms of its public acceptance and its business worthiness. The French case, frequently used to illustrate the success story of nuclear power and its capacity to provide stable and independent energy supplies, testifies to the difficulties the civilian nuclear industry is facing. The French exception in Western Europe appears to result from a democratic deficit and lack of representativeness of the ruling elite rather than acceptance from the general public of nuclear power. The business model of nuclear power is facing increased difficulties as new projects cost more than planned, and old reactors require safe dismantling. Although renewables are still an immature technology and the urgency of the climate challenge requires a rapid transition away from fossil fuels, the use of nuclear energy is unlikely to ensure the most rapid path to carbon neutrality and to help avoid the point of no return beyond which the increase in temperature globally could no longer be contained. There are indications that nuclear energy will likely be phased out in the EU in the medium term, including in France where the mechanics of policy re-

versal have begun to unfold. This happens in spite of the energy crisis experienced in 2022 in the EU: while it has forced the member-states to extend the lives of coal mines and nuclear reactors, these short-term fixes are not believed to threaten the trend of nuclear reversal.

REFERENCES

- (EU)2018/1999, (2023) Regulation on the governance of the energy union and climate action. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-strategy/energy-union_en (accessed: 28.06.2023).
- Andrews-Speed, P. (2022) The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement. *The Journal of World Energy Law & Business*, 15(2), pp. 151–166.
- Baumgartner, Frank R. (1990) 'Keeping Nuclear Power Off the Political Agenda.' *Paper presented at the Workshop on the Comparative Political Economy of Science: Scientists and the State*, Los Angeles, 12–14 Jan.
- Bongardt, A., & Torres, F. (2022) The European green deal: More than an exit strategy to the pandemic crisis, a building block of a sustainable European economic model. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 60(1), pp. 170–185.
- Brouard, S. and Guinaudeau, I. (2017) Nuclear Politics in France: High-Profile Policy and Low-Salience Politics', in Wolfgang C. Müller, and Paul W. Thurner (eds), *The Politics of Nuclear Energy in Western Europe* (Oxford, 2017; online edn, Oxford Academic, 18 May 2017), <https://doi.org/10.1093/oso/9780198747031.003.0006>
- Brouard, S., & Guinaudeau, I. (2015) Policy beyond politics? Public opinion, party politics and the French pro-nuclear energy policy. *Journal of Public Policy*, 35(1), pp. 137–170.
- Buesseler, K. O. (2020) Opening the floodgates at Fukushima. *Science*, 369(6504), pp. 621–622.
- Capacity mechanisms, (2023) URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/markets-and-consumers/capacity-mechanisms_en#:~:text=Capacity%20mechanisms%20enable%20power%20plants,electricity%20on%20the%20energy%20market. (accessed: 28.06.2023).
- Chrisafis, A. (2022) France to build up to 14 new nuclear reactors by 2050, says Macron. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/feb/10/france-to-build-up-to-14-new-nuclear-reactors-by-2050-says-macron> (accessed: 28.06.2023).
- COM/2015/080, (2023) The Energy Union. URL: https://energy.ec.europa.eu/topics/energy-strategy/energy-union_en (accessed: 28.06.2023).
- Crowley-Vigneau, A., Kalyuzhnova, Y., & Ketenci, N. (2022) What motivates the 'green' transition: Russian and European perspectives. *Resources Policy*, 103128.
- Crowley-Vigneau A., Baykov A., (2018) Why States Borrow Environmental Norms. *Mezhdunarodnye Protsessy*, 16 (4), pp. 137–153. DOI: <https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.4.55.8>
- Dreyfus, M., & Allemand, R. (2018) Three Years After the French Energy Transition for Green Growth Law: Has the 'Energy Transition' Actually Started at the Local Level?. *Journal of Environmental Law*, 30(1), pp. 109–133.
- Eash-Gates, P., Klemun, M. M., Kavlak, G., McNerney, J., Buongiorno, J., & Trancik, J. E. (2020) Sources of cost overrun in nuclear power plant construction call for a new approach to engineering design. *Joule*, 4(11), pp. 2348–2373.

European Commission (2022) REPowerEU: A plan to rapidly reduce dependence on Russian fossil fuels and fast forward the green transition. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_3131 (accessed: 28.06.2023).

European Council (2007) An Energy Policy for Europe. URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/an-energy-policy-for-europe.html> (accessed: 28.06.2023).

European Council (2023) Fit for 55. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/green-deal/fit-for-55-the-eu-plan-for-a-green-transition/> (accessed: 28.06.2023).

Falk, J. (1982) *Global Fission: The Battle Over Nuclear Power*, Oxford University Press, pp. 95–96.

Heim, I., Vigneau, A. C., & Kalyuzhnova, Y. (2022) Environmental and socio-economic policies in oil and gas regions: triple bottom line approach. *Regional Studies*, 1–15. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2056589>.

Hu, X., Xie, Y., & Zhang, S. (2020) Information processing in the “not-in-my-backyard” strategy: An empirical study of anti-nuclear behavioral responses. *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*, 26(8), pp. 2266–2287.

Jensen-Eriksen, N. (2022) Looking for cheap and abundant power: Business, government and nuclear energy in Finland. *Business History*, 64(8), pp. 1413–1434.

Koopmans, R., & Duyvendak, J. W. (1995) The political construction of the nuclear energy issue and its impact on the mobilization of anti-nuclear movements in Western Europe. *Social Problems*, 42(2), pp. 235–251.

Lee, R. P., & Gloaguen, S. (2015) Path-dependence, lock-in, and student perceptions of nuclear energy in France: Implications from a pilot study. *Energy Research & Social Science*, 8, pp. 86–99.

Ming, Z., Yingxin, L., Shaojie, O., Hui, S., & Chunxue, L. (2016) Nuclear energy in the Post-Fukushima Era: Research on the developments of the Chinese and worldwide nuclear power industries. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 58, pp. 147–156.

Moreno, S., & Podesta, M. (2022) Environmental Quality Competition: The Case of the French Retail Electricity Market. In *Mapping the Energy Future-Voyage in Uncharted Territory*, 43rd IAAE International Conference, July 31-August 3, 2022. International Association for Energy Economics.

Muellner, N., Arnold, N., Gufler, K., Kromp, W., Renneberg, W., & Liebert, W. (2021) Nuclear energy-The solution to climate change?. *Energy Policy*, 155, 112363.

Muller, W. C., & Thurner, P. W. (Eds.). (2017) *The politics of nuclear energy in Western Europe*. Oxford University Press.

Nature, Science Société, 14: 249–66.

Nuclear Illustrative Program (2006) URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/nuclear-illustrative-programme.html> (accessed: 28.06.2023).

Nuclear Power in the European Union (2023) URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/others/european-union.aspx> (accessed: 28.06.2023).

Oe, M., Takebayashi, Y., Sato, H., & Maeda, M. (2021) Mental health consequences of the Three Mile Island, Chernobyl, and Fukushima nuclear disasters: a scoping review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(14), 7478.

Reuters (2022) Finland's much delayed nuclear plant launches. URL: <https://www.dw.com/en/finlands-much-delayed-nuclear-plant-launches/a-61108015> (accessed: 28.06.2023).

Rucht, D. (1994). 'The Anti-Nuclear Power Movement and the State in France', in Helena Flam (ed.), *States and Anti-Nuclear Movements*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 129–62.

Saidi, K., & Omri, A. (2020) Reducing CO2 emissions in OECD countries: do renewable and nuclear energy matter?. *Progress in Nuclear Energy*, 126, 103425.

Sailor, W.C., May 2000. Nuclear Power: A nuclear solution to climate change? *Science*, 288 (5469), pp. 1177–1178.

Schneider, M. (2009) Nuclear Power in France: Trouble Lurking behind the Glitter, in Lutz Mez, Mycle Schneider, and Steve D. Thomas (eds), *International Perspectives on Energy Policy and the Role of Nuclear Power*. Brentwood: Multi-Science Publishing, pp. 55–83.

Schneider, E., Carlsen, B., Tavriles, E., Van Der Hoeven, C., & Phathanapirom, U. (2013) Measures of the environmental footprint of the front end of the nuclear fuel cycle. *Energy economics*, 40, pp. 898–910.

Sovacool, B.K., Schmid, P., Stirling, A., Walter, G., MacKerron, G., Nov 2020. Differences in carbon emissions reduction between countries pursuing renewable electricity versus nuclear power. *Nature Energy*, 5 (11), pp. 928–935.

Statista (2023) Share of nuclear power in total domestic electricity generation in 2021, by select country. URL: <https://www.statista.com/statistics/270367/share-of-nuclear-power-in-the-power-supply-of-selected-countries/> (accessed: 28.06.2023).

Telyuk M., Sadovnikova N., Davletshina K. (2022) Neravenstvo mezdu stranami Evropeyskogo soyuza v kontexte realizatsii tselei ustoychivogo razvitiya [Inequality between EU member states amid attempts to reach sustainable goals. *Sovremennaya Evropa*, 7, pp. 135–148. DOI: 10.31857/S0201708322070117. EDN: kwxupz

Turner, P. W., Brouard, S., Dolezal, M., Guinaudeau, I., Hutter, S., & Müller, W. C. (2017) The conflict over nuclear energy. *The politics of nuclear energy in Western Europe*, 65.

Toganova, N. (2016) Political and economic incentives of Green Energy. Questions of theory and experience of Germany. *Mezhdunarodnye Protsessy*, 14(2), p. 48. DOI 10.17994/IT.2016.14.2.45/4

Topcu, S. (2006) Nucléaire: De l'engagement "savant" aux contre-expertises associatives.

Wealer, B., Seidel, J. P., & von Hirschhausen, C. (2019) Decommissioning of Nuclear Power Plants and Storage of Nuclear Waste: Experiences from Germany, France, and the UK. *The technological and economic future of nuclear power*, pp. 261–286.

Wang, J., & Kim, S. (2018) Comparative analysis of public attitudes toward nuclear power energy across 27 European countries by applying the multilevel model. *Sustainability*, 10(5), 1518.

World Nuclear Association (2022) Uranium Production Figures 2012–2021. URL: <https://www.world-nuclear.org/information-library/facts-and-figures/uranium-production-figures.aspx> (accessed: 28.06.2023).

World Nuclear News (2023) EDF posts record loss in France due to reactor outages. URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/EDF-posts-record-loss-in-France-due-to-reactor-out#:~:text=In%20France%2C%20state%2Dcontrolled%20EDF's,to%20the%20Covid%2D19%20pandemic.> (accessed: 28.06.2023).

Kim, W. Kim, W. Kim. M. (2014) An international comparative analysis of public acceptance of nuclear energy *Energy Pol.*, 66, pp. 475–483.

Zohuri, B. (2020) Generation IV nuclear reactors. In *Nuclear Reactor Technology Development and Utilization*, pp. 213–246. Woodhead Publishing.

УДК 327

ЕС – США: НОВЫЕ БАРЬЕРЫ В ТОРГОВЛЕ¹

© 2023 г. **ПОРТАНСКИЙ Алексей Павлович***

Кандидат экономических наук

Профессор факультета мировой экономики и мировой политики

НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17

***E-mail:** portanskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 12.04.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье сделан анализ причин осложнения торгово-экономических отношений Евросоюза и США в последние годы. Первый раздел посвящен несостоявшемуся двустороннему партнерству ТТИП, которому при администрации Б. Обамы придавалось стратегическое значение. Отмечена деструктивная роль политики администрации Д. Трампа в отношении ЕС. Надежды на оздоровление двусторонних отношений после прихода администрации Дж. Байдена оправдались в ограниченной степени. Наряду с урегулированием существовавших торговых споров возникли новые зоны конфликтов. Наиболее острым поводом для разногласий стал принятый в США в 2022 г. Закон о сокращении инфляции. ЕС пока не удается договориться о сглаживании негативных последствий этого закона. Евросоюз вынужден принимать ответные меры для защиты своих интересов среди прочего путем усиления технологического суверенитета, защиты от экономического принуждения со стороны третьих стран и др. Анализ возникающих между США и Европой в XXI в. противоречий в торгово-экономической сфере приводит к выводу, что их важнейшей причиной является усиление в мире геополитического соперничества, вследствие которого на торговлю все больше

¹ Предлагаемая статья является логическим продолжением предыдущей, опубликованной в № 6 журнала «Современная Европа» за 2019 г под заголовком «США – Европа: союзнические отношения под угрозой» [Портанский, 2019], а также ряда других статей автора, затрагивающих торгово-экономические отношения ЕС и США. При работе над темой были использованы труды В. Супяна [Супян, 2013], В. Мальцевой и Д. Чупиной [Мальцева, Чупина, 2018].

воздействуют геополитические причины. При этом проблема противостояния Китаю усиливает разногласия США и ЕС.

Ключевые слова: ЕС, США, ТТИП, Закон о сокращении инфляции, технологический суверенитет

DOI: 10.31857/S020170832304006X

EDN: bwhuzr

Всю вторую половину XX в. вплоть до начала подъема Китая картину глобальной экономики и торговли в основном определяли США и ЕС. Они создали необходимые институциональные рамки, что не исключало разногласий. Дело доходило до серьезных торгово-политических столкновений, например, в 1996 г. США приняли два экстерриториальных закона: закон Хелмса – Бертона в отношении Кубы и закон д’Амато – Кеннеди в отношении Ирана и Ливии, которые несли реальную угрозу торговым интересам европейских компаний. Вашингтону и Брюсселю с трудом удалось найти решение. Два важнейших игрока глобальной экономики разделяли базовые нормы и правила международной торговли, точнее «системы, основанной на правилах» (*Rules-based-System*) в виде ГАТТ/ВТО, которую создавали совместно после окончания Второй мировой войны. Разногласия в торгово-экономической сфере серьезно обострились во времена президентства Дональда Трампа. От администрации Джо Байдена ожидали урегулирование двусторонних проблем, однако наряду с рядом подвижек возникали новые противоречия.

Несостоявшееся партнерство

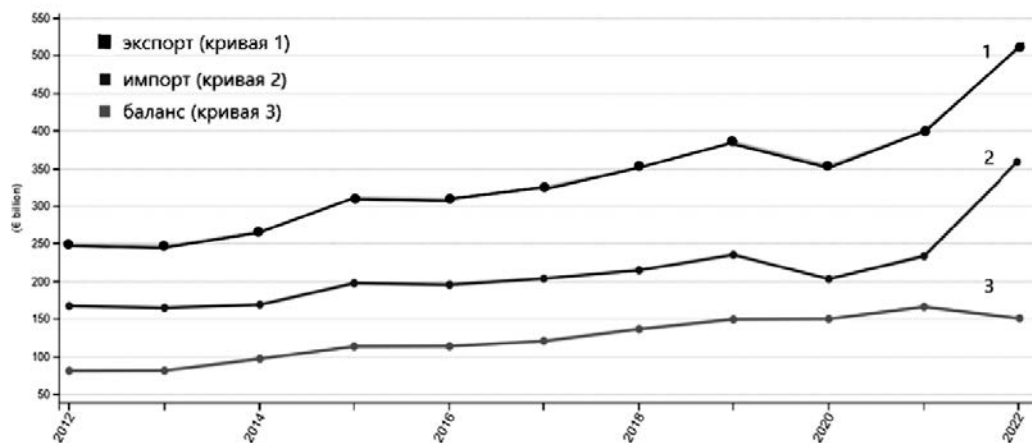
С 1940-х гг. до конца XX в. США выступали лидером либерализации международной торговли. Начало нового столетия ознаменовалось значительными изменениями на мировой арене: появились новые крупные игроки, прежде всего Китай и Индия, чьи представления о глобальном экономическом порядке существенно отличаются от США и Европы. В торговых переговорах в рамках Всемирной торговой организации доминирование Соединенных Штатов и развитых стран ушло в прошлое, т. к. почти три четверти членов ВТО – развивающиеся страны. Вера Вашингтона в эффективность дальнейшей либерализации на многостороннем уровне, в рамках ВТО, начала ослабевать. В новых условиях США пошли на отказ от лидерства в многосторонних торговых переговорах. Эта тенденция проявилась во время президентства Барака Обамы, когда внимание Вашингтона стало смещаться в сторону региональных форматов.

Крупнейшим проектом стало Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП), переговоры по которому стартовали в 2013 г. Одна из предпосылок заключалась в высоких объемах двусторонней торговли. Последние десятилетия США и ЕС остаются важнейшими торговыми партнерами. В 2022 г. самая большая доля экспорта товаров из ЕС пришлась на США, составив 527 млрд долл., или 21% всего объема экспорта Евросоюза. В импорте ЕС за тот же период США

заняли 2-е место после Китая с объемом 327 млрд долл., или 12,3% всего импорта Союза¹. На рисунке 1 отображено количественное изменение торговли товарами ЕС с США в 2012–2022 гг.

Рисунок 1

Торговля товарами ЕС с США в период 2012–2022 гг., млрд евро.

Составлено по: Eurostat (online data code: ext_st_eu27_2020sitc and DS-018995)

При президенте Б. Обаме проекту ТТИП придавали стратегическое значение. Достаточно вспомнить известное высказывание Виктории Нуланд, сделанное в ноябре 2013 в статусе помощника госсекретаря США: «Америке нужна сильная Европа, а Европе – сильная Америка. Чем серьезнее трансатлантические и глобальные вызовы, тем важнее, чтобы Соединенные Штаты и Европа отвечали на них вместе». Она подчеркивала, что «ТТИП – это гораздо больше, чем торговое соглашение. Это политическая и стратегическая ставка, которую мы делаем друг на друга и на наше общее будущее»². Было мало сомнений в дальнейшем поступательном развитии партнерства, и ряд стран поспешили заявить о желании присоединиться к нему. Согласно проведенным в Европе и в США исследованиям, реализация ТТИП могла обеспечить ежегодный рост экономики ЕС на 120 млрд евро, экономики США – на 90 млрд евро; остального мира – на 100 млрд евро. Доля ТТИП в глобальном ВВП оценивалась в 50%, а в мировой торговле – не менее 40% [Capaldo, 2014].

С начала 2016 г. ряд европейских политиков высказали озабоченность последствиями ТТИП и отмечали, что положения партнерства нуждаются в серьезных

¹ Годовая статистика международной торговли товарами (HS). URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/EuropeanUnion/TOTAL> (дата обращения: 22.05.2023).

² Toward a Transatlantic Renaissance – Ensuring our Shared Future. Atlantic Council. 14.11.2013. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/commentary/transcript/transcript-toward-a-transatlantic-renaissance-ensuring-our-shared-future/> (дата обращения: 22.05.2023).

корректировках. Однако это не нашло должного отклика по другую сторону Атлантики. Ситуация накалилась в августе 2016 г., когда вице-канцлер и министр экономики ФРГ Зигмар Габриэль заявил в интервью радиостанции «ЦДФ» (ZDF), что переговоры между США и ЕС о ТТИП, по существу, провалились, но никто в этом не признается [Портанский, 2021]. Прогнозы относительно подписания документа в 2016 г. рухнули, что не означало пересмотр курса на продолжение переговоров.

С началом президентства Дональда Трампа вопрос о продолжении проекта ТТИП потерял актуальность, т. к. 45-й президент США был сторонником идеи строить с государствами Европы двусторонние отношения и пытался склонить к этому некоторых европейских лидеров, хотя и безуспешно¹. Д. Трамп сделал ряд оскорбительных выпадов в отношении ЕС, например: «Евросоюз, возможно, так же вреден, как и Китай, разве что меньше»². Самое серьезное осложнение в торговле ЕС и США произошло после введения Вашингтоном 1 июня 2018 г. повышенных пошлин на сталь и алюминий, что привело к иску против США со стороны группы стран в ВТО.

Появление «антиевропейца» на посту президента США имело свои предпосылки. Традиционным объяснением ослабления трансатлантических связей на рубеже XX – XXI вв. долгое время считалось исчезновение советской угрозы. В XXI в. ей на смену пришел фактор Китая, который, как полагают в Вашингтоне, необходимо сдерживать общими усилиями Запада. Президентство Д. Трампа создало в Европе ощущение, что, с одной стороны, США настаивают на сотрудничестве, с другой – отталкивают от себя союзников. В результате, как писал Ал.А. Громыко, отношения США и Евросоюза все больше приобретают транзакционный, точечный, сугубо прагматичный характер, атрибутами которого стали взаимные упреки, угрозы и реальные экономические санкции [Громыко Ал., 2018]. Эта тенденция подтвердилась после окончания президентского мандата Д. Трампа.

С приходом администрации президента Дж. Байдена возродились надежды на изменение курса США в торговых отношениях с Европой. Наиболее явные антагонизмы были постепенно устранены или смягчены. Однако бывший главный экономист Всемирного банка Эн Крюгер отмечала: «Хотя Байден вновь подтвердил приверженность Америки интернационализму и многостороннему подходу, он медленно продвигается в направлении исправления ущерба, нанесенного Трампом таким важнейшим институтам, как ВТО» [Krueger, 2021]. Имелись в виду допущенные администрацией Трампа грубые нарушения правил международной торговли, отразившиеся на взаимоотношениях с главными партнерами.

При администрации Байдена был сделан шаг в пользу укрепления институциональной базы трансатлантического сотрудничества. Стороны пошли по пути создания не столь амбициозного формата, как ТТИП. В июне 2021 г. учрежден Совет ЕС

¹ Pourquoi Donald Trump n'aime pas l'Europe? Réforme. 06.09.2018. URL: <https://web.archive.org/web/20230331214147/https://www.reforme.net/monde/2018/09/06/donald-trump-contre-leurope/> (дата обращения: 22.05.2023).

² Stevenson C. Trump claims EU 'as bad as China' over US trade amid fight over tariff. Independent. 01.07.2018. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-trade-war-tariffs-latest-eu-china-cars-germany-scotland-a8425721.html> (дата обращения: 22.05.2023).

и США по торговле и технологиям (СТТ). На его заседании в декабре 2022 г. затронуты такие важные вопросы, как развитие надежных технологий искусственного интеллекта (ИИ) и их влияние на рынок рабочей силы; сотрудничество по раннему предупреждению проблем, способных нарушить цепи поставок для производства полупроводников; возможность упрощения правил трансатлантической торговли в отношении экспорта и реэкспорта товаров двойного назначения и технологий; сотрудничество в области противодействия изменению климата. Особое внимание уделено повышению транспарентности субсидий. Обсуждался также вопрос сокращения инфляции [Шарилов, 2023]. Однако созданный механизм трансатлантического сотрудничества не смог воспрепятствовать возникновению новых конфликтов.

Закон США о сокращении инфляции

Подписанный президентом Дж. Байденом 16 августа 2022 г. и вступивший в силу 1 января 2023 г. Закон о сокращении инфляции (*The Inflation Reduction Act – IRA*) формально призван содействовать выполнению Соединенными Штатами обязательств в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г. путем снижения выбросов углекислого газа на 40% к 2030 г. и реализации нулевых выбросов к 2050 г.

Как подчеркнуто в документе Белого дома, главная цель *IRA* заключается в обеспечении лидерства США в технологиях, производстве и инновациях в сфере чистой энергии. Инвестиции в размере 370 млрд долл., предусмотренные Законом, позволят снизить стоимость энергии для семей и малого бизнеса, ускорить частные инвестиции и решения в области чистой энергии в каждом секторе экономики по всей стране, укрепить цепочки поставок от важнейших минералов до эффективных электроприборов, а также создать хорошо оплачиваемые рабочие места и новые экономические возможности для работников. Для достижения поставленной цели вводятся налоговые льготы в отношении инвестиций в экологически чистые технологии, налоговые льготы для потребителей, приобретающих электромобиль или другой экологически чистый продукт, произведенный в США, а также в Канаде и Мексике¹.

IRA вызвал недовольство ЕС, т. к. его реализация ставит под угрозу европейскую экономику и может привести к бегству промышленных компаний через Атлантику ради лучших налоговых условий. Объясняя позицию в отношении закона, глава Еврокомиссии отметила, что в Европе также ставят во главу угла глобальную борьбу с изменением климата и в этом смысле приветствуют намерение США. Однако Урсула фон дер Ляйен подчеркнула: «Должна быть конкуренция, мы также обязаны обеспечить равные условия игры на международном уровне и внутри ЕС»².

¹ Inflation Reduction Act Guidebook. URL: <https://www.whitehouse.gov/cleanenergy/inflation-reduction-act-guidebook/> (дата обращения: 22.05.2023).

² Georis V. La Commission dévoile son plan industriel “Green Deal” en riposte à l’IRA américain. L’Echo. 01.02.2023. URL: <https://www.lecho.be/economie-politique/europe/general/la-commission-devoile-son-plan-industriel-green-deal-en-riposte-a-l-ira-americain/10444250.html> (дата обращения: 22.05.2023).

В Евросоюзе сочли, что *IRA* носит дискриминационный характер по отношению к аналогичной продукции, импортируемой из других стран, и нарушает правила торговли. В наибольшей степени это коснулось автомобильной промышленности. ЕС субсидирует покупку электромобилей независимо от места их производства, в то время как США дискриминируют автомобили, произведенные в Евросоюзе. Как полагают в Брюсселе, массовые субсидии Соединенных Штатов зеленой промышленности могут привести к деиндустриализации ЕС, т. к. побуждают европейские компании мигрировать за океан. В частности, французское руководство полагает, что последствия применения американского закона чреваты для Франции потерей 10 млрд евро инвестиций в экономику страны и 10 тыс. потенциальных рабочих мест¹.

Опасения европейцев подтвердились в начале марта 2023 г., когда концерн «Фольксваген» объявил, что откладывает строительство запланированного завода по производству автомобильных аккумуляторов в Восточной Европе и отдает предпочтение аналогичному предприятию в Северной Америке. Представители компании открыто признались чиновникам ЕС, что рассчитывают получить от 9 до 10 млрд евро в виде субсидий и кредитов в рамках *IRA* и других американских программ в течение срока эксплуатации завода². Закон о сокращении инфляции поставил европейскую экономику в сложное положение: на развитие таких высокотехнологичных отраслей, как производство автомобильных аккумуляторов, в странах ЕС потрачены годы, однако сегодня некоторые европейские предприятия намерены перебазироваться в США.

В Европе пытаются скорректировать ситуацию: в начале февраля 2023 г. У. фон дер Ляйен представила Промышленный план «Зелёной сделки» по развитию европейской индустрии чистых технологий в качестве ответа на пакет субсидий США в рамках Закона о снижении инфляции³. Он включает дальнейшее смягчение правил государственной помощи до конца 2025 г., реорганизацию существующих бюджетов ЕС в пользу развития зеленой экономики, ускорение процедур авторизации проектов в области чистых технологий, поддержку развития критически важного горнодобывающего сектора, развитие навыков и ускорение заключения торговых соглашений для обеспечения безопасности цепочки поставок. Конкретизировать данный план призван подготовленный Еврокомиссией в конце февраля 2023 г. Закон о промышленности (*Net Zero Industry Act*), который должен ослабить правила

¹ Normand G. Emmanuel Macron à Washington pour tenter de préserver l'industrie européenne. *La Tribune*. 30.11.2022. URL: <https://www.latribune.fr/economie/france/macron-a-washington-pour-tenter-de-preserver-l-industrie-europeenne-942597.html> (дата обращения: 22.05.2023).

² VW puts European battery plant on hold as it seeks €10bn from US. *Financial Times*. 08.03.2023. URL: <https://www.ft.com/content/6ac390f5-df35-4e39-a572-2c01a12f666a> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Green Deal Industrial Plan: putting Europe's net-zero industry in the lead. Brussels. 01.02.2023. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_510 (дата обращения: 22.05.2023).

государственной поддержки и пересмотреть возможность введения субсидий на уровне ЕС¹.

Однако законопроект подвергли критике руководители европейского автопрома. Они полагают, что условия, которые предлагают США, гораздо интереснее обещанных ЕС. Производитель батарей «Нортвольт» (*Northvolt*) предположил, что он может предпочесть США, а не Германию при выборе места для нового предприятия, если Брюссель не окажет более конкретную поддержку. Менеджеры подсчитали, что смогут получить более 8 млрд евро субсидий из США на один завод. Пример «Нортвольт» характерен: более двух третей европейских проектов по производству аккумуляторов находятся под угрозой отмены, задержки или сокращения².

Об озабоченности Евросоюза последствиями *IRA* говорил президент Франции Эммануэль Макрон в ходе визита в США в декабре 2022 г. Дж. Байден попытался заверить французского коллегу, что закон не направлен против европейских партнеров, и имеющиеся проблемы должны быть устранены. Однако заявление американского президента не успокоило европейцев. К тому моменту ЕС обозначил свою позицию: исключения из *IRA*, сделанные для Канады и Мексики, должны распространяться на европейские компании. Если переговоры о последствиях *IRA* не дадут результата, то Брюссель готов рассмотреть возможность подачи жалобы в ВТО³.

Риски утраты прежних правил игры

Попытка решения спорных вопросов в связи с *IRA* была предпринята в ходе визита У. фон дер Ляйен в Вашингтон в начале марта 2023 г. В совместном заявлении по итогам встречи сказано: «Обе стороны предпримут шаги, чтобы избежать любых сбоев в трансатлантической торговле и инвестиционных потоках, которые могут возникнуть в результате их соответствующих инициатив». Американская сторона согласилась с тем, что для европейских производителей, стремящихся экспортировать критически важные минералы для батарей электромобилей, должны быть предоставлены исключения. Другими словами, определенным видам материалов, которые созданы или переработаны в Евросоюзе, обещан такой же доступ на американский рынок, как если бы они были произведены на территории США. Соответственно, должны быть учтены налоговые льготы на экологически чистые авто-

¹ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on establishing a framework of measures for strengthening Europe's clean energy technologies manufacturing ecosystem (Net Zero Industry Act). 23.02.2023. URL: https://www.euractiv.com/wp-content/uploads/sites/2/2023/03/DRAFT_Net_Zero_Industry_Act_clean.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

² VW puts European battery plant on hold as it seeks €10bn from US.

³ США против Европы: как Вашингтон поставил под удар экономику Старого Света. HSE Daily. 27.12.2022. URL: <https://daily.hse.ru/post/733> (дата обращения: 22.05.2023).

мобили, предусмотренные *IRA*¹. Однако возникают сомнения, что достигнутые договоренности удастся реализовать в полной мере, т. к. в 2023–2024 гг. сложно провести поправки к закону *IRA* через Конгресс, который после промежуточных выборов больше не находится под полным контролем демократов.

Разногласия ЕС и США выходят за рамки *IRA*. В период президентства Д. Трампа в Европе сложилось мнение, что трансатлантические отношения дали трещину, которая не исчезнет в ближайшее время. Следствием стала постановка в повестку новых вопросов, которые прежде не считались актуальными.

В последние годы Брюссель все чаще обращает внимание на проблему технологического суверенитета Европы. В 2019 г. У. фон дер Ляйен заявила: «Мы должны владеть ключевыми технологиями в Европе. К ним относятся квантовые вычисления, искусственный интеллект, блокчейн и технологии чипов»². Европейцы исходят из того, что между США и Китаем растет конкуренция за технологическое и промышленное лидерство не только в конфигурации глобальных цепочек создания стоимости, но и в геостратегических вопросах. ЕС структурно зависит от США и Китая в разных областях – от цифровых платформ до телекоммуникационной инфраструктуры. В Брюсселе считают, что такая зависимость требует повышения уровня технологического суверенитета за счет централизации усилий по укреплению технологического и цифрового потенциала в ключевых областях производства и усиления координации деятельности по принятию решений и действий на уровне Евросоюза [Renda, 2021].

Недавнее подтверждение твердых намерений Брюсселя в области укрепления технологического суверенитета – Закон о чипах, который разработан по аналогии с американским законом и готов к принятию весной 2023 г.³ Закон призван снизить зависимость Евросоюза от американских и азиатских производителей полупроводниковых компонентов. Как полагают авторитетные европейские эксперты, технологический суверенитет представляет новую сферу, с помощью которой можно возродить интерес к европейской промышленной политике [Crespi et al., 2021].

Другой характерный пример – принятие положения о защите ЕС и его государств-членов от экономического принуждения со стороны третьих стран (*Anti-Coercion Instrument* – *ACI*), о чем объявлено 28 марта 2023 г. Инструмент направлен на удержание третьих стран от экономического принуждения Евросоюза и его государств-членов посредством мер, затрагивающих торговлю или инвестиции. Совет ЕС

¹ Biden and von der Leyen signal thaw on EU-US trade tensions. 11.03.2023. URL: <https://www.france24.com/en/americas/20230311-biden-and-von-der-leyen-signal-thaw-on-eu-us-trade-tensions> (дата обращения: 22.05.2023).

² Speech by President-elect von der Leyen in the European Parliament Plenary on the occasion of the presentation of her College of Commissioners and their programme. 27.11.2019. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_6408 (дата обращения: 22.05.2023).

³ Chee F.Y. Exclusive: EU Chips Act likely to get green light on April 18. Reuters. 05.04.2023. URL: <https://www.reuters.com/technology/eu-countries-lawmakers-likely-clinch-deal-chips-act-april-18-sources-2023-04-05/> (дата обращения: 22.05.2023).

станет определять случаи экономического принуждения. Еврокомиссия, в свою очередь, будет наделена исполнительными полномочиями при принятии решений об ответных мерах. Среди ответных мер, которые могут применяться к третьей стране, – введение разного рода торговых ограничений¹.

Принятие АСИ и укрепление технологического суверенитета обусловлены прежде всего сложным этапом взаимоотношений Евросоюза с США. Актуальным остается предостережение бывшего председателя ЕС Д. Туска, что европейцы должны быть готовы к худшим сценариям в связи с быстрой деградацией отношений с США при президенте Д. Трампе².

При администрации Дж. Байдена произошли позитивные перемены: Вашингтон более не допускает оскорбительных заявлений в адрес Брюсселя и не вводит в нарушение правил международной торговли повышенные импортные пошлины, которые вредят торговле с Европой. Однако другие меры США, такие как Закон о сокращении инфляции, могут грозить гораздо более серьезными долговременными негативными последствиями, чем повышение импортных пошлин. Другими словами, прежней неприкрытой деградации отношений ЕС с США больше нет, но уровень озабоченности в Брюсселе их состоянием остается весьма заметным.

Объективно США и ЕС нуждаются в стратегической согласованности и политическом сотрудничестве по целому ряду торговых вопросов; в то же время сохраняется напряженность из-за нерешенных споров и различий в стратегических оценках. Однако проблема заключается не только в нюансах торговых отношений между партнерами. Наблюдаемое в первой четверти XXI в. усиление в мире геополитического соперничества означает, что торговля испытывает все большее воздействие геополитики. Главенствующая роль технологий в экономической и военной сферах создают предпосылки для расширения оснований введения торговых и инвестиционных ограничений. В этом смысле на торговую политику США все больше воздействует промышленная политика американской администрации. Принятые при президенте Байдене такие законодательные акты, как закон «О чипах и науке», закон «О сокращении инфляции», закон «Об инфраструктурных инвестициях и рабочих местах», нацелены на то, чтобы принимать инвестиционные и производственные решения не в интересах партнеров.

В условиях кризиса многосторонней торговой системы, США и ЕС все активнее заявляют о способности предпринимать односторонние действия в тех случаях, когда глобальная система не справляется. Например, по словам Торгового представителя США Кэтрин Тай, многосторонние правила ВТО оказались недостаточными для адекватного решения проблемы «нечестной торговой практики Китая и несоблюдения им правил». В связи с этим она призвала к использованию новых одно-

¹ Trade: political agreement on the anti-coercion instrument. Press release. 28.03.2023. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/03/28/trade-political-agreement-on-the-anti-coercion-instrument/> (дата обращения: 22.05.2023).

² President Trump's war on western world order. The Sunday Times. 30.06.2018. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/president-trumps-war-on-western-world-order-h6pshskjs> (дата обращения: 22.05.2023).

сторонних торговых инструментов Соединенных Штатов, чтобы добиться желаемого результата¹. В этих словах можно увидеть оправдание некоторых шагов администрации Д. Трампа, противоречивших правилам международной торговли и раскритикованных основными торговыми партнерами Америки.

Таким образом, вопрос выходит за рамки собственно торговых отношений США – ЕС. Весьма показательны высказывания министра финансов США Джанет Йеллен в пользу *френдшоринга*, предполагающего акцент на ведение торговли с теми странами, которые разделяют ценности развитого мира². Однако такой подход в перспективе приведет к прямому ущербу универсальным правилам международной торговли.

В ЕС признают, что существующие механизмы ВТО не могут эффективно реагировать на участвовавшие случаи экономического принуждения, поэтому Брюссель принял *АСІ*. Тем не менее Евросоюз надеется, что ВТО сохранит центральную роль в восстановлении стабильности торговли, в то время как США, продолжая на словах выступать в поддержку организации, на деле игнорируют неблагоприятные для себя решения Органа по разрешению споров ВТО (проигрыш спора о введенных в 2018 г. пошлинах на сталь и алюминий и отказ следовать предписанным рекомендациям).

Фактор Китая также усиливает разногласия США и ЕС. В Вашингтоне полагают, что Брюссель в полной мере не признает масштаб угрозы, исходящей от КНР, и необходимость более активно и слаженно противостоять политике Пекина. Евросоюз, в свою очередь, упорно заявляет о желании проложить собственный курс в отношении КНР³.

Способность США и ЕС преодолеть разногласия и сформировать единый фронт по ключевым вопросам станет важным фактором, определяющим глобальный торговый ландшафт не только в 2023 г., но и в последующие годы.

Выводы

При администрации Д. Трампа во взаимоотношениях ЕС и США возникли серьезные разногласия ввиду отступления 45-го президента от традиций торговой политики предшественников в сторону протекционизма. Прямое нарушение администрацией Трампа правил международной торговли вызвало крайне негативную реакцию со стороны ЕС.

¹ Olson S. Are the US and EU losing their faith in global trade rules? Hinrich Foundation. 08.03.2022. URL: <https://www.hinrichfoundation.com/research/article/wto/us-eu-losing-faith-in-global-trade-rules/> (дата обращения: 22.05.2023).

² Yellen calls out China's trade practices during South Korea visit. 18.07.2022. URL: https://www.business-standard.com/article/international/yellen-calls-out-china-s-trade-practices-during-south-korea-visit-122071801525_1.html (дата обращения: 22.05.2023).

³ Visite d'Emmanuel Macron et Ursula von der Leyen en Chine: que peut-on retenir? EURRADIO. 13.04.2023. URL: <https://eurradio.fr/emission/4zOK-loeil-sur-leurope-josephine-staron/NEE5-visite-demmanuel-macron-et-ursula-von-der-leyen-en-chine-que-peut-on-retenir> (дата обращения: 22.05.2023).

С приходом администрации Дж. Байдена в двусторонних отношениях произошло определенное улучшение. Были устранены наиболее явные барьеры в торговле, но появились новые, возможно, более серьезные, такие как Закон США о сокращении инфляции, действие которого, по мнению европейцев, может нанести серьезный ущерб экономике стран Евросоюза. Несмотря на достигнутые в 2022–2023 гг. рамочные договоренности, в ЕС не видят надежных оснований для устранения негативных последствий *IRA*.

В настоящее время важнейшая причина противоречий США и ЕС в торгово-экономической сфере – усиление в мире геополитического соперничества. Главенствующая роль технологий как в экономической, так и в военной сфере создает предпосылки расширения поводов для введения торговых и инвестиционных ограничений. К такого рода односторонним ограничениям во взаимной торговле и контактах с третьими странами уже неоднократно прибегали в последние годы США и Евросоюз. Вероятно, такая тенденция сохранится в ближайшем будущем. На усиление разногласий влияет фактор Китая. В Вашингтоне исходят из того, что Запад должен единым фронтом противостоять КНР под руководством Соединенных Штатов. В Евросоюзе не согласны с подобным подходом и намереваются проводить собственную линию в отношении Пекина.

Приведенные в статье примеры односторонних мер центральных игроков мировой торговли свидетельствуют о рисках злоупотреблений, которые, скорее всего, сохранятся в ближайшие годы. Сомнительно, что ВТО сможет должным образом удерживать этих игроков в рамках правил многосторонней системы. Очевидно, что подобная практика, особенно *френдшоринг*, будет оказывать деструктивное воздействие на сложившуюся во второй половине XX в. систему, основанную на правилах (*Rules-based-System*), что может привести к фрагментации глобальной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2018) Расколотый Запад: последствия для Евроатлантики. *Современная Европа*. № 4. С. 5–16.

Мальцева В., Чупина Д. (2018) Торговый агропротекционизм между США и ЕС: оценка чувствительных позиций аграрной повестки ТТИП. *Экономическая теория и хозяйственная практика: глобальные вызовы. Материалы международной конференции «Эволюция международной торговой системы: проблемы и перспективы —2018». 25–27 октября 2018 года, Санкт-Петербург*. Под ред. С.Ф. Сутырина, И.В. Воробьевой, Н.А. Навроцкой, Л.В. Поповой, О.Ю. Трофименко. Изд-во С.-Петерб. ун-та, Санкт-Петербург. С. 133–141.

Портанский А. (2019) США – Европа: союзнические отношения под угрозой. *Современная Европа*. № 6. С. 30–39.

Портанский А. (2019) Дональд Трамп: отход от принципов своих предшественников. *Международная экономика*. № 2. С. 21–32.

Портанский А. (2021) ЕС и США: преодоление тяжелого наследия Д. Трампа. *РСМД*. 22.10.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-ssha-preodolenie-tyazhelogo-naslediya-d-trampa/> (дата обращения: 22.05.2023).

Супян В. (2013) США в мировой экономике: перспективы сохранения лидерства. *США и Канада: экономика, политика, культура*. № 7. С. 3–16.

Шарики П. (2023) Отношения ЕС и США в конце 2022 – начале 2023 гг. *Европейский союз: факты и комментарии*. Вып. 111. Декабрь 2022 – февраль 2023. С. 105–108. URL: http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/номер111_merged.pdf (дата обращения: 22.05.2023).

Capaldo J. (2014) The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability. *GDAE Working Paper* 14–03. October. Global Development And Environment Institute, Somerville, USA. 27 p. URL: <https://sites.tufts.edu/gdae/files/2019/10/14-03CapaldoTTIP.pdf> (accessed: 22.05.2023).

Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021) European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy. *Intereconomics: Review of European Economic Policy*. Vol. 56. No. 6. P. 348–354.

Krueger A. (2021) Biden's Trumpy Start on Trade. *Project Syndicate*. 24.05.2021. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/bidens-trade-policy-is-a-lot-like-trumps-by-anne-o-krueger-2021-05?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=88d95de03c-sunday_newsletter_05_30_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-88d95de03c-107242922&mc_cid=88d95de03c&mc_eid=3ec6bd5598 (accessed: 22.05.2023).

Renda A. (2021) The EU Industrial Strategy: Towards a Post-Growth Agenda? *Intereconomics*. Vol. 56(3). P. 133–138.

EU – US: New Barriers to Trade

A.P. Portanskiy*

Candidate of Sciences (Economics)

Professor of the HSE University, Leading researcher at the IMEMO RAS

17, Malaya Ordynka Street, Moscow, Russia, 101000

***E-mail:** portanskiy@gmail.com

Abstract. The article analyses the reasons for the complication of trade and economic relations between the European Union and the United States in recent years. The first section is devoted to the failed bilateral TTIP project, which was given strategic importance under the Obama administration. The destructive role of the Trump administration's policy toward the EU is noted. The hopes of improving bilateral relations after the arrival of the Biden administration were justified to a limited extent. New areas of conflict have emerged alongside the resolution of existing trade disputes. The Inflation Reduction Act adopted in the U.S. in 2022 became the most acute cause for discord. It has not yet been possible to reach a full agreement on how to mitigate negative consequences of this law for the EU. The EU, for its part, is forced to take retaliatory measures to protect its interests, including by strengthening its technological sovereignty, protection from economic coercion by third countries, etc. The analysis of emerging contradictions between the U.S. and Europe in the 21st century in trade and economic sphere leads to the conclusion that their most important cause is the increase in geopolitical rivalry throughout the world, due to which trade is progressively affected by geopolitical reasons. At the same time, the problem of confrontation with China intensifies the differences between the U.S. and the EU.

Key words: EU, US, TTIP, Inflation Reduction Act, technological sovereignty

DOI: 10.31857/S020170832304006X

EDN: bwhuzr

REFERENCES

- Capaldo J. (2014) The Trans-Atlantic Trade and Investment Partnership: European Disintegration, Unemployment and Instability, *GDAE Working Paper* 14–03, October, Global Development And Environment Institute, Somerville, USA. URL: <https://sites.tufts.edu/gdae/files/2019/10/14-03CapaldoTTIP.pdf> (accessed: 22.05.2023).
- Crespi F., Caravella S., Menghini M., Salvatori C. (2021) European Technological Sovereignty: An Emerging Framework for Policy Strategy, *Intereconomics: Review of European Economic Policy*, 56(6), pp. 348–354.
- Gromyko A.A. (2018) Raskoloty Zapad: posledstviya dlya Yevroatlantiki [A Fractured West: Implications for the Euro-Atlantic], *Sovremennaya Evropa*, 4, pp. 5–16. (In Russian).
- Krueger A. (2021) Biden's Trumpy Start on Trade, *Project Syndicate*, 24.05.2021. URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/bidens-trade-policy-is-a-lot-like-trumps-by-anne-o-krueger-2021-05?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=88d95de03c-sunday_newsletter_05_30_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-88d95de03c-107242922&mc_cid=88d95de03c&mc_eid=3ec6bd5598 (accessed: 22.05.2023).
- Maltseva V., Chupina D. (2018) Torgovy agroproteksionizm mezhd SSHA I YES: otsenka chuvstvitelnykh pozitsiy agrarnoy povestki TTIP [U.S.-EU trade agroprotectionism: assessing the sensitivities of the TTIP agrarian agenda. Global Challenges], in Sutyryna S.F., I.V. Vorob'eva I.V., Navrotskaya N.A., Popova L.V., Trofimenko O.Yu. (ed.) *Materialy mezhdunarodnoi konferentsii "Evolyutsiya mezhdunarodnoi torgovoi sistemy: problemy i perspektivy — 2018". 25–27 oktyabrya 2018 goda, Sankt-Peterburg*, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, Sankt-Peterburg, Russia, pp. 133–141.
- Portanskiy A. (2019) SSHA I Yevropa. Soyuznicheskiye otnosheniya pod ugrozoy [U.S.-Europe: Allied relations under threat], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 30–39. (In Russian).
- Portanskiy A. (2019). Donald Trump: otkhod ot printsypov svoikh predshestvennikov. [Donald Trump: a departure from the principles of his predecessors], *Mezhdunarodnaya ekonomika*, 2, pp. 21–32. (In Russian).
- Portanskiy A. (2021) YES I SSHA: preodoleniye tyazhologo naslediya Trampa [The EU and the U.S.: overcoming Trump's difficult legacy], *RIAC*, 22.10.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/es-i-ssha-preodolenie-tyazhologo-naslediya-d-trampa/> (дата обращения: 22.05.2023). (In Russian).
- Renda A. (2021) The EU Industrial Strategy: Towards a Post-Growth Agenda? *Intereconomics*, 56(3), pp.133–138.
- Sharikov P. (2023) Otnosheniya YES I SSHA v kontse 2022 – nachale 2023 гг. [EU-US relations in late 2022 and early 2023. European Union: Facts and Comments], *Evropeyskiy soyuz: fakty I kommentarii*, 111, Dekabr 2022 – fevral 2023, pp. 105–108. URL: http://aevis.ru/upload/ckeditor/files/номер111_merged.pdf (accessed: 22.05.2023). (In Russian).
- Supyan V. (2013) Ekonomicheskaya teoriya I khozyastvennaya praktika: Globalnye vyzovy. [Economic Theory and Economic Practice: Global Challenges], *SSHA I Kanada: ekonomika, politika, kultura*, 7, pp. 3– 16. (In Russian).

УДК 332.122; 332.142.2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МАСШТАБОВ СЕРЕБРЯНОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ И ЕВРОСОЮЗЕ¹

© 2023 г. **ГРИШИНА Ирина Владимировна***

Доктор экономических наук

*Заместитель Председателя Совета по изучению производительных сил (СОПС),
Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), ведущий научный сотрудник
Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ), Российская академия
народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)*

119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82

***E-mail:** grishinaiv@mail.ru

© 2023 г. **ПОЛЫНЕВ Андрей Олегович****

Доктор экономических наук,

*Заместитель руководителя отделения Совета по изучению производительных сил (СОПС),
Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ), ведущий научный сотрудник
Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ), Российская академия
народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)*

119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82

****E-mail:** apolynev@yandex.ru

© 2023 г. **ФИЛАТОВ Артемий Сергеевич*****

Кандидат экономических наук

*Научный сотрудник Института прикладных экономических исследований (ИПЭИ),
Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)*

119571, г. Москва, проспект Вернадского, дом 82

*****E-mail:** artemiy.filatov@gmail.com

Поступила в редакцию 02.03.2023

После доработки 27.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

¹ Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Авторы статьи выражают благодарность Е.В. Нестеркиной за помощь в сборе информации и проведении расчетов.

Аннотация. Статья посвящена перспективам развития в России серебряной экономики – сектора экономики, связанного с обеспечением благополучия и жизнедеятельностью граждан старшего поколения. Он приобретает все большее значение в условиях глобальной тенденции старения населения. Предмет исследования – сравнительный потенциал развития серебряной экономики в России и странах Евросоюза. Цель – выявить ключевые различия в сравнительных масштабах серебряной экономики в РФ и ЕС. В статье проанализированы результаты оценки масштаба серебряной экономики и ее вклада в совокупный спрос и ВВП Евросоюза. На основе авторского подхода оценен объем серебряной экономики в России на национальном и региональном уровнях. Полученные оценки свидетельствуют о недостаточно развитом потенциале данного сегмента экономики в России по сравнению со странами Евросоюза. Причиной служат более низкие доходы старшего поколения и недостаточное развитие потребительского рынка, что отражается на объеме добавленной стоимости в товарах и услугах, потребляемых гражданами старшего поколения. Более того, выявлен высокий уровень межрегиональной дифференциации в части развития серебряной экономики. Для нивелирования существенных региональных диспропорций предложены дифференцированные меры региональной политики в отношении граждан старшего поколения. Для регионов с невысоким уровнем развития серебряной экономики предложены меры, направленные на стимулирование спроса граждан старшего поколения, а в регионах, в которых потенциал серебряной экономики практически отсутствует, необходимо сфокусировать усилия на социальном обеспечении стареющего населения.

Ключевые слова: серебряная экономика, граждане старшего поколения, регионы России, Евросоюз, комплексная оценка, совокупный спрос, социально-экономическая политика

DOI: 10.31857/S0201708323040071

EDN: bwnpga

Современный этап развития экономики характеризуется обострением проблемы старения населения. Демографические сдвиги, вызванные увеличением продолжительности жизни и снижением рождаемости, создают новые угрозы для экономической стабильности¹. Основные негативные факторы – снижение количества рабочей силы и объемов налоговых доходов и рост расходной части бюджетов для обеспечения финансовой поддержки граждан старшего поколения [Eatock, 2015].

Для обозначения части экономики, обслуживающей интересы граждан старшего поколения, введена категория «серебряная экономика» (или «экономика долголетия»). Серебряная экономика рассматривается как совокупность экономических возможностей, которые возникают в результате государственных и потребительских расходов, связанных со старением населения и особыми потребностями населения старше 50 лет [Barković, Erceg, 2017]. К субъектам серебряной экономики

¹ Population Division. World Population Prospects 2019. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 21.10.2022).

относятся все действующие лица, включая экономически активный сегмент старшего поколения (пожилые работники, предприниматели, потребители и инвесторы); компании, адаптирующие существующие и разрабатывающие инновационные товары и услуги для нужд старшего поколения; сектор здравоохранения и образования [Klimczuk, 2021].

Одно из важнейших направлений прикладных исследований – разработка методологии оценки объемов серебряной экономики, которая позволит сформировать необходимую аналитическую базу для определения приоритетов государственной политики в отношении граждан старшего поколения. Несмотря на возрастающую значимость проведения соответствующих исследований, существуют ограничения в части статистических данных, в связи с чем закономерно возрастает актуальность разработки методических подходов, позволяющих проводить количественные оценки масштабов серебряной экономики.

Особенности методики оценки масштабов серебряной экономики в Евросоюзе

Для стран Евросоюза задача повышения экономической активности наиболее возрастной части населения критически важна в контексте наличия структурных экономических проблем, связанных с замедленным обновлением производственной и технологической базы, снижением профицита торгового баланса и уровня инвестиционной активности [Бажан, 2021]. В европейских странах действуют меры, направленные на стимулирование занятости и покупательной способности граждан старшего поколения. Особый интерес представляют инициативы в сфере развития технологий, направленные на формирование умной среды. Она, в частности, включает цифровизацию медицинских услуг, позволяющую сделать процесс мониторинга здоровья непрерывным и более автономным для пожилых граждан [Говорова, 2021].

Наиболее подробное исследование, нацеленное на оценку масштабов серебряной экономики в Евросоюзе, выполнено аналитическими центрами «Оксфорд Экономикс» (*Oxford Economics*) и «Технополис Групп» (*Technopolis Group*) [Oxford Economics, Technopolis Group, 2018]. В докладе представлена оценка объема серебряной экономики за 2015 г.¹ Для этого рассчитан совокупный денежный спрос граждан старшего поколения (на основе данных о структуре расходов населения в разрезе возрастных групп и видов товаров и услуг) и объем полученных ими услуг общественного сектора (на основе аллокации социальных расходов бюджета на население старше 50 лет). Оценка проводилась для всей совокупности стран-членов ЕС, однако в исследование не рассмотрен субнациональный (региональный) уровень, что является существенным вопросом в контексте развития серебряной эко-

¹ В последующие годы, по сведениям авторов статьи, расчеты по данной методологии в отношении стран Евросоюза не проводились.

номики в пространственном аспекте в первую очередь в свете реализации подхода умной специализации территории.

Согласно оценкам в докладе, общая численность населения, относимого к категории серебряной экономики (лица старше 50 лет) в Евросоюзе, составила 199 млн чел. в 2015 г., или 39% от общей численности населения¹. Общий вклад представителей серебряной экономики в совокупный спрос оценивался на уровне 3,7 трлн евро (41% от общего объема совокупного спроса). Основным объемом потребления старшего поколения финансируется из собственных источников дохода, что обусловлено высокой долей работающих, наличием накоплений и развитой системой пенсионного обеспечения.

В ходе анализа расходов на личное потребление², осуществляемых из собственных источников, *Oxford Economics* и *Technopolis Group* установили, что половину составляют расходы на жилье, коммунальные услуги, еду и напитки, а также транспорт (Рис. 1). Несмотря на то что старшее поколение – наиболее активная возрастная группа в части потребления услуг здравоохранения (на его долю приходится 54% в структуре совокупного потребления всего населения), эта статья расходов занимает не более 5% в общем объеме расходов старшего поколения. Помимо объемов совокупного спроса, в докладе также представлена оценка вклада серебряной экономики в ВВП: общий объем вклада старшего поколения в ВВП составляет 4,2 трлн евро, т. е. оно формирует 29% ВВП.

Для дальнейшего развития серебряной экономики авторы доклада предлагают реализовывать специализированные государственные меры, включая увеличение занятости граждан старшего поколения, развитие социального обеспечения, повышение доступности услуг общественного сектора и развитие инновационных отраслей для удовлетворения специфических нужд [*Oxford Economics, Technopolis Group, 2018*]. Другие авторы среди важнейших направлений развития серебряной экономики выделяют такие социально-ориентированные меры, как обеспечение ухода за пожилыми гражданами, которые ощущают значительную потребность в данном виде услуг, но не имеют финансовых ресурсов, а также разработку и принятие стандартов универсальной среды и формирование финансовой системы поддержки граждан старших возрастов [Javier et al., 2021; Коломиец, 2018].

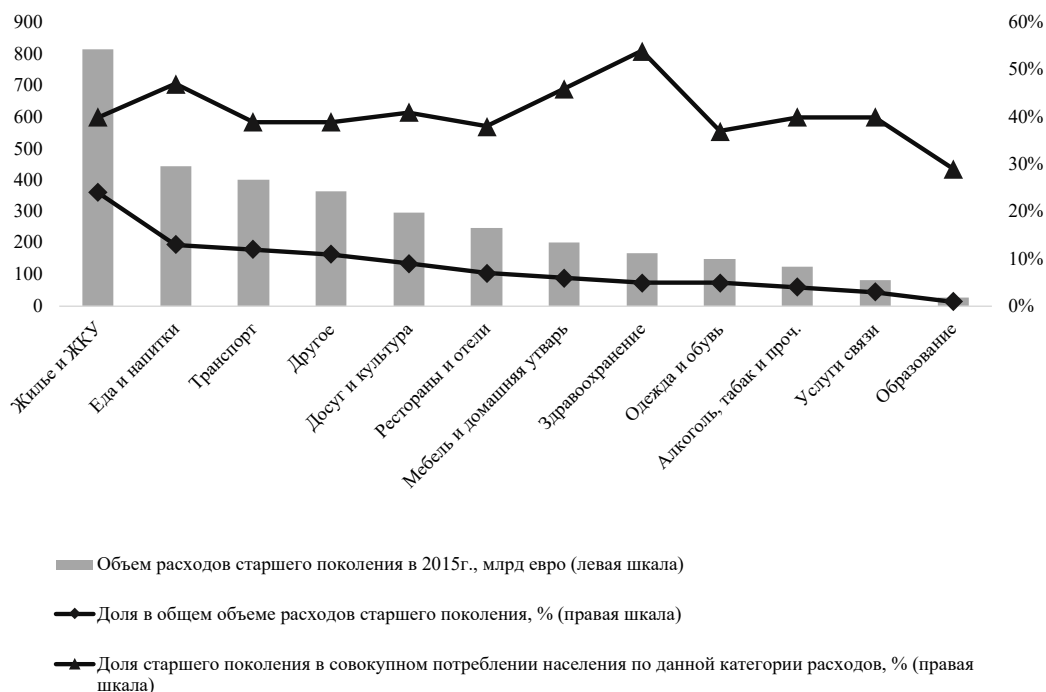
Таким образом, в докладе на материалах Евросоюза, с одной стороны, предложена уникальная методология, которая позволяет оценить объем серебряной экономики, ее отраслевую структуру и вклад в общий объем экономики ЕС, с другой – приведены основные направления государственного участия в развитии серебряной экономики.

¹ Расчеты *Oxford Economics* и *Technopolis Group* выполнены для 28 стран-членов ЕС, включая Британию, без учета которой общая численность населения указанной возрастной группы составляла в 2015 году 174 млн. человек и на его долю приходилось чуть более 39% от общей численности населения ЕС.

² Структура расходов старшего поколения в указанном докладе оценена по данным за 2015 год для 28 стран-членов ЕС, включая Великобританию, для возрастной категории старше 50 лет.

Рисунок 1.

Структура расходов представителей серебряной экономики на личное потребление в странах Евросоюза в 2015 г.

Составлено по: [Oxford Economics, Technopolis Group, 2018].

Оценка масштабов серебряной экономики в России

На современном этапе развития экономики России растет актуальность проведения государственной политики в отношении поддержки и формирования инфраструктуры роста серебряной экономики. В частности, на федеральном уровне в 2016 г. утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года, основными приоритетами которой выступают финансовое обеспечение, стимулирование занятости, повышение доступности образования, охрана здоровья, развитие досуговых услуг и социального обслуживания¹.

Стратегия позволяет ликвидировать ключевые барьеры для развития экономики долголетия, один из которых – сохраняющаяся дискриминация лиц пожилого возраста на рынке труда [Муртазалиев, 2014]. Эйджизм негативно влияет на эту категорию граждан и препятствует участию в жизни общества и трудовой деятельности. Использование потенциала серебряной экономики требует изменения восприятия ста-

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 года. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/37/2> (дата обращения: 21.12.2022).

рения населения, что включает преодоление устаревших стереотипов [Stjernberg et al., 2021]. Развитие экономики долголетия способствует расширению рынка труда в результате дополнительного предложения рабочей силы со стороны пенсионеров, поэтому проведение государственной политики по стимулированию трудоустройства граждан старших возрастов становится все более востребованным [Зуева, Хроленко, 2019]. Рост числа занятых среди пожилых граждан способствует повышению производительности труда в отраслях, где требуются высокий уровень квалификации и существенный опыт [Jonathan et al., 2019].

Несмотря на высокую актуальность развития серебряной экономики, в России отсутствуют исследования, связанные с оценкой ее масштабов. С учетом специфики административно-территориального устройства РФ и высокого уровня межрегиональной дифференциации, авторы статьи предлагают оценить масштаб серебряной экономики на региональном уровне, получив соответствующие значения для каждого субъекта РФ.

Сравнительный масштаб серебряной экономики рассчитан путем оценки потенциального совокупного спроса, который может быть предъявлен пожилыми гражданами, на основе доходов граждан старшего поколения (в то время как в методологии, примененной для оценки масштабов серебряной экономики в ЕС, базисом служит объем расходов пожилого населения). Уровень совокупных доходов граждан старше трудоспособного возраста по каждому субъекту Российской Федерации определяется за последний отчетный год из официальных статистических источников (Табл. 1) по следующей формуле (1):

$$D = P * N + R * T + S + I, \quad (1)$$

где D – совокупные доходы граждан старше трудоспособного возраста в регионе;

P – средний размер назначенных пенсий гражданам старше трудоспособного возраста в регионе;

N – общая численность граждан старше трудоспособного возраста в регионе;

R – средняя заработная плата граждан старше трудоспособного возраста в регионе;

T – среднегодовая численность граждан старше трудоспособного возраста, занятых трудовой деятельностью, в регионе;

S – общий объем социальной поддержки граждан старше трудоспособного возраста в регионе (из федерального и регионального бюджетов);

I – общий процентный доход за год по депозитам граждан старше трудоспособного возраста в регионе.

Для оценки вклада серебряной экономики в ВРП полученные объемы доходов пожилого населения соотнесены с объемами ВРП по каждому региону. В то же время для оценки вклада серебряной экономики в совокупный спрос соотнесены доходы граждан старшего поколения с общими объемами доходов населения (оцененными как произведение среднедушевых доходов и численности населения) по каждому региону. В условиях отсутствия в России оценок объемов серебряной экономики на национальном уровне, для целей сравнения РФ и ЕС произведен соответствующий

расчет общероссийского показателя путем суммирования полученных оценок объемов серебряной экономики по всем регионам. Для проведения оценок на национальном уровне в составе совокупных доходов пожилых граждан дополнительно учтены доходы от сдачи в аренду жилой недвижимости (экспертная оценка, в силу ограниченности статистических данных).

Таблица 1

**Структура доходов граждан старшего поколения, использованная
для оценки масштабов серебряной экономики в России**

Статья доходов	Использованные статистические показатели
Общий размер выплаченных пенсий	Средний размер назначенной пенсии гражданам старше трудоспособного возраста. 2021 г. (тыс. руб.). Среднегодовая численность граждан старше трудоспособного возраста (мужчины старше 60 лет; женщины старше 55 лет). 2020 г. (тыс. чел.).
Общий размер выплаченной заработной платы пенсионерам	Среднемесячная заработная плата работающих граждан старше трудоспособного возраста. 2021 г. (тыс. руб.).
Расходы бюджета на социальную поддержку граждан старшего поколения	Общий объем социальной поддержки граждан старшего поколения. 2021 г. (тыс. руб.).
Доходы по банковским вкладам	Средний размер депозитов граждан старше трудоспособного возраста (оценка авторов статьи на основе данных о размерах вкладов в регионах). 2021 г. (тыс.руб.).

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Население. Старшее поколение. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения 12.09.2022); Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения 12.09.2022); Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2021 г. Январь-декабрь. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_01/Main.htm (дата обращения 12.09.2022); Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59454#> (дата обращения 12.09.2022); Рейтинг регионов по размеру банковских вкладов населения. РИА Новости. 06.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220207/vklad-1771372110.html> (дата обращения 12.09.2022).

В 2021 г. в России доля граждан старшего поколения в структуре населения составила 25%, а вклад серебряной экономики в ВВП, согласно оценкам авторов, – 12%, в совокупный потребительский спрос – 21%. Полученные оценки позволяют провести сравнительный анализ масштабов и вклада серебряной экономики в России и ЕС (Табл. 2). При этом следует отметить важное методологическое различие, связанное с определением категории «граждане старшего поколения»: в докладе Евросоюза к категории «старшее поколение» отнесены граждане старше 50 лет, в

то время как для целей оценки масштаба серебряной экономики в России используется применяемое Росстатом определение «граждане старше трудоспособного возраста». Таким образом, под определение ЕС попадает наиболее молодая когорта, которая характеризуется высоким уровнем занятости и экономической активности.

Таблица 2

Сравнение масштабов серебряной экономики в России и странах Евросоюза

Показатель	Россия (2021 г.)	ЕС (2015 г.)
Доля граждан старшего поколения в структуре населения, %	25	39 (40,5 ¹)
Вклад серебряной экономики в ВВП, %	12	29
Вклад серебряной экономики в совокупный потребительский спрос, %	21	41

Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Население. Старшее поколение; Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2021 г.; Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России – 2021 г. Январь-декабрь.; Федеральная служба государственной статистики. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС); Рейтинг регионов по размеру банковских вкладов населения; Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение России - 2022 г. Январь. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (дата обращения 26.02.2023); Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика. Население. Уровень жизни. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения 26.02.2023); [Oxford Economics, Technopolis Group, 2018].

При сравнении масштабов и вклада серебряной экономики в России и Евросоюзе наблюдаются существенные различия между соотношением доли граждан старшего поколения в структуре населения и вклада в ВВП и совокупный спрос соответственно. Это объясняется, с одной стороны, более высоким уровнем занятости старшего поколения в ЕС и, следовательно, более высокой потребительской активностью (эффект на совокупный спрос), с другой – тем, что пожилые граждане ЕС приобретают продукцию с более высокой добавленной стоимостью (эффект на ВВП).

Для получения структуры расходов граждан старшего поколения и проведения сопоставлений с данными по ЕС разработан подход, опирающийся на оценку соотношений расходов неработающих пенсионеров и средних значений по всем возрастным группам населения по разным видам товаров и услуг.

Полученные результаты оценки структуры потребления граждан старшего поколения (Табл. 3) позволили обосновать существенные различия по вкладу серебряной экономики в ВВП в России и странах Евросоюза по актуальным данным за 2020 г. для граждан старше 60 лет. Несмотря на то что набор базовых потребитель-

¹ Доля граждан старшего поколения в ЕС актуализирована по данным Евростата для 2019 г. (последний доступный отчетный год, включающий отчетность по Великобритании).

ских товаров и услуг с невысокой добавленной стоимостью (продукты питания и безалкогольные напитки, ЖКУ и топливо, транспорт, здравоохранение) в совокупности составляет значительную долю в структуре потребления в обоих случаях, в ЕС более высокие значения демонстрируют такие категории, как отдых и культурные услуги, кафе и рестораны, а также прочие услуги. Высокий уровень добавленной стоимости в указанных группах товаров и услуг, связанных в том числе с их большей трудоемкостью, формирует существенный дополнительный эффект для ВВП.

Таблица 3

Сравнение структуры расходов представителей серебряной экономики в России и странах Евросоюза в разрезе видов товаров и услуг

Статья расходов граждан старшего поколения	Доля в общей структуре расходов, %	
	Россия (2021г.)	Евросоюз (2020г.)
Продукты питания и б/а напитки	48,0	17,8
ЖКУ, топливо	15,0	37,2
Здравоохранение	7,5	5,0
Транспорт	5,2	8,4
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и уход за домом	4,8	4,9
Другие товары и услуги	4,7	8,9
Одежда и обувь	4,0	2,8
Связь	4,0	2,9
Гостиницы, кафе и рестораны	2,4	3,5
Организация отдыха и культурные мероприятия	2,3	6,1
Алкогольные напитки, табачные изделия	2,0	2,3
Образование	0,1	0,2

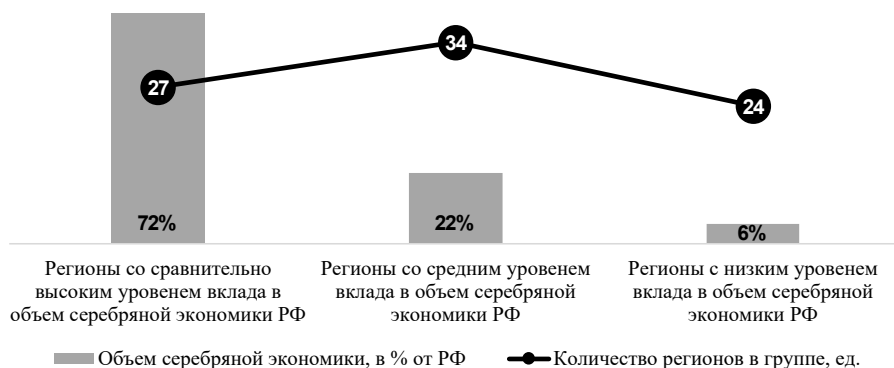
Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2021 году (по итогам Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Структура потребительских расходов домашних хозяйств. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_102/IssWWW.exe/Stg/2021%20god/1-5.xlsx (дата обращения: 26.02.2023); Федеральная служба государственной статистики. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в 2021 году (по итогам Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). Структура располагаемых ресурсов и расходов на потребление домашних хозяйств. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_102/IssWWW.exe/Stg/2021%20god/1-2.xlsx (дата обращения: 26.02.2023); Structure of consumption expenditure by age of the reference person and COICOP consumption purpose. Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/HBS_STR_T225__custom_6687591/default/table?lang=en (дата обращения: 24.06.2023).

При этом оценка объемов серебряной экономики в России на национальном уровне строилась на основе суммирования соответствующих оценок по регионам. В этой связи важно отметить принципиально разный масштаб развития серебряной экономики в различных регионах РФ.

Согласно полученным оценкам, на 27 лидирующих регионов приходится 72% объема серебряной экономики (Рис. 2). Из них 5 регионов (Москва, Московская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край и Свердловская область) формируют 38% серебряной экономики в России. Замыкающие 24 региона суммарно формируют вклад в совокупный объем экономики долголетия России в размере 6%. Наименьший вклад отмечен в республиках Калмыкия, Ингушетия, Алтай, Тыва, а также в Ненецком и Чукотском автономных округах, Еврейской автономной области.

Рисунок 2

Группировка регионов РФ по уровню вклада в совокупный объем серебряной экономики России (доля в % от РФ), 2021 г.

Составлено авторами на основе данных Росстата, РИА Новости.

Проблема высоких диспропорций связана, с одной стороны, с общим высоким уровнем дифференциации в части социально-экономического развития между регионами России, с другой – с продолжающейся тенденцией миграции населения, в частности молодого, в наиболее развитые регионы [Гришина и др., 2021; Карачурина, Мкртчян, 2016]. Для выравнивания темпов развития серебряной экономики на территории России государству необходимо проводить сбалансированную региональную социально-экономическую политику, применяя дифференцированные меры в зависимости от степени развития в регионах.

Формирование приоритетов региональной политики в отношении серебряной экономики

На основе оценок масштабов серебряной экономики и с учетом региональной специфики социально-экономического развития России предложено использование

дифференцированных государственных мер. Рекомендуется разделить регионы на 3 группы (в соответствии с рисунком 2) и для каждой разработать специфические приоритеты государственной политики.

В регионах с наиболее высоким уровнем развития серебряной экономики дальнейшее развитие сектора будет проходить поступательно в соответствии с темпами общего социально-экономического развития. Дополнительными мерами государственной политики могут стать поддержка инновационных отраслей для удовлетворения специфических нужд старшего поколения и стандартизация этого рынка.

Для 34 регионов второй группы, формирующих 22% от общего объема серебряной экономики, необходима реализация специализированных мер государственной политики, которые направлены на повышение покупательной способности граждан старшего поколения. К таким мерам можно отнести повышение занятости, увеличение доступности образования, развитие потребительского рынка, рынка долговременного ухода, а также финансового рынка, адаптированного для взрослого населения.

Для третьей группы, состоящей из 24 регионов и формирующей 6% общего объема серебряной экономики, предлагается проводить экономическую политику, связанную с развитием государственного обеспечения пожилого населения. Иными словами, рекомендуется развивать социальное обеспечение и реализовывать меры, направленные на улучшение здоровья пожилых граждан, увеличение доступности образования, адаптацию городской среды и транспортной инфраструктуры к их потребностям.

Выводы

Тенденция старения населения будет усиливаться на фоне роста продолжительности жизни и снижения уровня рождаемости. В результате странам, в которых доля пожилого населения является значительной, необходимо постепенно корректировать государственную политику, предоставляя больше возможностей для роста экономической активности и удовлетворения специфических потребностей этой группы населения. В связи с этим возрастает актуальность проведения эмпирических оценок серебряной экономики. Они позволяют обосновать необходимость реализации особых государственных мер в отношении данного сегмента экономики и продемонстрировать бизнесу перспективы работы.

Опыт оценки масштабов серебряной экономики в ЕС позволил разработать методический подход для проведения соответствующих оценок в России, где объем экономики долголетия обладает значительно меньшим масштабом, однако, с учетом продолжающейся тенденции старения населения, реализация государственных мер необходима уже сейчас. Проблема повышения экономической активности старшего поколения обостряется существенной межрегиональной дифференциацией: меньше чем в трети регионов экономика долголетия может органично развиваться за счет сформированного социально-экономического потенциала. В остальных необходима активизация государственного участия.

В зависимости от потенциала развития экономики долголетия целесообразно использовать дифференцированные меры государственной политики на региональном уровне, воздействуя на рост экономической активности граждан старшего по-

коления или на объем предоставляемых государственных услуг, удовлетворяющих специфические потребности пожилых людей. Реализация подобного подхода в региональной политике позволит не только эффективно воздействовать на рост качества жизни пожилых граждан, но и создать целостную систему, обеспечивающую возможность для граждан молодых возрастов сохранить привычное им качество жизни в более старшем возрасте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бажан А.И. (2021) Замедление экономического роста и падение производства в ЕС. *Современная Европа*. № 5. С. 113–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021113125>
- Говорова Н.В. (2021) Серебряная экономика ЕС. *Современная Европа*. № 6. С. 109–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021109119>
- Гришина И.В., Полянев А. О., Шкуропат А. В. (2021) Социально-экономическое положение регионов России в 2020 г.: методология и результаты ежемесячного мониторинга. *ЭКО*. № 7. С. 111–128. DOI: 10.30680/ЕCO0131-7652-2021-7-111-128
- Зуева А.С., Хроленко Т.С. (2019) Старение населения: угроза демографической безопасности или потенциал развития серебряной экономики. *Вестник РУДН. Государственное и муниципальное управление*. Т. 6. № 3. С. 234–242. DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-234-242
- Карачурина Л., Мкртчян Н. (2016) Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности. *Демографическое обозрение*. Т. 3. № 4. С. 47–65.
- Коломиец П.Н. (2018) «Серебряная экономика» – новый подход к проблеме старения. *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. Т. 9. № 1. С. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101
- Муртазалиев М. (2014) Есть ли эйджизм на рынке труда Москвы? *Дискриминация на рынке труда города Москвы: Научный семинар в магистратуре экономического факультета МГУ: Сборник статей*. Под ред. И.Е. Калабихиной. МАКС Пресс, Москва. С. 80–95.
- Barković Bojanić I., Erceg A. (2017) Silver economy: demographic change and economic opportunity. *Interdisciplinary management research XIII*. Ed. by U. Bacher, D. Barković, K.-H. Dernoscheg, M. Lamza-Maronić, B. Matić, N. Pap, B. Runzheimer. Josip Juraj Strossmayer University of Osijek; Hochschule Pforzheim University, Opatija, Croatia. P. 1005–1020.
- Eatock D. (2015) *The Silver Economy: Opportunities from Ageing*. EPRS. 15.07. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/565872/EPRS_BRI\(2015\)565872_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/565872/EPRS_BRI(2015)565872_EN.pdf) (accessed: 21.12.2022).
- Javier L., Pascual-Sáez M., Cantarero-Prieto D. (2021) Socioeconomic Inequality in the Use of Long-Term Care among European Older Adults: An Empirical Approach Using the SHARE Survey. *International Journal of Environmental Research and Public*. Vol. 18. Issue 1. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010020>
- Jonathan C., Figueras J., Normand C. (2019) *Will Population Ageing Spell the End of the Welfare State: A review of evidence and policy options*. WHO Regional Office for Europe, Copenhagen, Denmark. 40 p.
- Klimczuk A. (2021) The Silver Economy as a Constructive Response in Public Policy on Ageing. *Strategic Approach to Aging Population: Experiences and Challenges*. Ed. by I.B. Bojanić, A. Erceg. J.J. Strossmayer University of Osijek, Osijek, Croatia. P. 19–35.
- Oxford Economics, Technopolis Group (2018) *The Silver Economy – Final report*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 154 p.
- Stjernberg M., Sigurjónsdóttir H., Meijer M. (2021) *Unlocking the potential of silver economy in the Nordic Region*. Nordregio Report 7. 76 p. URL: <http://pub.nordregio.org/r-2021-7-potential-of-silver-economy-in-the-nordics/#> (accessed: 29.04.2023).

Comparative Analysis of the Silver Economy Capacity in Russia and the EU

I.V. Grishina*

*Doctor of Sciences (Economics), Deputy Chairman – Head of the Department, Russian Academy of Foreign Trade, Leading Researcher of the Institute of Applied Economic Research (IAER), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571,*

***E-mail:** grishinaiv@mail.ru

A.O. Polynev**

*Doctor of Sciences (Economics), Deputy Chairman of the Department, Russian Foreign Trade Academy, Leading Researcher of the Institute of Applied Economic Research (IAER), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571,*

****E-mail:** apolynev@yandex.ru

A.S. Filatov***

Candidate of Sciences (Economics), Scientific Researcher of the Institute of Applied Economic Research (IAER), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82, Vernadsky Ave., Moscow, Russia, 119571,

*****E-mail:** artemiy.filatov@gmail.com

Abstract. The article analyses the prospects of the development of silver economy in Russia. The relevance of the topic is confirmed by the global trend caused by aging of the population. Silver (or longevity) economy is a sector of the economy, which provides well-being of the elderly. The subject of the study is a comparison between the potential of the silver economy in Russia and the European Union. The aim of the study is to analyse the key differences of the silver economy in Russia and the countries of the EU. The article examines the methodology and the results of the assessment of the scale of silver economy and its contribution to the aggregate demand and GDP of the European Union. The authors estimated the scale of the silver economy in Russia at the national and regional levels. Based on the results obtained, the authors compared the volume of the silver economy in Russia and the EU and identified the main factors influencing this sector in Russia. Moreover, the authors identified a high level of interregional differentiation in terms of silver economy development. Therefore, the differentiated measures of regional policy in relation to the citizens of the older generation were proposed in order to eliminate significant regional disparities. The authors propose measures aimed at supporting the demand of senior citizens for regions with an average level of development of the silver economy. The study also proposes to concentrate the state policy efforts on social security for the regions with low potential of the silver economy.

Key words: silver economy, senior citizens, regions of Russia, European Union, comprehensive assessment, aggregate demand, economic policy

DOI: 10.31857/S0201708323040071

EDN: bwnpga

REFERENCES

- Bazhan A.I. (2021) Zamedlenie ekonomicheskogo rosta i padenie proizvodstva v ES [Slow-down of economic growth and decline of production in the EU], *Sovremennaya Evropa*, 5, pp. 113–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52021113125> (In Russian).
- Barković Bojanić I., Erceg A. (2017) Silver economy: demographic change and economic opportunity, in Bacher U., Barković D., Dernoscheg K.-H., Lamza-Maronić M., Matić B., Pap N., Runzheimer B. (ed.) *Interdisciplinary management research XIII*, Josip Juraj Stross-mayer University of Osijek; Hochschule Pforzheim University, Opatija, Croatia, pp. 1005–1020.
- Eatock D. (2015) *The Silver Economy: Opportunities from Ageing*, EPRS, 15.07. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/565872/EPRS_BRI\(2015\)565872_E_N.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2015/565872/EPRS_BRI(2015)565872_E_N.pdf) (accessed: 21.12.2022).
- Govorova N.V. (2021) Serebryanaya ekonomika ES [The European Silver Economy], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 109–119. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62021109119> (In Russian).
- Grishina I.V., Polynev A.O., Shkuropat A.V. (2021) Social'no-ekonomicheskoe polozhenie regionov Rossii v 2020 g.: metodologiya i rezul'taty ezhemesyachnogo monitoringa [The Socio-Economic Performance of Russia's Regions in 2020: the Methodology and Results of Monthly Monitoring], *EKO*, 7, pp. 111–128. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-111-128 (In Russian).
- Javier L., Pascual-Sáez M., Cantarero-Prieto D. (2021) Socioeconomic Inequality in the Use of Long-Term Care among European Older Adults: An Empirical Approach Using the SHARE Survey, *International Journal of Environmental Research and Public*, 18(1). DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph18010020>
- Jonathan C., Figueras J., Normand C. (2019) *Will Population Ageing Spell the End of the Welfare State: A review of evidence and policy options*, WHO Regional Office for Europe, Copenhagen, Denmark.
- Karachurina L., Mkrtchyan N. (2016) Mezhregional'naya migraciya v Rossii: vozrastnye osobennosti [Interregional Migration in Russia: Age Features], *Demograficheskoe obozrenie*, 3(4), pp. 47–65. (In Russian).
- Klimczuk A. (2021) The Silver Economy as a Constructive Response in Public Policy on Ageing, in Bojanić I.B., Erceg A. (ed.) *Strategic Approach to Aging Population: Experiences and Challenges*, J.J. Strossmayer University of Osijek, Osijek, Croatia, pp. 19–35.
- Kolomiecs P.N. (2018) «Serebryanaya ekonomika» – novyj podhod k probleme stareniya [“The Silver Economy” - a new approach to the problem of aging], *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)*, 9(1), pp. 89–101. DOI: 10.17835/2078-5429.2018.9.1.089-101 (In Russian).
- Murtazaliev M. (2014) Est' li eidzhizm na rynke truda Moskvy? in Kalabikhina I.E. (ed.) *Discrimination in the labor market of the city of Moscow: Scientific Master Seminar at the Faculty of Economics of Moscow State University*, MAKSS Press, Moscow, Russia, pp. 80–95. (In Russian).
- Oxford Economics, Technopolis Group (2018) *The Silver Economy – Final report*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg.
- Stjernberg M., Sigurjónsdóttir H., Meijer M. (2021) *Unlocking the potential of silver economy in the Nordic Region*. Nordregio 7. URL: <http://pub.nordregio.org/r-2021-7-potential-of-silver-economy-in-the-nordics/#> (accessed: 29.04.2023).
- Zueva A.S., Hrolenko T.S. (2019) Starenie naseleniya: ugroza demograficheskoy bezopasnosti ili potencial razvitiya serebryanoj ekonomiki [Population aging: a threat to demographic security or the development potential of the silver economy], *Vestnik RUDN, Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie*, 6(3), pp. 234–242. DOI: 10.22363/2312-8313-2019-6-3-234-242 (In Russian).

УДК 364.22; 364.23; 316.4

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ЕС: ВЫЗОВЫ «НОВОЙ» РЕАЛЬНОСТИ

© 2023 г. **ГОВОРОВА Наталья Викторовна***

Кандидат экономических наук, доцент

*Отдел экономических исследований, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

***E-mail:** *n_govorova@mail.ru*

Поступила в редакцию 14.03.2023

После доработки 23.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. На протяжении последних нескольких лет европейская экономика и социально-трудовая сфера находятся под давлением растущих цен на энергоносители и сырье, нехватки рабочей силы необходимой квалификации и возрастающей сложности для многих предприятий и граждан оплачивать счета в условиях падения реальных доходов населения и конкурентных преимуществ производства товаров и услуг. Антироссийские санкции поставили многие европейские домохозяйства на грань неплатежеспособности. При этом остаются проблемы, связанные с демографическим переходом, трансформацией промышленного производства и занятости, обусловленной цифровизацией всех видов деятельности и изменением социальных стандартов. В полной мере не преодолены последствия негативного воздействия пандемии *COVID-19* на рынок труда, уровень и качество жизни населения в ситуации неравномерного восстановления европейской и мировой экономики по регионам, отраслям и формам хозяйственной деятельности. В статье сделан анализ состояния и перспектив финансового положения европейских домохозяйств на фоне существенного замедления темпов экономического роста, беспрецедентной для региона инфляции и усилия властей по решению непростой проблемы преодоления кризиса стоимости жизни в ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская комиссия, качество и стоимость жизни, бедность, социальная защита и включенность, реальные и номинальные доходы, минимальная заработная плата, минимальный доход

DOI: 10.31857/S0201708323040083

EDN: bwzxpс

Среди ключевых тенденций последних лет, которые оказывают решающее воздействие на экономику, социальную и трудовую сферы Евросоюза, и, соответственно, на уровень и качество жизни европейцев, – демографические изменения, приводящие к сокращению численности рабочей силы и старению населения; преобразования на рынке труда; переход к цифровым и зеленым технологиям; анти-российские санкции. Кроме того, возникают новые риски в системах социальной защиты и социального обеспечения, детерминированных пандемией *COVID-19* и ее социально-экономическими последствиями. Проблематике данных трансформаций с учетом ситуации в области здравоохранения и образования, гендерных и возрастных аспектов посвящены исследования российских и зарубежных ученых [Гимпельсон, 2022; Капелюшников, 2022; Arnault et al., 2021; Dang, Nguyen, 2021].

Пандемия по-разному повлияла на различные группы населения и спровоцировала рост экономического и социального неравенства в трудовой жизни и сфере доходов. Здоровье и неравенство в доходах тесно связаны: в ЕС люди из квинтиля с самым низким доходом почти втрое чаще имеют инвалидность, чем самые богатые люди, и впятеро реже имеют возможность удовлетворить свои медицинские потребности [Eurofound, 2023]. Нельзя не согласиться с мнением европейских исследователей [Gray et al., 2022] о том, что люди, работающие в нестандартных условиях, в первую очередь женщины, молодежь, представители этнических меньшинств, синие воротнички, главным образом проживающие в отдаленных и/или отсталых с экономической точки зрения регионах, т. е. те, кто имел худшие гарантии занятости и условия труда до пандемии, оказались наиболее незащищенными. Прекариат продолжает оставаться в уязвимом положении в постпандемический период.

В странах Евросоюза растущая инфляция и замедление роста ВВП приводят к усилению неравенства. Это ставит под угрозу реализацию принципов Европейской опоры социальных прав (*European Pillar of Social Rights, EPSR*), представляющую современный этап развития социального измерения ЕС [Борко, Биссон, 2019], а также достижение целей Европейской комиссии (ЕК), которые установлены в марте 2021 г. в соответствии с десятилетним Планом действий по созданию сильной социальной Европы. К 2030 г. в ЕС-27 планируется достичь 78% уровня занятости трудоспособного населения, снижения бедности и социальной изоляции (*At risk of poverty or social exclusion, AROPE*) по крайней мере для 15 млн чел., добиться существенного прогресса в ежегодном профессиональном обучении и овладении основными цифровыми компетенциями.

Однако осуществление этих целей затруднено в силу как пространственной и отраслевой неравномерности развития территории ЕС, так и растущего уровня непредсказуемости перспектив мирового политэкономического развития [Говорова, 2022]. Косвенно данный тезис подтверждают результаты февральского опроса Евробарометра, согласно которым менее половины европейцев считают современное общество справедливым и равным¹. Подавляющее большинство граждан ЕС высказываются за активные действия по сокращению различий доходов на общеевропей-

¹ European Commission. Eurobarometer. Fairness, inequality and inter-generational mobility. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2652> (дата обращения: 24.01.2023).

ском и национальном уровнях, а также за увеличение социальных расходов на здравоохранение, долгосрочный уход, образование, пенсии, жилье, поддержку доходов, семейную политику и поддержку безработных за счет более высоких налогов для состоятельных домохозяйств.

Кризис стоимости жизни

Стоимость жизни – термин, используемый экономистами для обозначения суммы денег, которая необходима для поддержания определенного качества жизни (оплата жилья, продуктов питания, налогов и медицинского обслуживания). Под кризисом стоимости жизни (*cost-of-living crisis*) понимается падение реальных располагаемых доходов населения (т. е. скорректированных на инфляцию и после уплаты налогов и пособий). Один из важных параметров для анализа финансового положения домохозяйств – показатель «способность сводить концы с концами» (*ability to make ends meet*), который определяет, достаточно ли у семей денежных ресурсов; описывает общее финансовое положение жителей государств-членов ЕС (доходы, расходы и изменение покупательной способности в связи с инфляцией) и отражает динамику восстановления после кризиса *COVID-19*.

Экономические трудности чаще всего вызваны ростом стоимости жилья, здравоохранения, образования, продуктов питания и нестабильностью доходов [Alkhaili et al., 2022]. Согласно данным по десяти государствам-членам ЕС (Бельгия, Болгария, Ирландия, Франция, Италия, Люксембург, Австрия, Словения, Словакия и Финляндия), в III кв. 2022 г. большинство европейцев сообщили не только о стабильном или увеличившемся уровне дохода, но и о возрастающих трудностях при ведении хозяйства по сравнению с предыдущими кварталами¹. В этот период доля населения, которая смогла легко или очень легко свести концы с концами, колебалась от 24,1% в Болгарии до 69,4% в Финляндии. Она снизилась по сравнению с предыдущим кварталом во всех странах, за исключением Словении, Болгарии и Италии. Доля населения, которая с большим трудом, с трудом или с некоторым трудом сводила концы с концами, увеличилась на четверть. При этом молодые люди непропорционально сильно страдают от кризиса стоимости жизни на фоне растущей (по сравнению с февралем 2022 г.) безработицы среди молодежи. Ухудшение экономических условий не способствует развитию карьеры, получению необходимого образования и профессиональных навыков.

Другой индикатор финансового положения домохозяйств – изменение их чистых доходов. В III кв. 2022 г. большинство населения сообщило, что доход их домохозяйства оставался более или менее стабильным в течение года, предшествовавшего опросу. Доля населения, указавшего на увеличение дохода, колебалась между 7,3 и 32,2% среди стран-участниц. Процент населения, заявившего о снижении доходов, варьировался в пределах 5,5–35,8%. Еще до начала кризиса стоимости жизни почти

¹ Eurostat. Statistics explained. Living conditions - quarterly statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Living_conditions_-_quarterly_statistics (дата обращения: 4.04.2023).

каждый десятый работник в ЕС-27 столкнулся с угрозой бедности. В 2021 г. уровень риска бедности населения в ЕС был 16,8 в целом и 20,1% среди молодежи в возрасте 15–29 лет, а уровень тяжелой материальной и социальной депривации составлял 6,3 и 6,1% соответственно. Реальная стоимость государственных пенсий также падала, что грозит многим гражданам старшего поколения сокращением продолжительности и качества жизни, т. к. еще в 2021 г. около 18 млн из них жили на грани бедности. В этих условиях страны ЕС частично возмещают потребителям стоимость электроэнергии, выплачивают единовременные субсидии на различные виды топлива и транспорт, снижают/ограничивают НДС и цены на газ. Проанализировав основные переменные по динамике социальной интеграции и условиям жизни (изменение доходов домохозяйств, качество жизни и финансовые трудности), следует сделать вывод, что данная ситуация отражает резкий скачок цен с начала 2022 г. и неравномерное воздействие инфляции на население в странах ЕС, когда цены на многие товары первой необходимости росли быстрее, чем доходы домохозяйств.

С начала текущего года рост стоимости жизни – самая серьезная проблема для большинства европейцев¹. На втором месте – угроза бедности и социальной изоляции. Повышение цен на энергоносители и продукты питания затрагивает все социально-демографические, а также образовательные и профессиональные категории населения, поэтому поддержка экономики и создание новых рабочих мест граждане считают первоочередной задачей национальных правительств и ЕС. Европейская экономика не полностью восстановилась после пандемии, и риски последствий антироссийских санкций, такие как энергетический кризис; снижающийся на фоне растущей инфляции спрос; замедление роста ВВП, особенно болезненны для уязвимых слоев населения [Фейгин и др., 2022; Ebbinghaus, 2021] и конкурентоспособности экономических агентов в промышленном секторе, где задействованы десятки миллионов работников. ВВП ЕС-27 последовательно снижался с осени 2021 г. Так, 2022 год Евросоюз закончил со следующими результатами (Табл. 1).

Есть отдельные данные (оценки) за январь 2023 г.: инфляция в еврозоне – 8,5% (от 5,8% в Испании и Люксембурге до 21,6% в Латвии); по энергетической инфляции лидирует Италия (43,3%); в Нидерландах дефляция (–0,3%). В Европе на этом фоне звучат призывы (европарламентарии, профсоюзы, члены ЕК) к внедрению финансовых инструментов для решения проблем, вызванных энергетическим кризисом, и к созданию нового европейского фонда восстановления по аналогии с Европейским инструментом временной поддержки для снижения рисков безработицы в чрезвычайной ситуации (*European instrument for temporary Support to mitigate Unemployment Risks in an Emergency, SURE*).

Проблемы, которые в последнее время приходится преодолевать европейскому населению и бизнесу, заключаются в растущих трудностях оплаты жилищно-коммунальных услуг в условиях роста номинальной, но снижения реальной зара-

¹ European Parliament. Press Releases. Europeans concerned by cost-of-living crisis and expect additional EU measures. 12-01-2023. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230109IPR65918/europeans-concerned-by-cost-of-living-crisis-and-expect-additional-eu-measures> (дата обращения: 24.01.2023).

ботной платы работников и падения конкурентоспособности компаний энергоемких секторов. Это происходит на фоне несоответствия профессиональных навыков части рабочей силы реальным потребностям цифровой экономики, молодежной безработицы и высокого числа молодых людей вне занятости, образования или обучения. Всемирный экономический форум и Международный валютный фонд предрекают Евросоюзу в текущем году слабый рост (на грани рецессии), высокие темпы инфляции и падение потребительского спроса. Однако организации настроены оптимистично относительно снижения инфляции, улучшения потребительских настроений и уменьшения остроты кризиса жизни к концу 2023 г.

Таблица 1

Основные социально-экономические параметры ЕС, 2022 г., %

Показатель	Период времени	ЕС-27	Минимум	Максимум
ВВП, годовые темпы роста	IV кв.	0,0	-1,7 (Литва)	3,5 (Ирландия)
Инфляция	декабрь	10,4	5,5 (Испания)	25 (Венгрия)
Энергетическая инфляция		25,5	-6,9 (Испания)	65,1 (Италия)
Продуктовая инфляция		18,2	15,5 (Дания, Греция)	49,6 (Венгрия)
Безработица		6,1	2,9 (Чехия)	13,1 (Испания)
Индекс цен на жилье	III кв.	7,4	-2,4 (Дания)	24,2 (Эстония)

Составлено автором по данным *Eurostat*.

Действия на общеевропейском уровне

Антироссийские санкции обернулись серьезным вызовом для европейской экономики и социальной модели, прежде всего для экономического постпандемического восстановления, в условиях роста цен на энергоносители и продолжения зеленого перехода. В ЕС часть промышленных предприятий перестала функционировать в период пандемии и в связи со снижением спроса из-за санкций. В последнее время бизнес начал перемещать производства в США в силу более благоприятных условий, в частности из-за более низких цен на энергию. В современных условиях необходимо смягчить резкий рост стоимости энергии и сырья, а также противостоять многочисленным дефицитам, затрагивающим экономических операторов и нарушающим цепочки поставок. Важно укреплять внутренний энергетический рынок на реалистичной и ограниченной по времени основе, диверсифицировать источники энергии и маршруты поставок, а также обеспечить фундамент для увеличения государственных и частных инвестиций.

Смягчение последствий энергетического перехода и всплеска инфляции для населения в целом и особенно для наиболее неблагополучных домохозяйств в свете перспектив рецессии в ЕС и ее последствий для занятости, уровня и качества жизни представляется наиболее актуальной задачей и требует незамедлительных действий наднациональных властей. В 2021 г. каждый пятый человек в ЕС-27 находился в

статусе *AROPE*. В период растущих расходов практически на всю номенклатуру товаров и услуг, в особенности на энергоносители и продукты питания, системы социальной защиты становятся значимым инструментом поддержки и (ре)интеграции людей на рынок труда. Совершенствование систем социальной защиты необходимо в отношении безработных, немалая часть которых не имеет права на получение какой-либо поддержки доходов.

Летом 2022 г. в результате череды непростых переговоров было достигнуто политическое соглашение по Директиве о минимальной заработной плате (МЗ), стимулирующей установление ее адекватного уровня при помощи коллективных переговоров, охват которыми увеличивается до 80%. Директива не изменит социальную модель государств-членов, в которой этот вопрос относится исключительно к компетенции социальных партнеров: Швецию, Австрию, Данию, Финляндию, Италию и Кипр не будут обязывать вводить МЗ. Странам необходимо, учитывая собственные социально-экономические реалии, перспективы и покупательную способность населения, дать оценку достаточности законодательно установленного минимального размера оплаты труда на основе общих базовых критериев (60% от медианной заработной платы или 50% от средней заработной платы до вычета налогов). Новая директива заставит национальные власти соотносить стоимость жизни и минимальные заработки. Пока в 18 странах ЕС перевес не на стороне трудящихся¹: семь из 10 работников с МЗ сообщили о том, что им трудно сводить концы с концами. Со II кв. 2021 г. по II кв. 2022 г. произошло рекордное с начала столетия снижение (в реальном выражении) установленной законом МЗ. Она выросла в среднем на 7,6% в 21 стране ЕС, а уровень инфляции – на 12,4%. Это означает ошутимое падение действительной стоимости МЗ, что негативно влияет на возможности людей оплачивать расходы на еду, арендную плату и энергию. Наиболее резкое снижение произошло в Латвии, Чехии, Эстонии и Словакии.

Среди основных мер по таргетированию цен на продовольствие, предпринятых европейскими правительствами в последние месяцы, следует отметить снижение налогов (НДС до нулевого значения на корзину основных продуктов питания), ограничение цен на продукты питания, более низкая норма прибыли для розничной торговли, жесткий контроль цен магазинов, транспортных фирм и производителей продуктов. Другая проблема – это энергетическая (топливная) бедность. От нее страдают почти 34 млн европейцев, которые не в состоянии содержать дома в тепле. ЕК предлагает применять это определение к уязвимым домохозяйствам, чьи расходы на энергию составляют значительную долю располагаемого дохода, в частности, из-за низкого качества жилья, задолженности по коммунальным платежам вследствие финансовых трудностей или ограниченного доступа к основным энергетическим услугам. Помощь населению должна осуществляться в рамках Социального климатического фонда (*Social Climate Fund, SCF*). Он предназначен для поддержки домохозяйств в низших децилях и тех, у кого ограничен доступ к недорогим общественным или альтернативным видам транспорта, необходимым для

¹ Bulletin Quotidien Europe. 2022. No. 12966. 08.06.

удовлетворения основных социально-экономических потребностей, т. е. транспортных бедняков¹. Фонд начнет деятельность только в 2026 г.

Среди проблем, стоящих перед европейскими властями различных уровней, крайне важными следует признать бедность, неравенство в трудовой сфере и бездомность, растущую в большинстве государств-членов. Эти взаимосвязанные вопросы целесообразно решать с учетом Рекомендации Комиссии по энергетической бедности² и пересмотра Директивы по энергоэффективности³. Адекватная заработная плата – ключевой элемент обеспечения достойных условий жизни и труда работников и преодоления межпоколенческих циклов неблагополучия. В данном контексте необходимо привести социальную защиту в соответствие со структурными сдвигами, такими как цифровизация экономики, демографический переход, распространение различных форм нестандартной занятости, новые формы мобильности рабочей силы.

Новые возможности для решения проблем связаны с социальной экономикой. Она должна создавать рабочие места и решать ключевые социальные проблемы в разных секторах посредством социальных инноваций. Оплачиваемая занятость в социальной экономике варьируется от 1 до 10% от общей численности рабочей силы в государствах-членах, что свидетельствует о неиспользованном экономическом потенциале. Совершенствование модели минимального дохода (МД)⁴ – одного из ключевых принципов Европейской опоры социальных прав по направлению «Социальная защита и включенность» – может повысить возможности действительно смягчать социальные риски. Осенью 2022 г. ЕК предложила странам ЕС модернизировать национальные схемы МД, дополнив их стимулами для (ре)интеграции в рынок труда на основе персонализации и более эффективного доступа к образовательным, медицинским услугам и консультациям по социальной интеграции и трудоустройству. Эти схемы трансформируются в активный инструмент стимулирования занятости, что актуально для уязвимых слоев населения в ситуации рецессии, роста стоимости жизни, и окажут позитивное влияние на достижение целей ЕС по сокращению числа людей, подверженных *AROPE*, и обеспечению целевого уровня занятости к 2030 г.

Для того чтобы привлечь большее число людей на рынок труда, особенно молодежи и женщин (последние больше страдают от роста цен на энергоносители из-за 13% разрыва в оплате труда по сравнению с мужчинами [Eurofound, 2022]), и придать стимул обучению на протяжении всей жизни, 2023 г. объявлен Европейским годом профессиональных навыков. В рамках этой инициативы ЕК призывает

¹ European Parliament. Press Releases EMPL, ENVI. Social Climate Fund to help those most affected by energy and mobility poverty. 18-05-2022. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20220516IPR29635/social-climate-fund-to-help-those-most-affected-by-energy-and-mobility-poverty> (дата обращения: 27.03.2023).

² Commission Recommendation (EU) 2020/1563 of 14 October 2020 on energy poverty.

³ Directive 2012/27/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on energy efficiency, amending Directives 2009/125/EC and 2010/30/EU and repealing Directives 2004/8/EC and 2006/32/EC Text with EEA relevance.

⁴ МД – денежные выплаты нуждающимся домохозяйствам с целью обеспечить уровень дохода, позволяющий вести достойную жизнь.

государства-члены выделять достаточное количество средств из Европейского социального фонда плюс (*European Social Fund Plus, ESF+*), Фонда восстановления и повышения устойчивости (*Recovery and Resilience Facility, RRF*), Фонда поддержки малого и среднего бизнеса (*SME Fund*), программ «Цифровая Европа» (*Digital Europe*), «Горизонт Европа» (*Horizon Europe*), Эразмус Плюс (*Erasmus+*) и др., способных поддержать развитие навыков, а также поощрять университеты привести учебные программы в соответствие с потребностями рынка труда, уделять особое внимание сохранению рабочих мест с доступом к обучению для пожилых людей, молодежи и жителей отдаленных регионов¹. Эти меры, если экономическая конъюнктура не ухудшится, смогут оказать положительное влияние на сокращение гендерного неравенства на рынке труда, улучшение положения трудящихся без профессиональной квалификации и функционирование малого и среднего бизнеса, испытывающего трудности с поиском работников в период цифрового перехода.

На ситуацию в социально-трудовой сфере в странах ЕС серьезно повлиял приток беженцев из Украины. Среди основных проблем – интеграция на рынок труда, обеспечение языковыми курсами и предоставление жилья. В марте 2022 г. Евросоюз активировал Директиву о временной защите 2001 г., которая установила правовые нормы, позволяющие регулировать массовое прибытие людей². Временной защитой, которая будет действовать до марта 2024 г., пользуются 4,2 млн украинцев. Кроме того, Комиссия дает рекомендации государствам-членам по ускорению признания дипломов и квалификаций, учету проблем доступа к уходу за детьми. Предлагается также поддерживать работодателей, нанимающих беженцев, и финансировать создание беженцами стартапов. Права бенефициаров схемы временной защиты ЕС включают доступ к занятости в соответствии с правилами, применимыми к профессии, а также с национальной политикой на рынке труда и общими условиями занятости.

С марта 2022 г. Евростат собирает данные о беженцах, которые зарегистрированы в качестве безработных в национальных государственных службах занятости. В феврале 2023 г. 279 тыс. беженцев из Украины, получающих помощь по схеме временной защиты ЕС, зарегистрированы как безработные в 21 стране. Принимая во внимание значительное число украинских просителей убежища в государствах-членах, недостаток инфраструктуры, финансов и солидарности в отношении принципов их распределения по странам ЕС [Потемкина, 2022] и невысокую экономическую активность мигрантов, можно утверждать о возросших рисках увеличения нагрузки на социальную модель и снижения уровня и качества жизни европейцев.

* * *

Социально-экономическое развитие Евросоюза под угрозой из-за рекордного повышения процентных ставок, которое не только увеличивает давление на нахо-

¹ Bulletin Quotidien Europe. 2023. No. 13098. 13.01.

² Proposal for a Council implementing decision establishing the existence of a mass influx of displaced persons from Ukraine within the meaning of Article 5 of Council Directive 2001/55/EC of 20 July 2001, and having the effect of introducing temporary protection.

дящиеся в сложном финансовом положении семьи, но и препятствует государственным и частным инвестициям. Рост ВВП неуклонно снижается, высока вероятность рецессии, индекс потребительских цен удвоился по сравнению с концом 2021 г., а энергетическая инфляция достигла двухзначных значений весной 2021 г. и более чем вдвое выросла к настоящему времени. В силу закрытия или переноса многих производств в другие регионы мира безработица будет расти, в то время как механизмы поддержки работников и населения носят во многом только перспективный характер. Несмотря на то что общая инфляция начинает снижаться, давление цен на продовольствие сохраняется. Многие семьи с трудом сводят концы с концами, что вызывает протесты по всей Европе. Социальное недовольство усугубляется, в то время как цены на энергоносители и инфляция предсказуемо вырастут вслед за ценами на нефть после решения ОПЕК+ о сокращении добычи нефти.

Деятельность институтов ЕС и национальных властей по смягчению последствий постпандемического и санкционного кризисов трудно назвать удовлетворительной. В текущем году граждане стран Союза столкнулись с дальнейшим ухудшением уровня жизни, поскольку номинальная заработная плата растет медленнее инфляции, что приводит к снижению покупательной способности работников. Меры со стороны европейских институтов не соответствуют масштабам и глубине кризиса стоимости жизни. Растущие цены на энергоносители настоятельно требуют большей гибкости структурных фондов ЕС и задействования их в решении данных вопросов, т. к. европейцы одновременно переживают крупный энергетический и инфляционный кризис. Европейским домохозяйствам и предприятиям необходимо адаптироваться к постоянным неблагоприятным факторам в течение нескольких лет. Слабый спрос и высокие затраты по займам значительно повлияют на деловую активность, что уменьшает возможности снижения остроты кризиса к концу текущего года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борко Ю.А., Биссон Л.С. (2019) Европейская интеграция: перезапуск идеи «социальной Европы». *Современная Европа*. № 6(92). С. 5–18.

Гимпельсон В.Е. (2022) Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях коронакризиса. *Вопросы экономики*. № 2, С. 69–94.

Говорова Н.В. (2022) Занятость в ЕС: постиндустриальные вызовы и перспективы, *Современная Европа*, № 4(111), С. 148–159.

Капельюшников Р.И. (2022) Анатомия коронакризиса через призму рынка труда. *Вопросы экономики*. № 2. С. 33–68.

Потемкина О.Ю. (2022) Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 7–15.

Фейгин Г.Ф., Ефимова Т.В., Лобок Д.В., Маслова Н.В., Хольнова Е.Г. (2022) *Молодежь на рынке труда в странах Европейского союза*. Социально-трудовые конфликты. Вып. 39. СПбГУП, Санкт-Петербург. 200 с.

Alkhaili M., Yang G., Albahar M., Alrashdi A. (2022) Wellbeing Determinants of Household's Ability to Make Ends Meet – A Hierarchical Regression Model for Abu Dhabi. *International Journal of Social Sciences and Economic Review*. No. 4(3). P. 25–36. DOI: doi.org/10.36923/ijsser.v4i 3.175

Arnault L., Jusot F., Renaud T. (2022) Economic vulnerability and unmet healthcare needs among the population aged 50+ years during the COVID-19 pandemic in Europe. *Eur J Ageing*, No. 19. P. 811–825. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-021-00645-3>

Dang H.A.H., Nguyen C.V. (2021) Gender inequality during the COVID-19 pandemic: Income, expenditure, savings, and job loss. *World Development*. No. 140. 105296. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13824/gender-inequality-during-the-covid-19-pandemic-income-expenditure-savings-and-job-loss> (accessed: 08.04.2023).

Ebbinghaus B. (2021) Inequalities and poverty risks in old age across Europe: The double-edged income effect of pension systems. *Social Policy and Administration*. Vol. 55. No. 3. P. 440–455. DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12683>

Eurofound (2022) *The cost-of-living crisis and energy poverty in the EU: Social impact and policy responses – Background paper*. Eurofound, Dublin, Ireland. 8 p. DOI: 10.2806/260157

Eurofound (2023) *Economic and social inequalities in Europe in the aftermath of the COVID-19 pandemic*. Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. 94 p. DOI: 10.2806/439913

Gray B., Kyle R., Song J., Davies A. (2022) Characteristics of those most vulnerable to employment changes during the COVID-19 pandemic: A nationally representative cross-sectional study in Wales. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 76. No. 1. P. 8–15. DOI: 10.1136/jech-2020-216030

Living Standards and Quality of Life in the EU: Challenges of “New” Reality

N.V. Govorova*

Candidate of Sciences (Economics), Assistant Professor

Leading Researcher at the Department of Economic Studies, Institute of Europe RAS

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** n_govorova@mail.ru

Abstract. Over the past few years, the European economy and the social and labor sphere have been caught in the crossfire of rising energy and commodity prices, a shortage of skilled labor, and the increasing difficulty for many businesses and citizens to pay their bills amid falling real household incomes and the competitive advantages of goods and services production. The anti-Russian sanctions have put many European households on the brink of insolvency. At the same time, problems associated with the demographic transition, the transformation of industrial production and employment due to the digitalization of all kinds of activities, and changes in social standards have not disappeared. The consequences of the negative impact of the COVID-19 pandemic on the labor market, the level and quality of life of the population in a situation of uneven recovery of the European and world economy by regions, industries and forms of economic activity have not been fully overcome. The article analyses the state and prospects of the financial situation of European households against the background of a significant slowdown in economic growth, unprecedented inflation in the region and the efforts of the authorities to solve a complicated problem of overcoming the cost-of-living crisis in the EU.

Key words: European Union, European Commission, quality and cost of living, poverty, social protection and inclusion, real and nominal income, minimum wage, minimum income

DOI: 10.31857/S0201708323040083

EDN: bwzxp

REFERENCES

- Alkhaili M., Yang G., Albahar M., Alrashdi A. (2022) Wellbeing Determinants of Household's Ability to Make Ends Meet – A Hierarchical Regression Model for Abu Dhabi, *International Journal of Social Sciences and Economic Review*, 4(3), pp. 25–36. DOI: doi.org/10.36923/ijsser.v4i 3.175
- Arnault L., Jusot F., Renaud T. (2022) Economic vulnerability and unmet healthcare needs among the population aged 50+ years during the COVID-19 pandemic in Europe, *Eur J Ageing*, 19, pp. 811–825. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10433-021-00645-3>
- Borko Yu.A., Bisson L.S. (2019) Evropejskaya integraciya: perezapusk idei – “social’noj Evropy” [European Integration: Relaunching the idea of a – “social Europe”], *Sovremennaya Evropa*, 6, pp. 5–17. (In Russian).
- Dang H.A.H., Nguyen C.V. (2021) Gender inequality during the COVID-19 pandemic: Income, expenditure, savings, and job loss, *World Development*, 140, 105296. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/13824/gender-inequality-during-the-covid-19-pandemic-income-expenditure-savings-and-job-loss> (accessed: 08.04.2023).
- Ebbinghaus B. (2021) Inequalities and poverty risks in old age across Europe: The double-edged income effect of pension systems, *Social Policy and Administration*, 55(3), pp. 440–455. DOI: <https://doi.org/10.1111/spol.12683>
- Eurofound (2022) *The cost-of-living crisis and energy poverty in the EU: Social impact and policy responses – Background paper*, Eurofound, Dublin, Ireland. DOI: 10.2806/260157
- Eurofound (2023) *Economic and social inequalities in Europe in the aftermath of the COVID-19 pandemic*, Publications Office of the European Union, Luxembourg, Luxembourg. DOI: 10.2806/439913
- Fejgin G.F., Efimova T.V., Lobok D.V., Maslova N.V., Hol'nova E.G. (2022) *Molodezh' na rynke truda v stranah Evropejskogo soyuza* [Youth in the labor market in the countries of the European Union], *Social'no-trudovye konflikty*, 39, SPbGUP, Sankt-Peterburg, Russia. (In Russian).
- Gimpel'son V.E. (2022) Zarplata i potoki na rossijskom rynke truda v usloviyah koronakrizisa [Wages and labor market flows in times of the corona crisis], *Voprosy ekonomiki*, 2, pp. 69–94. (In Russian).
- Govorova N.V. (2022) Zanyatost' v ES: postindustrial'nye vyzovy i perspektivy [Employment in the EU: post-industrial challenges and prospects], *Sovremennaya Evropa*, 4(111), pp. 148–159. (In Russian).
- Gray B., Kyle R., Song J. and Davies A. (2022). Characteristics of those most vulnerable to employment changes during the COVID-19 pandemic: A nationally representative cross-sectional study in Wales, *Journal of Epidemiology and Community Health*, 76(1), pp. 8–15. DOI: 10.1136/jech-2020-216030
- Kapelyushnikov R.I. (2022) Anatomiya koronakrizisa cherez prizmu rynka truda [The anatomy of the corona crisis through the lens of the labor market adjustment], *Voprosy ekonomiki*, 2, pp. 33–68. (In Russian).
- Potemkina O.Yu. (2022) Ukrainskie bezhency v Evrosoyuze: novyj migracionnyj krizis? [Ukrainian refugees in the EU: a new migration crisis?], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 2, pp. 7–15. (In Russian).

УДК 327

ЭКУМЕНИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ: АДАПТАЦИЯ К СЕКУЛЯРНОМУ ОБЩЕСТВУ¹

© 2023 г. СМЕРНОВ Михаил Юрьевич*

Доктор социологических наук

Институт Африки Российской академии наук, Москва;

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

196605, Россия, Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, д. 10

***E-mail:** *mirsnov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 14.03.2023

После доработки 22.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. Идеология экуменизма опирается на евангельские основания и направлена на достижение общехристианского единства. Историческая дифференциация христианства и различные обстоятельства развития церквей обусловили внутреннюю разнородность экуменического движения. Каждое из направлений христианства руководствуется собственной теологической трактовкой экуменизма. Их доктринального согласования не удастся достичь. Политическая ситуация в мире и положение национальных церквей внутри стран также препятствуют организационному объединению. В связи с этим экуменические организации, главным образом Всемирный совет церквей и Конференция европейских церквей, развивают программы диалога и сотрудничества, которые направлены на евхаристическое и богослужбное общение верующих разных христианских исповеданий, а также на проведение совместных социальных служений. Экуменическое движение в XX в. развивалось практически синхронно с развертыванием широкомасштабной секуляризации. Секулярный характер современных европейских обществ обуславливает приоритет социальной деятельности над теологической в экуменическом движении. Очевидна зависимость международных экуменических организаций от текущей политики: эти организации в настоящее время следуют идеологической риторике руководящих органов Евросоюза. Современное экуменическое движение трансформируется: выходит за пределы

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект 19-18-00054-П.

внутрихристианского сотрудничества и включается в межрелигиозный диалог и диалог с нерелигиозными институтами современного общества.

Ключевые слова: экуменизм, христианство, секулярное общество, Всемирный совет церквей, Конференция европейских церквей, религия и политика

DOI: 10.31857/S0201708323040095

EDN: bxfvda

Экуменизм является неотъемлемым свойством христианской культуры, поскольку его фундаментальный постулат – это единство верующих в Иисуса Христа как Бога и Спасителя в соответствии со Священным Писанием вне зависимости от конкретной церковной принадлежности христиан¹. Основополагающей вероучительной установкой выступают слова Христа: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). Однако двухтысячелетний путь христианства в условиях наполненного разными противоречиями социально-исторического процесса постоянно сопровождается большими и малыми разделениями, расколообразующими конфликтами, умножающейся дифференциацией религиозных организаций².

На протяжении всей истории христианству сопутствовала потребность в единстве, возникали теологические трактовки оснований и способов межконфессиональной консолидации³. В итоге внутри христианской церковности разных стран в первой половине XX в. получили распространение инициативы по формированию международного экуменического движения за всехристианское единство⁴. Это движение носит межконфессиональный характер, хотя преобладающая роль здесь принадлежит протестантским организациям.

Идеология экуменизма: религиозный смысл и социальный подтекст

В силу разной конфессиональной идентичности совокупных субъектов экуменического движения и различий в этнокультурных и социально-политических условиях их существования идеология экуменизма не имеет универсального значения в христианской среде.

С одной стороны, ведущие идеи экуменического движения – взаимное признание христианами разных конфессий единого крещения во Христе и совместное литургическое общение [Киннемон, Коуп, 2002: 600–603]. Они реализуются в общих

¹ Ecumenism. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/ecumenism> (дата обращения: 01.03.2023).

² Zurlo G.A., Johnson T.M. (ed.) World Christian Encyclopedia. Edinburgh. Edinburgh University Press. 2019. 1000 p.

³ Rouse R., Neill S.Ch. (ed.) A History of the Ecumenical Movement. 1517–1948. WCC Publications. Geneva. 2004. 870 p.

⁴ Christianity – Ecumenism since the start of the 20th century. Encyclopedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/Christianity/Ecumenism-since-the-start-of-the-20th-century> (дата обращения: 01.03.2023).

молитвенных практиках приверженных экуменизму христиан разных конфессий (например, движение Тэзе¹), однако встречают заметное неприятие консервативной традиционалистской части верующих как отступничество. С другой стороны, историческая конкретика церковных разделений отражена в теологических доктринах, в которых эkkлeсиологические концепты интерпретируют общехристианские постулаты (библейские, канонические) согласно эксклюзивистским конфессиональным интересам.

Протестантская эkkлeсиология в целом принимает организационное разделение христианских церквей. Протестанты понимают единство как согласие в принципиальных вопросах вероучения при допустимости частных теологических и богослужебных расхождений и совместность действий в мирских сферах жизни христиан. Католическая² и православная³ трактовки христианского единства разделяют идею сотрудничества верующих, однако рассматривают в качестве основания собственные конфессиональные традиции. Последние считаются свидетельствами «истинной Церкви», а вероучительные расхождения с ними – препятствием для единства [Макеева, 2021: 143–148]. Конфессиональный эксклюзивизм остается существенным препятствием для консолидации христианства [Хубер, 2006].

Религиозным смыслом экуменического движения всегда выступает стремление к всехристианскому единству на основе общности исповедания тех вероучительных представлений, которые разделяют практически все конфессиональные направления. При этом участники движения понимают, что полной доктринальной унификации достичь невозможно, поэтому усилия сосредоточены на согласовании и сближении теологических и богослужебных позиций, что снизит остроту расхождений по вопросам вероучения внутри христианской среды.

Неопределенность перспективы достижения взаимоприемлемых доктринальных позиций привела к изменению направленности экуменических инициатив от попыток выработки теологического консенсуса к поиску сфер, в которых возможно и необходимо деловое сотрудничество христиан разной конфессиональной принадлежности [Irvin, 2016: 3–22]. Такими сферами стали мирские, социальные и политические. Включенность в них потребовала организационной и структурной упорядоченности, привела к образованию ряда международных экуменических организаций, занимающихся конкретными вопросами отношения христиан к семейным и нравственным ценностям, общественным явлениям, экономике, политическим ситуациям.

¹ Клеман О. Тэзе. От тревоги к доверию. Изд-во ББИ св. апостола Андрея. 2015. 112 с.

² Правило по применению принципов и норм экуменизма. Папский совет по содействию христианскому единству. Ватикан. Typis vaticanis. 1993. 114 с.; В поисках христианского единства: к 40-летию принятия декларации Unitatis redintegratio. Москва. Изд-во ББИ св. апостола Андрея. 2009. 352 с.

³ Приложение: Участие в международных христианских организациях и диалогах с так называемым «экуменическим движением». Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославии. Сборник документов и материалов юбилейного Архиерейского собора Русской православной церкви (Москва, 13–16.08.2000 г.). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html> (дата обращения: 10.03.2023).

Общий социально-исторический контекст существования церквей во второй половине XX в. не способствовал эффективной реализации религиозно-мировоззренческих интенций экуменизма. Существенной стороной этого контекста стала нарастающая секуляризация всех сторон общественной жизни. Заметная девальвация авторитета и влияния религиозных институтов на значительные контингенты населения, особенно в странах с постиндустриальным вектором развития, привела к реструктуризации системы религиозных практик и к снижению их востребованности [Inglehart, 2021].

Зримый признак современного секулярного общества – неуклонное замещение конфессиональной регламентация поведения у последователей религий светскими функциональными эквивалентами, нарастающими в культуре и социальных отношениях. Вероучительные идеи религий остаются предметом уважительного признания, но не актуальной потребности, поскольку верующие не находят в них действенных ответов на жизненно важные вопросы. Религиозная мотивация поведения не исчезает, а адаптируется к нуждам житейской повседневности приверженцев религий [Андреева и др., 2021: 157, 184–188]. Низкий уровень востребованности христианами вероучительных знаний тревожит экуменические организации. Они стремятся повысить активность в этом направлении, однако приоритет с неизбежностью переходит к вневероисповедной социальной проблематике.

Официальные документы и деятельность экуменических организаций в первой четверти XXI в. показывают, что их ведущую повестку наполняют темы сотрудничества христианских церквей и деноминаций в решении конкретных социально-политических проблем (расизм и ксенофобия, биоэтика, защита прав и свобод человека, предотвращение войн и конфликтов). Поиск общности христиан приводит не столько к вероучительному взаимопониманию, сколько к внецерковному и даже внерелигиозному видению этических проблем. Доктринальность замещается историко-культурным контентом (например, представление о благе смещается от эсхатологического к гуманистическому) [Гизбрехт, Тарабанов, 2020: 70–77]. Экуменизм секуляризируется и становится стратегией церковной деятельности в современном обществе [Хулап, 2018: 119–142].

Исходные новозаветные установки на единство в Боге оказываются маргинальными в мистико-сотериологическом значении, но приобретают характер актуальной мотивации к социальной активности. Об угасании теологической составляющей экуменизма и развороте к практическому христианству свидетельствует незаявленное публично или в официальных документах, но фактически произошедшее замещение идеологемы объединения христианских церквей на идеологему единства христиан через общение в молитвенных и социальных служениях [Токсанбаев, 2021: 69–78]. Установка на объединение трансформируется в практику диалогичности и сотрудничества как межцерковного (в христианской среде), так и межрелигиозного [Мельник, 2022]. Формируется расширенное понимание экуменизма как межконфессионального и межрелигиозного диалога для консолидации социальных действий разных религиозных сообществ [Федоров, Сизоненко, 2020: 210–218].

Такая трансформация дискурса экуменической идеологии может расходиться с позицией конкретных церковных организаций. Экуменизм критикуют как идеологического спутника глобализации, неприемлемой для консервативного сознания. Возникает феномен антиэкуменизма [Шишков, 2017: 310–311], который основывается не столько на религиозных воззрениях (противники далеко не всегда знакомы с экуменическими концепциями), сколько на опасении утраты идентичности. Когда конкретное исповедание веры считается основой национальной культуры, традиций, повседневного жизненного мира, тогда сохранение соответствующего богослужебного уклада становится фактором идентичности и требует охранительной стратегии.

Осуществлять экуменическую миссию в секулярном обществе, полагаясь только на авторитет исторического влияния христианства, оказалось невозможно. Конфессиональные доктрины явно не сочетаются друг с другом, а все вместе и каждая в отдельности не совпадают с мирскими потребностями верующих. Такие ключевые религиозные темы, как евангелизация, проповедование, обращение в христианство, – становятся фактически факультативными.

В этой связи миссия церквей все чаще ассоциируется с участием в решении актуальных социально-политических проблем. Это требует расширения спектра взаимоотношений и совместных действий христианских организаций во внецерковных сферах и становится отправной точкой политического активизма последователей христианских церквей [Лункин, 2020].

Для такой стратегии экуменическое движение должно было сформировать устойчивую внутреннюю структуру, обрести организационную гибкость и выработать способы интеграции в политическую систему современных обществ. В связи с этим главным внешним атрибутом экуменизма за прошедшие сто лет (с 1920-х гг.) стала нарастающая организационная институционализация¹. Наиболее влиятельные представители экуменизма – Всемирный совет церквей (ВСЦ) и входящая в его состав Конференция европейских церквей (КЕЦ).

Всемирный совет церквей: эволюция формата

Появление экуменических организаций началось с протестантской Всемирной миссионерской конференции 1910 г. в Эдинбурге. Последствием ее решений стало создание Международного миссионерского совета (1921 г.), международных обществ «Жизнь и деятельность» (1925 г., занималось выработкой христианской позиции в общественно-политической и экономической областях), «Вера и порядок (церковное устройство)» (1927 г., имело целью воссоединение разрозненных деноминаций). В 1938 г. началась работа по слиянию этих организаций, завершившаяся

¹ Речь идет об организационном формате экуменизма, который сложился в христианской среде XX века. Предшествовавшая история христианства, его внутренние межконфессиональные отношения и диалог с другими религиями также иногда рассматривается сквозь призму понятия экуменизма [Брусиловский, 2016: 51–58].

на Первой ассамблее в Амстердаме (1948 г.) учреждением Всемирного совета церквей (ВСЦ)¹. Центр ВСЦ находится в Женеве.

В середине XX в. большинство церквей-участниц ВСЦ располагались в Европе и Северной Америке. Это обстоятельство вело к доминированию западных приходов и противоречило идеи глобального единения христиан. Однако существовали опасения, что создание региональных экуменических организаций приведет к фрагментации и ослаблению единства движения². Риски обозначились также в тенденции формирования на основе экуменизма единой сверхрелигии, грозящей утратой конфессиональной идентичности и христианской сакральности [Диноршоева, 2021: 67–73]. Эти противоречия сопровождают экуменическое движение на протяжении всего его существования.

Баланс между церквями всех сторон света постепенно устанавливался через расширение географического спектра участников ВСЦ. Первой региональной организацией стала Восточноазиатская христианская конференция (1957 г.). За ней последовало учреждение Конференции европейских церквей (1959 г.). Наряду с протестантскими церквями к движению примкнули дохалкидонские и православные (в т. ч. в 1961 г. Русская православная церковь³). Римско-католическая церковь принимает в организациях движения преимущественно наблюдательное участие и иногда выступает соучредителем региональных объединений.

Среди наиболее известных протестантских международных экуменических объединений – Всемирная лютеранская федерация, Всемирный методистский совет, Всемирный альянс реформатских церквей, Всемирный пресвитерианский союз, Всемирный союз баптистов, Всемирная федерация студентов-христиан. Существуют объединения в масштабах одной страны – Британский совет церквей, Национальный совет церквей Христа в США и др. Многие из них на местном или региональном уровне сотрудничают с православными и католическими организациями [Осыка, 2012: 162–167].

В 1963 г. основана Всеафриканская конференция церквей, в 1966 г. – Тихоокеанская конференция церквей, в 1973 г. – Карибская конференция церквей. В том же году Восточноазиатская христианская конференция стала Христианской конференцией Азии. В 1974 г. создан Ближневосточный совет церквей. В 1982 г. церкви Центральной и Южной Америки создали Латиноамериканский совет церквей. Единственный регион, где такого органа (совета) нет, – Северная Америка.

¹ World Council of Churches. URL: <https://www.oikoumene.org> (дата обращения: 06.04.2023); Сперанская Е.С. Всемирный совет церквей. Православная энциклопедия. Т. IX. 2007. URL: <https://www.pravenc.ru/text/155520.html> (дата обращения: 06.04.2023).

² The Oxford Dictionary of the Christian Church. Ed. F.L. Cross, E.A. Livingstone. Oxford University Press. Oxford, New York. 1997. P. 528.

³ Как показывают современные отечественные авторы, участие Русской православной церкви в ВСЦ было одним из актов советской внешней политики, направленным на оказание влияния на характер международной экуменической деятельности, чтобы препятствовать «реакционным силам» направить ВСЦ на путь идеологической борьбы против социалистического лагеря [Ливцов, 2015: 289–358; Усачева, 2014: 104–105].

Ряд документов Всемирного совета церквей отражает потребность локальных церквей заниматься конкретными проблемами своего региона и быть услышанными на региональном уровне [Киннемон, Коуп, 2002: 281–304]. Региональные экуменические организации в составе ВСЦ обеспечивают церквям общую региональную идентичность – культурную, историческую и политическую. Региональные организации имеют сходные позиции в рамках экуменического движения, но внутренне они различаются по приоритетам, стилю работы и структуре в соответствии с особенностями каждого региона. Различные обозначения (конференция, совет и др.) также отражают нюансы в их самопонимании. В Христианской конференции Азии и Тихоокеанской конференции церквей национальные советы являются полноправными членами наряду с самими церквями. Карибская конференция церквей включает национальные советы церквей в статусе ассоциированных членов. Всеафриканская конференция церквей, Конференция европейских церквей и Латиноамериканский совет церквей также дают ассоциированный статус национальным советам и другим церковным организациям. Ближневосточный совет церквей формируется по специфической модели «семья церквей».

Католическая церковь является полноправным членом в трех региональных органах: в Карибской конференции церквей (в качестве члена-основателя), в Тихоокеанской конференции церквей (с 1976 г.) и в Ближневосточном совете церквей (с 1990 г.). Христианская конференция Азии тесно взаимодействует с Федерацией азиатских епископских конференций, с которой она сформировала Азиатский экуменический комитет. Аналогичным образом Конференция европейских церквей и Совет европейских епископских конференций сотрудничают в различных программах и совместно организуют Европейские Вселенские ассамблеи. Латиноамериканский совет церквей ведет диалог с Латиноамериканской епископальной конференцией.

С начала 1980-х гг. экуменические организации развивают межрегиональное сотрудничество. Генеральные секретари организаций регулярно встречаются для обмена информацией и обсуждения общих проблем. ВСЦ присоединился к этому процессу, сформулировав и согласовав в 1992 г. свод руководящих принципов взаимоотношений и сотрудничества. С тех пор Группа генеральных секретарей региональных советов церквей и руководство ВСЦ собираются ежегодно. Региональные экуменические организации являются полностью автономными органами, которые административно не зависят от ВСЦ. Организация официально признала их в качестве существенных партнеров в экуменическом предприятии. Это партнерство осуществляется в интенсивном сотрудничестве между экуменическими группами церквей различными способами в зависимости от характера программ и региональных приоритетов.

Большинство церквей-членов ВСЦ находятся в Африке, Азии, Карибском бассейне, Европе, Северной Америке, Латинской Америке, Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке. В регионах действуют автономные экуменические организации. Они различаются с точки зрения истории, организационной структуры и способов принятия решений, но взаимно поддерживают режим сотрудничества. ВСЦ объединяет более 350 церквей из 120 стран мира (около 580 млн верующих). Регу-

лярно проводятся всемирные конференции, на которых согласуются позиции по вопросам вероучения и общественного служения церквей¹.

Для церквей-членов Всемирный совет церквей является пространством совместной деятельности и обсуждений. В рамках объединения церкви-члены ВСЦ призваны: 1) к цели видимого единства в общей вере и в совместном евхаристическом общении; 2) к содействию общей работе по миссионерству и евангелизации; 3) к участию в христианском гуманитарном служении, разрушая барьеры между людьми и стремясь к миру и справедливости; 4) к обновлению миссии и служения. Программы ВСЦ направлены на поддержку церквей-членов и экуменических партнеров в совместном служении. Всемирный совет церквей фокусирует работу на проблематике миссии, экуменических отношений, публичного свидетельства, диаконии, вовлечения молодежи, межрелигиозного диалога и сотрудничества².

На рубеже XX – XXI вв. в ВСЦ нарастало преобладание социально-политической повестки. В 2023 г. Генеральный секретарь Всемирного совета церквей Джерри Пиллэй выступил с Пасхальным посланием надежды и обновления, размышляя о моменте, когда Иисус Христос на кресте зовет: «Боже мой, Боже мой, почему Ты оставил меня?». Вероучительные формулировки остаются главным декорирующим маркером ВСЦ, но практическая деятельность все более связана с политическими процессами современности в широком спектре – от темы прав и свобод человека до обострения глобальных и региональных военных угроз³.

Конференция Европейских церквей: конфессиональная миссия в секулярной Европе

В странах Европы, наряду с общими программами ВСЦ, экуменическая деятельность представлена Конференцией европейских церквей. Задачи организации сформулированы в совместном документе КЕЦ и Совета европейских епископских конференций *Charta Oecumenica* («Экуменическая хартия», 2001 г.)⁴ согласно общей идеологии Всемирного совета церквей, но с учетом культурно-исторической специфики европейского региона.

КЕЦ объединяет множество христианских церквей Европы (протестантских, православных, англиканских, старокатолических). Основанная в 1959 г. Конференция декларировала намерение способствовать примирению народов Европы, разделенных после Второй мировой войны политическими и социально-экономическими системами. Программными целями КЕЦ изначально заявлены: 1) сближение хри-

¹ World Council of Churches.

² Там же.

³ На официальном сайте ВСЦ не меньше половины объявленных программ адресованы к внецерковной тематике (международные дела, разоружение, социальная справедливость, экономическая справедливость, гендерная справедливость, образование, миграция, здравоохранение).

⁴ Экуменическая хартия (2001). URL: <http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157> (дата обращения 13.04.2023)

стианских церквей в их стремлении к единству; 2) помощь церквям разных конфессий в достижении взаимопонимания, несмотря на исторические, географические, языковые и экономические барьеры; 3) христианское свидетельство среди народов Европы¹. В создании организации активное участие принимала Русская православная церковь.

В 1964 г. принята Конституция КЕЦ, обновленная в 1992 г. после геополитических изменений в Европе. В 2013 г. утверждена новая Конституция (действует с рядом уточнений 2014 и 2018 гг.)². Высший орган Конференции – Генеральная ассамблея. Она созывается с разной периодичностью (от трех до семи лет) и проходит в различных городах Европы (в 2023 г. проводится в 16-й раз). Ассамблея образует Центральный комитет, на котором избираются президиум (управляющий совет), президент и генеральный секретарь. Собрания президиума проходят два раза в год. Штаб-квартира расположена в Брюсселе (в 2013 г. перенесена из Женевы для более тесного сотрудничества с институтами Евросоюза).

В настоящее время в состав КЕЦ входят 113 церквей из всех стран Европы (Русская православная церковь в 2008 г. приостановила свое участие из-за разногласий по поводу членства эстонских православных церквей разной юрисдикции), 40 национальных советов и партнерских организаций. По собственным подсчетам, КЕЦ вместе с экуменическими партнерами представляет более 380 миллионов граждан европейских государств³.

Действующая Конституция КЕЦ ставит существенные акценты на тех направлениях служения, которые выходят за пределы вопросов вероучительного или церковного единства. Наиболее отчетливо формулируется социальная и политическая повестки «диалога, защиты интересов и совместных действий». Конкретизируя эти направления, официальные документы КЕЦ устанавливают следующую номенклатуру: 1) Диалог с европейскими политическими институтами; 2) Миростроительство и примирение; 3) Права человека; 4) Экономическая и экологическая справедливость; 5) Биоэтика; 6) Образование для демократии и разнообразия; 7) Занятость и социальные вопросы; 8) Миграция и убежище. Отдельно выделяется направление «Церковный ответ Украине», содержательно полностью соответствующее политической риторике Евросоюза⁴.

Единственным экуменическим в религиозном смысле направлением является «Экклесиология и миссия». Его анализ показывает, что КЕЦ реалистично учитывает светский контекст Европы. Констатируется изменение церковного ландшафта в связи с увеличением миграции в Европе. Отмечается, что «растут энергичные евангелические и пятидесятнические церкви, возникают харизматические движения, а древние восточные церкви находят новый дом в европейских обще-

¹ Conference of European Churches. URL: <https://ceceurope.org/> (дата обращения: 13.04.2023).

² Constitution of the Conference of European Churches. URL: https://ceceurope.org/storage/app/media/uploads/2018/07/CEC_Constitution_EN_FINAL.pdf (дата обращения: 13.04.2023).

³ Conference of European Churches.

⁴ Там же.

ствах». Осмысление происходящих трансформаций предлагается на путях теологического диалога между церквями-членами и национальными советами церквей, «чтобы изучить их понимание церковного единства в разговоре с религиозными общинами мигрантов и этнических меньшинств в Европе»¹. В настоящее время (2023 г.) к тематике экклесиологии и миссии добавлена проблема взаимного признания крещения.

* * *

Исследование дает основание для вывода о трансформации экуменизма под влиянием секулярного развития современных обществ. Первоначально в экуменической идеологии преобладала экклесиологическая мотивация церковного единства, достраивавшаяся мирской повесткой с учетом общественно-политических обстоятельств. Организационное развитие экуменического движения способствовало его интеграции в политические отношения и адаптации к социальным запросам христиан. Включенность в секулярный контекст потребовала нового формата деятельности – диалога экуменических организаций с национальными церквями разных христианских конфессий по проблемам за пределами сугубо религиозного единства. Концепция организационного церковного объединения уступила место идее единства через общение, представленной двумя основными вариантами: 1) общение евхаристическое и богослужбное, подкрепленное попытками теологического согласования конфессиональных расхождений; 2) общение через совместность социальных служений как исполнение религиозного долга, согласованность которого достигается в диалоговом режиме между конкретными христианскими организациями. Они не исключают друг друга, а образуют иерархическую структуру, где основным является вариант социально-религиозных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Л.А., Следзевский И.В., Смирнов М.Ю. (ред.) (2021) *Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений*. Владимир Даль, Санкт-Петербург. 551 с.

Брусиловский Д.А. (2016) Реализация межкультурных возможностей диалога Запада и Востока в межрелигиозной сфере. *Вестник Астраханского гос. техн. ун-та*. № 1 (61). С. 51–58.

Гизбрехт Е.С., Тарабанов Н.А. (2020) Современный экуменизм и просвещенческий культ разума. *Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология*. № 55. С. 70–77.

Диноршоева З.М. (2021) О некоторых аспектах «планетарного экуменизма», «религиозно-плюрализма» и «межконфессионального диалога». *Вестник филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Душанбе. Серия гуманитарных и экономических наук*. № 4 (20). С. 67–73.

Киннемон М., Коуп Б. (ред.) (2002) *Экуменическое движение: Антология ключевых текстов*. Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Москва. 615 с.

¹ Conference of European Churches.

Ливцов В.А. (2015) *Экуменическое движение и Русская Православная Церковь в контексте государственной конфессиональной политики России с середины XIX в. по начало XXI в.* Издательство ОФ РАНХиГС, Орёл. 552 с.

Лункин Р.Н. (2020). *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество.* Нестор-История, Москва. 504 с.

Макеева Д.В. (2021) Представления о единстве Церкви в официальных церковных документах и трудах богословов в диалоге Русской православной и Римско-католической церквей после II Ватиканского собора. *XXVII Сретенские чтения: Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием (Москва, 19–20 февраля 2021 г.)*. Сост. З. М. Дашевская. Изд-во Свято-Филаретовского православного института, Москва. С. 143–148.

Мельник С.В. (2022) *Межрелигиозный диалог: типологизация, методология, формы реализации.* ИНИОН РАН, Москва. 398 с.

Осыка Я.М. (2012) Религиозный диалог внутри христианской Ойкумены. *Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право.* № 20 (139). Вып. 22. С. 162–167.

Токсанбаев А.К. (2021) Экуменизм: история и современность. *Вестник Вятского государственного университета.* № 4 (142). С. 69–78.

Усачева О.Т. (2014) Экуменические движения Запада и процессы глобализации, секуляризации общества. *Вестник Томского гос. педагогического ун-та.* № 7 (148). С. 135–140.

Федоров В.Ф., Сизоненко Д.В. (2020) Исторические и богословские причины формирования искаженных представлений об экуменизме в российском контексте. *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* Т. 21. Вып. 4. Часть 2. С. 210–218.

Хубер В. (сост.) (2006) *Что объединяет? Что разделяет? Основы экуменических знаний.* Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Москва. 104 с.

Хулап В. (2018) 500-летний юбилей Реформации: экуменизм в церковно-общественном контексте современной Германии. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* № 4. С. 119–142.

Шишков А. (2017) Христианский экуменизм сегодня: кризис или трансформация? Беседа с экуменистами разных конфессий. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* № 1. С. 301–312.

Inglehart R. (2021) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Oxford University Press, New York, USA. 206 p.

Irvin D.T. (2016) Specters of a New Ecumenism: In Search of a Church “Out of Joint”. *Religion, Authority, and the State. From Constantine to the Contemporary World.* Ed. by L.D. Lefebure. Palgrave Macmillan, New York, USA. P. 3–32.

Ecumenism in Modern Europe: Adaptation to Secular Society

M.Yu. Smirnov*

Doctor of Sciences (Sociology)

Institute of Africa, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Pushkin Leningrad State University

10, Peterburgskoe shosse, St.-Petersburg; Russia, 196605

*E-mail: mirsnov@yandex.ru

Abstract. The ecumenism ideology is based on evangelical foundations and is aimed at achieving universal Christian unity. The historical differentiation of Christianity and the various circumstances of the church organizations development have caused the ecumenical movement internal heterogeneity. Each of the Christianity directions is guided by its own theological interpretation of ecumenism. Doctrinal agreement of these interpretations cannot be achieved. The political situation in the world and the situation of national churches within countries also hinder organizational unification. Therefore, ecumenical organizations, mainly the World Council of Churches and the Conference of European Churches, develop dialogue and cooperation programs aimed at Eucharistic and liturgical communication between different Christian confessions believers, as well as joint social services of representatives of different churches. The ecumenical movement in the twentieth century developed almost synchronously with the deployment of large-scale secularization. The secular nature of modern European societies determines the priority of social activity over theological activity in the ecumenical movement. The dependence of international ecumenical organizations on current politics is also obvious – they currently follow the European Union governing bodies' ideologically rhetorical. The current situation of the ecumenical movement cannot be called a crisis, rather, there is a transformation into a new state – going beyond intra-Christian cooperation and inclusion in an interreligious dialogue, as well as in a dialogue with non-religious institutions of modern society.

Key words: ecumenism, Christianity, secular society, The World Council of Churches, Conference of European Churches, religion and politics

DOI: 10.31857/S0201708323040095

EDN: bxfvda

REFERENCES

- Andreeva L.A., Sledzevskij I.V., Smirnov M.Yu. (ed.) (2021) *Transformatsii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen "parallel'nykh" obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnošenij* [Transformations of Global Confessional Geospatial space: the phenomenon of "parallel" societies in the system of international political relations], Vladimir Dal', Sankt-Petersburg, Russia. (In Russian).
- Brusilovskij D.A. (2016) Realizatsiya mezhkul'turnykh vozmozhnostej dialoga Zpada i Vostoka v mezhreligioznoj sfere [Realization of the intercultural possibilities of the dialogue between the West and the East in the interreligious sphere], *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 1 (61), pp. 51–58. (In Russian).
- Dinorshoeva Z.M. (2021) O nekotorykh aspektakh "planetarnogo ekumenizma", "religioznogo pluralizma" i "mezhekonsfessional'nogo dialoga" [On some aspects of "planetary ecumenism", "religious pluralism" and "interfaith dialogue"], *Vestnik filiala MGU im. M. V. Lomonosova v Dushanbe*, 4 (20), pp. 67–73. (In Russian).
- Fedorov V.F., Sizonenko D.V. (2020) Istoricheskie i bogoslovskie prichiny formirovaniya iskazhennykh predstavlenij ob ekumenizme v rossijskom kontekste [Historical and theological reasons for the formation of distorted ideas about ecumenism in the Russian context], *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*, 21(4), part 2, pp. 210–218. (In Russian).
- Gizbrekht E.S., Tarabanov N.A. (2020) Sovremennyy ekumenizm i prosveshchencheskij kul't razuma [Modern Ecumenism and the Enlightenment cult of reason], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 55, pp. 70–77. (In Russian).

Inglehart R. (2021) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Oxford University Press, New York, USA.

Irvin D.T. (2016) Specters of a New Ecumenism: In Search of a Church "Out of Joint", in Lefebure L.D. (ed.) *Religion, Authority, and the State. From Constantine to the Contemporary World*, Palgrave Macmillan, New York, USA, pp. 3–32.

Khuber V. (ed.) (2006) Chto ob"edinyaet? Chto razdelyaet? Osnovy ekumenicheskikh znaniy [What unites? What separates? Fundamentals of ecumenical knowledge], St. Andrew's Bible and Theological Institute, Moscow, Russia. (In Russian).

Khulap V. (2018) 500-letnij yubiley Reformatsii: ekumenizm v tserkovno-obshchestvennom kontekste sovremennoj Germanii [500th Anniversary of the Reformation: Ecumenism in the Church-social context of Modern Germany], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 4, pp. 119–142. (In Russian).

Kinnamon M., Cope B. (ed.) (2002) *Ekumenicheskoe dvizhenie: Antologiya kluchevykh tekstov* [The Ecumenical Movement: An Anthology of key Texts], St. Andrew's Bible and Theological Institute, Moscow, Russia. (In Russian).

Livtsov V.A. (2015) *Ekumenicheskoe dvizhenie i Russkaya pravoslavnaya Tserkov' v kontekste gosudarstvennoj konfessional'noj politiki Rossii s serediny XIX v. po nachalo XXI v.* [The Ecumenical Movement and the Russian Orthodox Church in the context of the State Confessional Policy of Russia from the Middle of the XIX century to the beginning of the XXI century], Izdatel'stvo OF RANKHiGS, Oryel, Russia. (In Russian).

Lunkin R.N. (2020) *Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropeiskoe obshchestvo* [Churches in politics and politics in Churches. How modern Christianity is changing European Society]. Nestor-Istoriya. St.-Petersburg, Russia. (In Russian).

Makeeva D.V. (2021) Predstavleniya o edinstve Tserkvi v ofitsial'nykh tserkovnykh dokumentakh i trudakh bogoslovov v dialoge Russkoj pravoslavnoj i Rimsko-katolicheskoy tserkvej posle II Vatikanskogo sobora [The ideas of the unity of the Church in official Church documents and the works of theologians in the Dialogue between the Russian Orthodox and Roman Catholic Churches after the Second Vatican Council], in Dashevskaya Z.M. (ed.) *XXVII Sretenskie chteniya: Materialy Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-bogoslovskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 19–20 fevralya 2021 g.)*, Izdatel'stvo Svyato-Filaretovskogo pravoslavnogo instituta, Moscow, Russia, pp. 143–148. (In Russian).

Mel'nik S.V. (2022) *Mezhreligioznyj dialog: tipologizatsiya, metodologiya, formy realizatsii* [Interreligious dialogue: typologization, methodology, forms of implementation], INION RAN, Moscow, Russia. (In Russian).

Osyka Ya.M. (2012) Religioznyj dialog vnutri khristianskoj Oikumeny [Religious dialogue within the Christian Ecumene], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 20(139), pp. 162–167. (In Russian).

Shishkov A. (2017) Khristianskij ekumenizm segodnya: krizis ili transformatsiya? [Christian Ecumenism today: Crisis or Transformation?], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 1, pp. 301–312. (In Russian).

Toksanbaev A.K. (2021) Ekumenizm: istoriya i sovremennost' [Ecumenism: History and Modernity]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4(142), pp. 69–78. (In Russian).

Usacheva O.T. (2014) Ekumenicheskie dvizheniya Zapada i protsessy globalizatsii, sekulyarizatsii obshchestva [Ecumenical movements of the West and the processes of globalization, secularization of society], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 7(148), pp. 135–140. (In Russian).

УДК 261

ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВТОРОГО/ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ МУСУЛЬМАН¹

© 2023 АНДРЕЕВА Лариса Анатольевна*

*Доктор философских наук, профессор РАН
Центр цивилизационных и региональных исследований
Институт Африки Российской Академии наук
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
E-mail: larchen1969@gmail.com

Поступила в редакцию 12.01.2023

После доработки 27.02.2023

Принята к публикации 12.04.2023

Аннотация. В статье рассмотрена проблема гибридной идентичности представителей второго/третьего поколения европейских мусульман, ставшая следствием неудачи различных стратегий интеграции мигрантов в европейское общество. В исследовании выявлено, что значительная часть представителей второго/третьего поколения европейских мусульман принимает коллективный европейский социально-культурный контекст (прежде всего ценности вторичной социализации), но одновременно высказывает предпочтения, детерминированные религией и мало совместимые с европейскими ценностями. В статье сделаны выводы, что большинство представителей второго/третьего поколения мигрантов идентифицируют себя не через национальную принадлежность родителей или европейскую идентичность, а через религиозную идентичность. Таким образом, религиозная принадлежность оказывается сильнее обеих идентичностей. Именно религия выступает одним из сдерживающих барьеров интеграции мигрантов в секулярное европейское общество. Вместе с тем мобилизация религиозной идентичности лежит в основе формирования гибридной идентичности европейских мусульман второго/третьего поколений.

Ключевые слова: гибридная идентичность, мигранты, поколения, интеграция, мусульмане, ценности, Европа

DOI: 10.31857/S0201708323040101

EDN: bxguvo

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда по проекту № 22-18-00123.

Процесс глобализации неразрывно связан с трансграничными потоками людей, прежде всего с миграцией. Растущие контакты привели к пересечению, смешению культур и возникновению новых гибридных форм идентичности. Исследователи указывают на растущую дифференциацию культурных традиций и форм. Энтони Гидденс считает, что местные традиции сочетаются с множеством дополнительных культурных форм, которые привнесены извне, что приводит к появлению новых гибридных идентичностей [Giddens, 2001: 64]. Гибридная идентичность означает, что человек чувствует принадлежность к двум или более культурным пространствам. Гибридность – это конструкт, который определяет процессы построения идентичности у людей посредством бинарного или множественного кода. В социальных науках термин «гибридность» вместе с термином «разнообразие» составляет центральную понятийную категорию для описания социальной реорганизации неоднородного социума [Hein, 2006: 28].

Термин «идентичность», с точки зрения психосоциального подхода (Эрик Эрикссон), характеризуется способностью сохранять непрерывность и внутреннюю согласованность. Эпоха модерна предлагала ценности непрерывности и предсказуемости – единство, преемственность, связность, смысл развития. Общество постмодерна заменило их прерывностью, фрагментацией, рассредоточенностью, рефлексивностью, переходом. В результате идентичность больше не предполагает формирование устойчивого внутреннего ядра, а представляет непрерывную деятельность на протяжении всей жизни по согласованию между несколькими по большей части противоречивыми культурными проектами. Основные признаки гибридной идентичности постмодерна – множественная принадлежность, принимающая различные формы, и культурный код-переключение, который делает возможным переход от одной идентичности к другой. Из-за ярко выраженной ситуативной идентичности невозможно отнести людей к определенной категории [Wagner, 2016].

Концепция гибрида имеет давнюю историю. Термин «гибрид» используется в биологии для описания селекции растений с целью получить новые сорта с улучшенными качествами, такими как производительность, стойкость и долговечность. В XIX в. это понятие начало использоваться в широком культурном смысле, однако имело уничижительный оттенок [Young, 1995]. В постколониальную эпоху акцент перенесен на объяснение и интерпретацию опыта тех, кто живет в разных культурах. Ученые и социальные мыслители начали обсуждать природу межкультурного взаимодействия и влияние жизни между культурами на самоидентификацию [Marrotta, 2006]. В постмодернистском анализе обществ гибрид является одной из основных категорий [Schneider, 1997: 13]. Тем не менее существуют проблемы с использованием термина. Для некоторых исследователей он предполагает новый плавающий котел, в котором стираются важнейшие культурные различия [Hynes, 2000: 32]. Другие понимают под гибридизацией потерю традиционной идентичности. Важнейшими характеристиками гибридной идентичности выступают амбивалентность, многослойность и незавершенность. Поиск идентичности – это постоянный процесс, возникающий между созданным человеком образом самого себя и

образом, который формируют его социальные партнеры в меняющихся контекстах. Успешная идентификация зависит от признания другими [Habermas, 1996]. Гибридность возникает в ситуациях культурного пересечения, когда отчасти противоречащие смыслы и логики, исходящие из отдельных сфер действия, объединяются и образуют новые паттерны. Актуальность изучения гибридной идентичности европейских мусульман второго/третьего поколения связана с тем, что она может, с одной стороны, служить основой для выстраивания диалога между носителями разных культур, с другой – привести к расколу личности и радикализации. Изменчивость и пластичность гибридной идентичности влияют на европейскую социокультурную динамику и позволяют лучше понять последствия миграционных потоков из мусульманских стран для европейского социума. Существование феномена гибридной идентичности мусульман в Европе ставит под сомнение успешность и реализуемость концепции единой универсальной европейской идентичности (о тенденциях формирования современной европейской идентичности см. подробнее: [Викторова, 2018]).

Мусульманские общины Европы и стратегии интеграции мусульман

Мусульманские общины Европы начали складываться после Второй мировой войны, когда европейские государства компенсировали нехватку рабочей силы ее привлечением из бывших колоний. Именно это привело к устойчивой волне миграции из мусульманских стран. Изначально предполагалось, что мигранты позже вернутся в страны происхождения, но они обосновались в Европе.

Мусульмане составляют относительно небольшое меньшинство в Европе¹ – примерно 5% населения, но динамика демографических изменений имеет тенденцию к увеличению их удельной численности. Согласно моделированию исследовательского центра Пью (*Pew Research Center*), даже при нулевой миграции доля мусульман к 2050 г. достигнет 7,4%. При среднем сценарии миграции она будет составлять 11,2% населения².

Самые крупные мусульманские общины Европы сложились во Франции и Германии. Интеграционную политику европейских государств можно разделить на два основных направления (остальные являются их смешением). Первое – это политика ассимиляции, которую проводила Франция. Подход основан на необходимости комплексного принятия ценностей коренной культуры. Гражданство в политике ассимиляции выступало как основной инструмент интеграции. Однако «принцип личности прав граждан потерял прежнее значение после того, как многие европейские государства (в том числе Британия, Франция, Германия, Нидерланды, Швей-

¹ В статье под Европой понимаются 27 стран-членов Евросоюза, Британия, Норвегия и Швейцария.

² Europe's Growing Muslim Population. URL:

<https://www.pewresearch.org/religion/2017/11/29/europes-growing-muslim-population> (дата обращения: 08.01.2023).

цария) распространили гражданские, социальные и даже политические права на резидентов инационального происхождения... В итоге гражданство перестало служить действенным, социально и политически мотивированным рубежом между членами и нечленами нации. Ушел в прошлое безальтернативный принцип особых обязательств граждан по отношению друг к другу, “своей” стране и “своему” государству. Гражданство перестало включать нерасторжимую связь самоидентификации отдельного гражданина с общенациональной культурой» [Андреева и др., 2021: 76–77]. В 1970-е – начале 1980-х гг. во Франции наметился отход от жесткой политики ассимиляции. Французские власти признали право на отличие в культурном и религиозном аспекте.

Второе направление – это политика мультикультурализма, которая поддерживает свободу вероисповеданий и уважает культурную автономию. «Мультикультурализм не просто легитимизирует культурное разнообразие, но сегодня делает из него альтернативу социокультурному порядку национальных государств. Альтернативу, которая набирает силу внутри этого порядка, использует его возможности для собственной легитимизации, но при этом делегитимизирует сам этот порядок, а вместе с ним и модель “государства одной нации”. Нелегитимность государства-нации становится своего рода фоном для многочисленных разновидностей мультикультурной политики, официально объявленной рядом государств» [Андреева и др., 2021: 56]. Можно констатировать тенденцию перехода мультикультурализма в фазу деконструкции национальных государств, снижение их способности к сохранению национально-культурной идентичности на основании жесткой дихотомии свой/чужой. На государственно-политическом уровне провал политики мультикультурализма констатировали еще в начале 2010-х гг. ведущие политики Европы. В 2010 г. канцлер Ангела Меркель признала, что политика мультикультурализма в Германии «потерпела полный провал»¹. С заявлениями, свидетельствующими о системных проблемах в интеграции мигрантов, выступили руководители Британии и Франции. В 2011 г. английский премьер-министр Дэвид Кэмерон заявил: «Мы допустили ослабление нашей коллективной идентичности. В соответствии с доктриной государственного мультикультурализма мы поощряем разные культуры жить отдельной жизнью, обособленно друг от друга и отдельно от мейнстрима... Мы даже миримся с поведением этих сегрегированных сообществ, полностью противоречащим нашим ценностям»². Президент Франции Николя Саркози подтвердил общеевропейскую тенденцию: «Да, это провал. Правда заключается в том, что во всех наших демократиях слишком пекутся об идентичности тех, кто прибывает, и слишком мало об идентичности принимающей стороны. Общество, в котором общины сосуществуют рядом друг с другом, нам не нужно. Если кто-то

¹ Merkel Walks a Tightrope on German Immigration. 21.10.2010. URL: <https://content.time.com/time/world/article/0,8599,2026645,00.html> (дата обращения: 09.01.2023).

² PM's speech at Munich Security Conference. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference> (дата обращения: 09.01.2023).

приезжает во Францию, то он должен влиться в единое сообщество, являющееся национальным. Если кто-то с этим не согласен, пусть не приезжает во Францию»¹. Н. Саркози критиковал мультикультурализм с позиций традиционной для Франции политики ассимиляции. В 2022 г. во Франции стартовала обширная реформа, заявленная президентом Эммануэлем Макроном в 2018 г. Она направлена на противодействие радикальному исламу, противопоставляющему и приоритизирующему религиозные ценности относительно светских устоев. Франция стала первой европейской страной, перешедшей от дебатов о неудачах стратегии интеграции к плану конкретных действий. В его основе лежит намерение предотвратить иностранное влияние на французский ислам путем усиления организационного и финансового контроля. Для успешной интеграции вводится обязательное обучение детей с трехлетнего возраста в государственных школах. Криминализируются распространение ненависти по религиозным мотивам и попытки принуждения государственных служащих делать исключения из общепризнанных норм в пользу религиозных [Шумилин, 2021: 56–57]. Эти реформы укладываются в господствующую во Франции ассимиляционную модель интеграции мигрантов, но об их эффективности можно будет судить только через 15–20 лет, когда доминирующим станет четвертое поколение.

Политика мультикультурализма и ассимиляции не привели к улучшению положения. Напротив, ситуация в Европе характеризуется все большей фрагментированностью общества, отчужденностью членов мусульманских общин и возрастающим опасением относительно приемлемости исламских ценностей для европейского социума. Опрос, проведенный Французским институтом общественного мнения (*Institut français d'opinion publique, IFOP*) в декабре 2010 г. во Франции и Германии и опубликованный газетой «Ле Монд» (*Le Monde*), иллюстрирует растущую озабоченность французского и немецкого общества по поводу культурных и религиозных различий, связанных с исламом, и возможной интеграции мусульманского населения.

Несмотря на различные стратегии интеграции, опрос выявил, что 68% французов и 75% немцев считают, что интеграция лиц мусульманского происхождения невозможна. В качестве основного объяснения респонденты выдвинули отказ этих групп населения интегрироваться в общество (61% во Франции и 67% в Германии). Для французов и немцев чрезмерные культурные различия (40 и 34% соответственно), а также территориально-сегрегированное проживание мусульман (37 и 32% соответственно) способствовали неудаче интеграции. Из опроса можно сделать вывод, что вопрос идентичности приобрел к этому времени особую актуальность, поскольку в двух странах вдвое больше опрошенных расценивали присутствие мусульманской общины как угрозу идентичности (42% во Франции и 40% в Герма-

¹ Sarkozy sur TF1 pour reconquerir l'opinion – Politique – TF1 News. URL: <http://www.france24.com/en/20110210-multiculturalism-failed-immigration-sarkozy-live-broadcast-tf1-france-public-questions> (дата обращения: 09.01.2023).

нии), а не как фактор культурного обогащения (22 и 24% соответственно)¹. По мнению английского ученого, публициста, последовательного критика мультикультурализма Малика Кенана, только в конце 1980-х гг. вопрос о культурных различиях стал актуальным. «По иронии судьбы поколение, которое гораздо более интегрировано и вестернизировано, чем первое, оказалось более настойчивым в сохранении своей предполагаемой самобытности. Причины этого смещения сложны»². Как одну из важнейших причин следует рассматривать социальный характер европейских государств. Первое поколение осознанно ехало в Европу в поисках работы и было вынуждено приспосабливаться к принимающему обществу. Второе/третье поколение могло существовать на социальные пособия. Этот процесс наложился на объективные проблемы с занятостью, которые стали следствием начавшегося с 1970-х гг. процесса деиндустриализации европейской экономики, когда многие производства были перенесены за границу. Параллельно произошло нивелирование классовой структуры общества: социальная солидарность стала восприниматься не через классовую принадлежность, а через этническую, культурную, религиозную. Такие социальные и общественные институты, как школа и профсоюзы, не смогли оказать существенное влияние на мигрантов. В этих условиях на первый план вышла религия как инструмент индивидуальной и коллективной самоидентификации. «Молодежь оказывается между двумя культурными мирами. Выход она находит в мобилизации своей религиозной идентичности как ресурса противостояния обществу» [Сафонова, 2021: 172].

Гибридная идентичность европейских мусульман второго/третьего поколений по данным социологических опросов

Гибридная идентичность мусульман второго/третьего поколений детерминирована вопросом: «Кто я такой, если я ненастоящий француз, немец и т. д., но и не гражданин страны происхождения моих родителей?». Именно для второго/третьего поколения европейских мусульман характерны признаки гибридной идентичности: множественная культурная принадлежность, амбивалентность, ситуативность, культурный код-переключение. В 2016 г. либеральный французский исследовательский институт Монтеня (*Institut Montaigne*) вместе с *IFOP* провел социологический опрос «Французский ислам возможен»³ и выделил из репрезентативной национальной выборки в 15459 чел. подвыборку из 1029 чел. в возрасте от 15 до 60 лет, назвавших себя мусульманами или имевших хотя бы одного родителя-мусульманина. Опрос проводился по телефону с 13 апреля по 23 мая 2016 г.

¹ REGARD CROISÉ FRANCE/ALLEMAGNE SUR L'ISLAM. URL: <https://www.ifop.com/publication/regard-croise-france-allemagne-sur-lislam> (дата обращения: 09.01.2023).

² The failure of multiculturalism. URL: <https://kenanmalik.com/2015/02/17/the-failure-of-multiculturalism> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Un islam francais est possible. URL: <https://www.institutmontaigne.org/publications/un-islam-francais-est-possible> (дата обращения: 11.01.2023).

Уникальность опроса состоит в том, что в качестве фильтра выбрана религия, с которой идентифицируют себя респонденты, а не их отношение к иммиграции. Результаты остаются актуальными, поскольку после 2016 г. новых социологических опросов такого масштаба не проводилось. Жесткий секуляризм, который выносит религию в частную сферу, законодательно ставит барьеры сбору информации с использованием конфессиональных фильтров. В связи с этим социальный профиль французских мусульман плохо исследован с помощью объективных эмпирических инструментов, прежде всего с помощью массовых репрезентативных социологических опросов, которые позволяют перенести результаты исследования на всю генеральную совокупность. Большинство работ (см., например: [Деминцева, 2008; Yıldız, 2016]) базируются на интервьюировании, поэтому результаты не могут быть перенесены на всю генеральную совокупность.

Согласно опросу, отцы более 90% респондентов родились за границей. Аналогичный профиль имеют матери опрошенных. Более половины респондент родились во Франции. Особенность подвыборки – более низкий возраст респондентов, чем в среднем по стране. У мусульман в среднем возраст 35,8 года против 53 лет у христиан и 43,5 года у неверующих респондентов. 75% респондентов моложе 45 лет. Таким образом, до трех четвертей респондентов являются представителями второго/третьего поколения. 30% респондентов являются профессионально незанятыми.

На основе анализа анкет выделены шесть групп респондентов в зависимости от отношения к религии:

- Первая категория (18% респондентов) – самая оторванная от религии. Она благосклонна к секуляризму, не формулирует притязаний на религиозное выражение в повседневной жизни и во многом согласна с идеей, что секуляризм позволяет практиковать религию свободно.

- Вторая категория (28%) разделяет во многом те же ценности: согласна с запретом полигамии и с идеей, что законы Республики важнее религиозных, но эта группа отличается более сильной привязанностью к употреблению халяльной пищи. Некоторые респонденты выступают за религиозное выражение на работе.

- Третья категория (13%) более амбивалентна. Она выступает против ношения никаба и полигамии, но оспаривает идею о том, что секуляризм делает возможным свободно исповедовать религию. Подавляющее большинство желает иметь возможность выражать религию на рабочем месте.

- Четвертая категория (12%) отличается от третьей меньшей склонностью к светскости. Она массово критикует запрет полигамии во Франции, но осуждает ношение никаба.

- Пятая категория (13%) представляет респондентов, выступающих за ношение никаба (40%), разрешение полигамии. Они открыто бросают вызов секуляризму и считают, что религиозные законы имеют приоритет перед светскими.

- Шестая категория (15%) отличается от пятой отстаиванием более жесткого видения религиозных практик. С другой стороны, она ценит веру как частный, а не общественный элемент. Почти 50% выступают против принципа светскости и поддерживают выражение религии на рабочем месте.

Авторы исследования объединили эти 6 категорий в 3 большие группы. Первая «умеренная и уважающая ценности Республики» включает респондентов, которые разделяют систему ценностей и религиозные практики, органично вписывающиеся в республиканский и национальный корпус (46%). Эта группа малочисленна среди представителей молодого поколения, но представляет почти половину лиц старше 40 лет. Вторую группу авторы опроса характеризуют как консерваторов. Это более сложная группа. Они составляют 25% выборки. Консерваторы гордятся тем, что они мусульмане, и требуют возможности выражать религиозную принадлежность в публичном пространстве. Очень религиозные (нормы шариата имеют для них большое значение, если не противоречат законам Республики), они часто благосклонно относятся к выражению религии на работе и приняли халяльный стандарт, но отвергают никаб, полигамию и принимают в той или иной мере секуляризм. Эта группа является наиболее стабильной независимо от исследуемого возрастного диапазона. Третья группа обозначена как «авторитарная» и составляет 28% от общего числа. В основном это молодые люди, имеющие низкую квалификацию и слабо интегрированные в трудовую сферу. Они живут в рабочих кварталах на окраинах крупных городов. Эта группа определяется тем, что она использует ислам для обозначения своего бунта по отношению к остальному французскому обществу.

Опрос показывает, что большинство мусульман считают, что выражение их веры заслуживает демонстрации, вопреки духу секуляризма и французской традиции. Детерминирующий вывод этого исследования состоит в том, что большинство представителей второго/третьего поколения мигрантов идентифицируют себя не через национальную принадлежность родителей или европейскую идентичность, а через религию. Гибридность самоидентификации представителей второго/третьего поколения проявляется в том, что значительная часть принимает коллективный социально/культурный контекст, а именно: приоритет законов Республики над религиозными предписаниями, запрет полигамии, запрет ношения никаба и т. д. Большинство признают западные ценности избирательно: одни (работа, уровень оплаты, стандарты потребления) усваиваются большинством, другие (гендерные вопросы, приоритет светских законов и т. д.) не получают надлежащей поддержки.

Можно согласиться с мнением ученых, что «ценности и представления, усвоенные в период первичной социализации, гораздо устойчивее к изменениям, чем “ориентации”, привитые в период вторичной социализации. Первичная социализация формирует представление человека о гендерных ролях, этнической идентичности и религиозных ценностях, в то время как, вторичная социализация дает возможность усвоить политические и экономические ценности. Следовательно, мигранты с большей вероятностью изменят свои взгляды относительно экономики, чем те, которые будут касаться религии или гендерных ролей» [Мачина, 2018: 27–29].

Опрос выявил такие существенные черты, как амбивалентность и двусмысленность. Это проявляется в том, что значительная часть респондентов, частично принимая паттерны социально-культурного устройства Франции, высказывает предположения, не совместимые или плохо совместимые с секуляризмом. В дальнейшем

эти люди могут переместиться в категории полностью интегрированных или осмысленно отвергающих социально-культурный стандарт Франции. «Амбивалентность, конфликтность и противоречивость гибридной самоидентификации европейских мусульман – социальное качество, которое раскалывает социальное единство, выражает собой конфликт и противостояние, в том числе конфликт идентичностей» [Волков, Курбатов, 2022: 19].

С выводами французского исследования в значительной степени коррелируют результаты работы «Интеграция и религия с точки зрения людей турецкого происхождения в Германии»¹. Репрезентативный опрос проведен посредством телефонного интервью среди 1201 иммигрантов из Турции и их потомков в возрасте 16 лет и старше в период с ноября 2015 г. по февраль 2016 г. Опрос дает возможность судить об идентичности представителей самой многочисленной мусульманской общины Германии. В ней успело сложиться второе/третье поколение.

Опрос показал снижение участия в религиозных практиках (посещение мечети, ежедневная молитва) у представителей второго/третьего поколения по сравнению с первым поколением (23 против 32% часто посещают мечеть), однако они считают себя более религиозными (72 против 62% считают себя глубоко, очень или скорее религиозными). Доля тех, кто выражает установки, которые несовместимы с основными принципами современных западных обществ, значительна среди мигрантов второго/третьего поколения: 36% опрошенных согласились с утверждением, что «следование заповедям моей религии важнее для меня, чем законы государства, в котором я живу»; 27% респондентов считают, что мусульмане должны стремиться вернуться к общественному устройству времен пророка; 46% процентов полагают, что существует только одна истинная религия – ислам.

Выводы исследования свидетельствуют о противоречивости представлений респондентов. С одной стороны, подавляющее большинство чувствует себя комфортно в Германии, с другой – значительная часть опрошенных жалуется на чувство отсутствия признания. 51% опрошенных полностью или скорее согласны с утверждением: «Будучи турком по происхождению, я чувствую себя гражданином второго сорта». Второе/третье поколение в меньшей степени чувствует себя отвергнутым большинством общества: 64% представителей первого поколения и только 38% представителей второго/третьего поколения считают себя гражданами второго сорта. Это свидетельствует о крупных проблемах с интеграцией. На этом фоне резко уменьшилось количество людей во втором/третьем поколении, которые считают, что мусульмане должны адаптироваться к немецкой культуре – 72% респондентов первого поколения и 52% второго/третьего поколения. В то же время 86% представителей второго/третьего поколения по сравнению с 67% первого поколения полагают, что нужно отстаивать собственную культуру или происхождение.

¹ Integration und Religion aus der Sicht von Türkeistämmigen in Deutschland. URL: https://www.uni-muenster.de/imperia/md/content/religion_und_politik/aktuelles/2016/06_2016/studie_integration_und_religion_aus_sicht_t_rkeist_mmiger.pdf (дата обращения: 05.01.2023).

Второе/третье поколение имеет в некоторых случаях значительно больше положительных значений, чем первое поколение. Например, доля лиц без аттестата зрелости сократилась более чем вдвое (13 против 40%), а доля тех, кто хорошо или очень хорошо владеет немецким (даже заявленным) удвоилась (94 против 47%). В целом, второе/третье поколение социально и структурно более интегрировано в общество большинства, чем первое поколение: 74% представителей второго/третьего поколения (для сравнения: 47% респондентов первого поколения) заявляют, что много контактируют с лицами немецкого происхождения; 39% представителей первого поколения и 67% второго/третьего поколения сообщают об очень частых контактах с христианами. Можно сделать вывод, что тенденция гибридизации второго/третьего поколения, зафиксированная во французском социологическом опросе, четко проявляется в немецком, что свидетельствует о неудаче обеих стратегий интеграции.

Заключение

Процесс глобализации и неразрывно связанные с ним трансграничные миграционные потоки привели к пересечению, смешению культур и возникновению новых гибридных форм идентичности в Европе. Гибридная идентичность означает, что человек чувствует принадлежность к двум и более культурным пространствам. Гибридность самоидентификации представителей второго/третьего поколения европейских мусульман проявляется в том, что значительная часть его представителей принимает коллективный европейский социально-культурный контекст (прежде всего ценности вторичной социализации), но вместе с тем высказывает предположения, детерминированные религией и мало совместимые с ним. В этом проявляются важнейшие характеристики гибридной идентичности – амбивалентность, многослойность и незавершенность. Конфликтность гибридной идентичности представителей второго/третьего поколения детерминирована противоречием между религиозной самоидентификацией и секулярной европейской идентичностью (о европейской секулярной идентичности см: [Андреева, 2015]). Ряд исследований, «проведенных в европейских странах, эмпирически доказывает, что этнические меньшинства, представленные мусульманами, интегрируются гораздо медленнее и избирательнее, чем не мусульманские этнические меньшинства» [Мачина, 2018: 27]. Именно религия – один из сдерживающих барьеров интеграции мигрантов в секулярное европейское общество. Мобилизация религиозной идентичности лежит в основе формирования гибридной идентичности европейских мусульман второго/третьего поколения. Можно согласиться с позицией Стюарта Холла в эссе «Культурная идентичность и глобализация» 1999 г., что национальные идентичности в эпоху постмодерна приходят в упадок и их место занимают гибридные идентичности [Hall, 1999: 425]. Существование гибридной идентичности европейских мусульман второго/третьего поколения – вызов для европейской идентичности, т. к. процесс идентификации больше не предполагает формирование устойчивого внут-

ренного ядра, а является непрерывной деятельностью по согласованию нескольких противоречивых культурных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Л.А., Андреева Л.К. (2015) Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций. *Социологические исследования*. № 3(371). С. 82–88.

Андреева Л.А., Следзевский И.В., Смирнов М.Ю. (ред.) (2021) *Трансформации глобального конфессионального геопространства: феномен «параллельных» обществ в системе международно-политических отношений*. Издательство Владимир Даль, Санкт-Петербург.

Викторова Е.В. (ред.) (2018) *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения*. Изд-во СПбГЭУ, Санкт-Петербург. 167 с.

Волков Ю.Г., Курбатов В.И. (2022) Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления. *Гуманитарий Юга России*. Том 11. № 2. С. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>

Деминцева Е. (2008) *Быть арабом во Франции*. Новое литературное обозрение, Москва. 182 с.

Мачина А.А. (2018) Гибридная идентичность как фактор политической реальности европейского общества. *Вопросы политологии*. Вып. 1(29). С. 24–31.

Сафонова Н.В. (2021) Эволюция интеграционной политики во Франции: причины кризиса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. Вып. 3(844). С. 169–184. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_169

Шумилин А.И. (2021) Республика против политического ислама (часть 1). *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1. С. 54–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120215461>

Giddens A. (2001) *Sociology*. Polity Press, Cambridge, UK. 750 p.

Habermas J. (1996) *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, Germany. 404 p.

Hall S. (1999) Kulturelle Identität und Globalisierung. *Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung*. Ed. by K.H. Hörning, R. Winter. Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, Germany. P. 393–441.

Hein K. (2006) *Hybride Identitäten*. Transcript Verlag, Bielefeld, Germany. 472 p.

Hynes L. (2000) Looking for Identity Food, Generation & Hybridity. *Australian Screen Education Online*. No. 24. P. 30–36.

Marotte V. (2006) Civilisation, culture and the hybrid self in the work of Robert Ezra Park. *Journal of Intercultural Studies*. Vol. 27. Issue 4. P. 413–433.

Schneider I. (1997) *Hybridkultur: Medien, Netze, Künste*. Wienand, Köln, Germany. 366 p.

Wagner C. (2016) Migration and the Creation of Hybrid Identity: Chances and Challenges. *Proceedings of Harvard Square Symposium, The Phenomenon of Migration, August 22–23, 2016. Research Association for Interdisciplinary Studies*. Ed. by I.-G. Rotaru, D.E. Simion, V. Burcea. The Scientific Press, Cambridge, USA. P. 237–255. DOI: 10.5281/zenodo.999620

Yildiz T. (2016) *Qui sont-ils? Enquête sur les jeunes musulmans de France*. L'artilleur, France. 352 p.

Young R. (1995) *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*. Routledge, London, UK. 256 p.

Features of Hybrid Identity of the Second/Third Generation of European Muslims

L.A. Andreeva*

Doctor of Sciences (Philosophy)

Professor RAS, Centre for Civilizational and Regional Studies

Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences

30/1, Spiridonovka St., Moscow, Russia, 123001

***E-mail:** larchen1969@gmail.com

Abstract. The article deals with the problem of the hybrid identity of the representatives of the second/third generation of European Muslims, which has become a consequence of the failure of various strategies for the integration of migrants into European society. Hybridity arises in situations of cultural intersection when somewhat contradictory meanings and logics emanating from separate spheres of action combine to form new patterns. The article shows that a significant part of the representatives of the second/third generation of European Muslims, to one degree or another, accepts the collective European socio-cultural context (primarily, the values of secondary socialization), but at the same time expresses time preferences determined by religion, which are little compatible with European values. This reveals important characteristics of the hybrid identity of European Muslims – ambivalence, multilayeredness and incompleteness. The study emphasises that the majority of representatives of the second/third generation of migrants do not identify themselves either through the nationality of their parents or through European identity, but recognise themselves through religious identity. Thus, religious affiliation is stronger than both identities. The main source of formation of the hybrid identity of second/third migrants is the conflict between religious self-identification and secular European identity. It is religion that is one of the restraining barriers to the integration of migrants into the secular European society. Similarly, the mobilization of religious identity underlies the formation of a hybrid identity of European Muslims of the second/third generations.

Key words: hybrid identity, migrants, generations, integration, Muslims, values, Europe

DOI: 10.31857/S0201708323040101

EDN: bxguvo

REFERENCES

Andreeva L.A., Andreeva L.K. (2015) Sekulyarnyi ili Postsekulyarnyi Mir? Verifikatsiya kontseptsii [Secular or Post-Secular World? Verification of concepts], *Sociologicheskie issledovaniya*, 3(371), pp. 82–88. (In Russian).

Andreeva L.A., Sledzevskii I.V., Smirnov M.Yu. (ed.) (2021) *Transformacii global'nogo konfessional'nogo geoprostranstva: fenomen «parallel'nyh» obshchestv v sisteme mezhdunarodno-politicheskikh otnoshenij* [Transformations of the global confessional geospace: the phenomenon of "parallel" societies in the system of international political relations], Vladimir Dal Publishing House, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Demintseva E. (2008). *Byt' arabom vo Francii* [To be an Arab in France], New Literary Review, Moscow, Russia. (In Russian).

- Giddens A. (2001) *Sociology*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Habermas J. (1996) *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, Germany.
- Hall S. (1999): Kulturelle Identität und Globalisierung, in Hörning K. H., Winter R. (ed.) *Widerspenstige Kulturen. Cultural Studies als Herausforderung*, Suhrkamp Verlag, Frankfurt am Main, Germany, pp. 393–441.
- Hein K. (2006) *Hybride Identitäten*, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany.
- Hynes L. (2000) Looking for Identity Food, Generation & Hybridity, *Australian Screen Education Online*, 24, pp. 30–36.
- Machina A.A. (2018) Gibridnaja identichnost' kak faktor politicheskoy real'nosti evropejskogo obshhestva [Hybrid identity as a factor in the political reality of European society], *Voprosy politologii*, 1(29), pp. 24–31 (In Russian).
- Marotte V. (2006) Civilisation, culture and the hybrid self in the work of Robert Ezra Park, *Journal of Intercultural Studies*, 27(4), pp. 413–433.
- Safonova N.V. (2021) Jevoljucija integracionnoj politiki vo Francii: prichiny krizisa [The evolution of the integration policy in France: the causes of the crisis], *Bjulljuten' Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvennye nauki*, 3(844). pp. 169–184. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_3_844_169 (In Russian).
- Schneider I. (1997) *Hybridkultur: Medien, Netze, Künste*, Wienand, Köln, Germany.
- Shumilin A.I. (2021) Respublika protiv politicheskogo islama (chast' 1) [Republic against political Islam (part 1)], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, 1, pp. 56–61. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120215461> (In Russian).
- Viktorova E.V. (ed.) (2018) *Formirovanie sovremennoj evropejskoj identichnosti v ramkah integracii ES: social'noe i kul'turnoe izmereniya* [The formation of a modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimensions], Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia. (In Russian).
- Volkov Y.G., Kurbatov V.I. (2022) Gibridnaja identichnost': faktory formirovanija i formy projavlenija [Hybrid Identity: Factors of Formation and Forms of Manifestation], *Gumanitarnij Juga Rossii*, 11(2), pp. 15–26. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1> EDN: HVDEAS (In Russian).
- Wagner C. (2016) Migration and the Creation of Hybrid Identity: Chances and Challenges, in Rotaru I.-G., Simion D.E., Burcea V. (ed.) *Proceedings of Harvard Square Symposium, The Phenomenon of Migration, August 22–23, 2016. Research Association for Interdisciplinary Studies*, The Scientific Press, Cambridge, USA, pp. 237–255. DOI: 10.5281/zenodo.999620
- Yildiz T. (2016) *Qui sont-ils? Enquête sur les jeunes musulmans de France*, L'artilleur, France.
- Young R. (1995) *Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race*, Routledge, London, UK.

УДК 327.51; 327.57

А.А. ГРОМЫКО И ПОЛИТИКА БЕЗОПАСНОСТИ: НАСТРОЙКА НА ХЕЛЬСИНКИ

© 2023 г. **СИНДЕЕВ Алексей Александрович***

Доктор исторических наук, профессор РАН

Главный научный сотрудник Института Европы РАН

125009, Россия, Москва, ул. Моховая. д. 11, стр. 3

***E-mail:** *a_sin74@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.05.2023

После доработки 26.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализирована роль министра иностранных дел СССР А.А. Громыко в формировании, развитии и поддержании политики безопасности, ее принципов и структурных элементов. Актуальность статьи определяется значением стратегии и стратегического мышления в современной внешней политике и дипломатии, их влиянием на межгосударственное сотрудничество, эволюцию и управляемость международных отношений. Исследованные материалы структурированы в шесть подразделов. Научная новизна первого подраздела заключается в рассмотрении логики и особенностей дипломатической игры Запада. Научную новизну второго подраздела составляют пять отличий подходов Л.И. Брежнева и А.А. Громыко, которые могли помочь или воспрепятствовать защите интересов Советского Союза на будущей конференции. Научная новизна третьего подраздела – это временная фиксация понимания советской позиции по конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе западными дипломатами. Научную новизну четвертого и пятого подразделов предопределило доказательство гипотезы о наличии у А.А. Громыко двух планов – на случай созыва или переноса конференции. В четвертом и пятом подразделах представлены основные мероприятия и ожидаемые результаты «плана А» и «плана Б». Шестой подраздел посвящен выводам, которые можно разделить на исторические (вывод 3) и историко-политологические (выводы 1-2, 4-5). Полученные результаты позволяют проверить гипотезы, связанные с (воздействием личностного фактора (длительное нахождение на ответственном посту; постоянное укрепление влияния, авторитета и возможностей) на внешнюю политику и процессы эволюции в системах международных отношений. Применительно к 1971 г. обнаружен разработанный А.А.

Громыко советский вариант «теории магнита». Источниковая база статьи – опубликованные документы МИД ФРГ. Аргументационные линии статьи следует включать в контекст ранее опубликованных в журнале «Современная Европа» статей автора по этой проблематике.

Ключевые слова: Громыко, политика безопасности, внешнеполитический континуитет, политическая стратегия, политическая тактика, дипломатическая стратегия, дипломатическая тактика, конференция по безопасности и сотрудничеству

DOI: 10.31857/S0201708323040113

EDN: bxgyix

В историографии Хельсинский процесс детально проработан и вписан в обще-исторический контекст связанных с ним инициатив [Загорский, 2005]. При изучении отдельных сюжетов исследователи, ориентируясь на линейность, стремятся определить, скорректировать и подтвердить историчность и континуитет доминирующих фактов и явлений [Staden, 1990; Biermann, 2012; Peter, Wentker, 2012]. Линейность и ее многочисленные проявления практически исчерпали свой научный потенциал, поскольку исследователь априори вынужден принять крайне ограниченную трактовку причинно-следственных связей и классифицировать не вписывающиеся в них линии как нетипичные и противоречащие течению линейного времени и характерным для него объяснениям [исключения из привычного анализа см.: Hildebrand, 2012; Kunter, 2000; Selvage, Süß, 2019].

История без труда способна параллельно развивать различные субпроцессы, временное начало и протяженность которых практически всегда асинхронны. Следовательно, в Хельсинском процессе встретились несколько субпроцессов и феноменов со свойственными им предысторией, логикой, акторами, ожидаемыми поведением и результатами. В подобных «встречах» рождаются исторические альтернативы и утверждается представление о временной многогранности.

Статья посвящена одной из таких «встреч» в 1971 г., когда хронологически совпали и раскрылись очередная дипломатическая игра Запада, система взглядов А.А. Громыко¹, преимущества технократизма перед личностным подходом, сформировались контуры советской позиции по Хельсинки и альтернативные траектории достижения целей – все то, что автор обозначил в качестве настройки на Хельсинки и что было включено в еще более широкий процесс – поиск эффективной политики безопасности.

Дипломатическая игра Запада

После заключения Московского договора 1970 г. западные страны продолжили дипломатическую игру. Федеративной Республике Германия пришлось взять на себя особую роль, поскольку из-за нового характера отношений с Москвой она

¹ О системе взглядов А.А. Громыко см.: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: формирование системы отношений. *Современная Европа*. 2022. № 7. С. 175–184. DOI: 10.31857/S0201708322070142.

имела шанс получить от Советского Союза некоторые уступки. Неслучайно правительственные и оппозиционные партии ФРГ¹ в унисон заговорили об удовлетворительном берлинском урегулировании как о предпосылке ратификации договора.

Показателен пример казуистической аргументации в инструкциях МИД ФРГ своему послу в Москве: «[С]ледует задаться вопросом, – значит ли в документе, – на что вообще способно сотрудничество между Востоком и Западом, если нельзя достигнуть даже <...> решения по Берлину»². В этой интерпретации получалось, что ФРГ в августе 1970 г. сделала значительный шаг навстречу СССР, а последний не хочет пойти чуть дальше в берлинском вопросе и улучшить общественно-политический климат на международной арене и в Европе.

Определенную лепту в игру вносили риторические приемы «позитивного настроения». Например, канцлер В. Брандт (СДПГ) говорил о том, что «важно <...> убедить народы: речь идет не о вещах далекого будущего, а о вещах, которые смогут пошагово стать реальностью»³.

Казуистика и перевернутая логика не способны обойтись без скрытой угрозы, переадресации ответственности, понятийных подмен и обещаний. «Если берлинский тест перспектив на разрядку в Европе завершится положительно, – должен был сказать в МИД СССР западногерманский посол, – советское правительство может быть уверенным, что федеральное правительство не будет чинить препятствий продолжению пути разрядки»⁴. Предпосылки стали тестом. Обещание не чинить препятствий прозвучало оптимистично, но неопределенно, поскольку роли западных стран менялись в зависимости от ситуации и прогнозируемого результата.

В одной ситуации Федеративная Республика не собиралась озвучивать общую западную позицию по Хельсинскому процессу. «Подробный ответ на [советскую] памятную записку»⁵, – было написано в представленных выше инструкциях МИД ФРГ, – в которой содержится целый ряд вопросов, затрагивающих западный альянс как целое, не могут ожидать от нас»⁶. В другой ситуации, когда нужно было усилить переговорную позицию за счет союзников, допускался отход от роли зависимого государства. 17 сентября 1971 г. В. Брандт заявил Л.И. Брежневу, что «в конкретном обсуждении темы *MBFR*⁷ поучаствуют в первую очередь члены блоков»¹.

¹ Schwarz H.-P. (ed.) Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. München. R. Oldenbourg Verlag. 2002. P. 90–93.

² Там же. P. 1143.

³ Там же. P. 1395.

⁴ Там же. P. 1143.

⁵ Из памятной записки, переданной послом СССР в ФРГ В.М. Фалиным в конце мая 1971 г. статс-секретарю МИД ФРГ П. Франку: «По мнению Советского правительства сам факт созыва общеевропейской конференции был бы большим прогрессом касательно нормализации отношений между всеми европейскими странами и разрядки в Европе. Встреча за столом конференции символизировала бы общность стремлений участников конференции по достижению этих целей». Там же. P. 861.

⁶ Там же. P. 1140.

⁷ Имеется в виду *Mutual and Balanced Force Reduction* – Взаимное и сбалансированное сокращение вооруженных сил. Переговоры начались 30 октября 1973 г.

Казуистика в дипломатической игре часто сочеталась с расширением аргументации. Любопытен сюжет априорного настроения ФРГ на мир: «Излишне подчеркивать, – констатировал статс-секретарь П. Франк, – что интерес высоко индустриальных стран к миру сильнее, чем других стран»². К расширению аргументации следует отнести и разного рода взаимосвязи, при которых, например, обсуждение «сокращени[я] войск немыслим[о] вне рамок конференции по безопасности (КБЕ), и уж ни в коем случае сама КБЕ немыслима без <...> темы сбалансированного сокращения войск»³.

В пределах устоявшейся схемы дипломатическая игра технократична и предсказуема. Она ведется в отношении потенциальных соперников и противников [Вёскер, 2010]. Ее участники планируют получить значимый результат в отдаленной перспективе.

Пять отличий подходов Л.И. Брежнева и А.А. Громыко

Поиск споров и разногласий в верхних эшелонах советского партийного и государственного руководства является трудным занятием. Однако применительно к предмету статьи расхождения в подходах Л.И. Брежнева, не до конца понимавшего особенности дипломатической игры Запада, и А.А. Громыко, освоившего все тонкости игры, были явными.

Во-первых, «европейское развитие», по Л.И. Брежневу, «в значительной степени зависит от отношений между СССР и ФРГ, а также с Францией, “и немножечко с Италией”»⁴. А.А. Громыко всегда выступал за приоритетность контактов с США, без принципиального согласия с которыми мирное «европейское развитие» было невозможно⁵. Неслучайно французская политика МИД СССР при А.А. Громыко преследовала среди прочего цель побудить Соединенные Штаты к активизации двусторонних контактов.

Во-вторых, А.А. Громыко не допускал нечетких формулировок, алогичности и непоследовательности. Л.И. Брежнев в беседе тет-а-тет с В. Брандтом неожиданно

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1394.

² Там же. P. 1142.

³ Там же. P. 1141.

⁴ Там же. P. 1383. Из ответа В.М. Фалина «чиновникам западногерманского МИДа», приведенного в статье А.М. Филитова [Филитов, 2023: 140], можно предположить, что позиции Л.И. Брежнева и В.М. Фалина были близкие друг к другу. По нашему мнению, при сопоставлении и сравнении 1970–1972 и 1989–1990 гг. имеет смысл четче показывать отличия, поскольку подход А.А. Громыко в итоге доказал свою верность.

⁵ Еще 24 сентября 1971 г. А.А. Громыко считал возможным, «чтобы только Соединенные Штаты и Советский Союз говорили бы [о сокращении национальных и иностранных войск] вне рамок блока», о чем он и заявил госсекретарю США У. Роджерсу. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1454. См. также сказанное А.А. Громыко послу США в ФРГ К. Рашу: «Если США и СССР согласованно устремятся к общей цели, то урегулирование перестанет быть проблематичным». Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. Москва. Центрполиграф. 2016. С. 237.

заговорил «об опасностях атомной войны и добавил, что <...> не хочет, "конечно, грозить"»¹. Несколько сбивый с толку В. Брандт выразил сочувствие: «Я сказал, что понимаю его заботы, заботы сверхдержавы»². Нечеткость позиции и формулировок подпитывала западную дипломатическую игру.

В-третьих, А.А. Громыко детально владел ситуацией³ и был противником доверительных признаний, ослабляющих в условиях дипломатической игры позицию СССР. Л.И. Брежнев мог действовать спонтанно. В немецкой версии встречи Л.И. Брежнева и В. Брандта указано: «Генеральный секретарь заметил <...>, что немецкая сторона должна иметь доверие к советской стороне. Если доверие отсутствует, то для обеих сторон все станет сложнее <...>. [С]оветская сторона, если она кого-либо одарит доверием, является искренней. Это принцип советской стороны»⁴. Получалось, что при отсутствии доверия советская сторона была готова действовать неискренне⁵.

В-четвертых, А.А. Громыко был противником соглашательства и отказа от давления⁶. Даже по процедурным вопросам он старался вымотать визави и, попытавшись ослабить его внимание, провести устраивающую СССР формулировку. Л.И. Брежнев, больше заинтересованный в том, чтобы немцы правильно написали его должность, «был *особенно* (выделено мною. – А.С.) согласен с тем, чтобы в пассаже о конференции по безопасности в Европе зачеркнуть слова “в ближайшем будущем”. Он заметил <...>, что для реализации этой инициативы необходимо время»⁷. С одной стороны, нет смысла пояснять, что время, действительно, было необходимо; с другой – «особое согласие» немцы могли оценить как возможность в спокойном темпе реализовывать собственные цели, раскручивать маховик дипломатической игры.

В-пятых, от А.А. Громыко нельзя было ожидать демонстрации особого интереса. Л.И. Брежнев на пути в Симферополь после многочасовых переговоров с канцлером захотел «спросить [у Брандта] лично, действительно ли будет ратифицирован [Московский] договор <...>, так как в случае неудачи возникнет регресс, который продлится десятилетия»⁸.

¹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1384.

² Там же.

³ См. подробнее: Синдеев А.А. «Дипломатические университеты» Андрея Андреевича Громыко. «Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко. Под общ. ред. Ал.А. Громыко. Москва. Весь мир. 2019. С. 332–374.

⁴ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1410.

⁵ Понимание доверия в системе А.А. Громыко см.: Синдеев А.А. А.А. Громыко и политика безопасности: формирование системы отношений.

⁶ Об особом курсе Л.И. Брежнева в отношении давления в период работы над Московским договором см. у В.М. Фалина: «Леонид Ильич подводил Громыко к выводу, что нажимные требования выполнили свое назначение». Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. С. 167. См. также [Филитов, 2023: 140].

⁷ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. P. 1408.

⁸ Там же. P. 1419. Вопрос и слова Л.И. Брежнева доказывают, что у него был единственный план действий. См. ниже разделы о «плане А» и «плане Б» А.А. Громыко.

В применяемой Западом технократической схеме личностный подход Л.И. Брежнева ослаблял переговорные позиции СССР. А.А. Громыко приходилось нивелировать угрозы. В том числе этой причиной можно объяснить бросающиеся в глаза сдержанность и закрытость министра.

Контуры советской позиции по Хельсинки

В представлении стран Запада результат работы МИД СССР во главе с А.А. Громыко в 1971 г. выглядел следующим образом. Советский Союз выступит за максимально широкий состав участников и ускорение созыва конференции по безопасности, на которой он рассчитывает «обсудить <...> высокие принципы» заявленных тем и создать «генеральный секретариат или комитет»¹. Секретариат или комитет займется проработкой внесенных предложений и подготовят доклад.

СССР согласится рассмотреть сокращение войск, но будет настаивать на предварительных консультациях и прояснении ряда вопросов, к примеру: «следует ли сокращать только иностранные войска, какого мнения придерживаются государства в отношении сокращения собственных войск, как осуществить [сокращение] сбалансировано, как должны выглядеть практические решения (процентное сокращение <...> или сокращение дивизий)»². Для Советского Союза принципиальным является соединение комплексов сокращения войск и вооружений. СССР вряд ли пойдет на то, чтобы «сокращение войск» ограничилось бы «обоими германскими государствами, так как речь идет о безопасности Европы»³.

СССР выскажется против переговоров между блоками. Его цель – добиться переговоров на межгосударственном уровне. Для обоснования значимости межгосударственных переговоров прозвучат аргументы, что «климат безопасности важен для всех европейских стран» и нужно «узнать мнение каждого государства»⁴.

Советский Союз настроен обсудить широкий круг тем: «отказ от насилия, вопросы сотрудничества, развития торговли, культурного и научного обмена». Все эти темы в советском представлении «соответствуют важнейшим принципам сосуществования» и не зависят «от общественного порядка»⁵.

Гибкая позиция МИД СССР не позволяла странам Запада игнорировать идею конференции и переложить, в случае ее провала, ответственность на Москву. Параллельность выдвижения стратегических целей (мирное сосуществование общественных систем), практических инициатив (сотрудничество в сферах торговли, культуры и науки), а также готовность вынести сложные вопросы сокращения вооружений за пределы формата конференции создавали благоприятные условия для договоренностей. Продолжение диалога, поскольку сложные проблемы не могли быть решены на одной конференции, было запрограммировано.

¹ Там же. Р. 1392.

² Там же.

³ Там же. Р. 1394.

⁴ Там же. Р. 1395.

⁵ Там же.

Диалог с СССР без дополнительных уступок угрожал размыть образ врага и подорвать западное единство, поэтому страны Запада не собирались отказываться от дипломатической игры с особой ролью Федеративной Республики, отношениям с которой Л.И. Брежнев добровольно отвел столь важное значение и признался в этом В. Брандту.

Выверенность действий А.А. Громыко и учет им не только особенностей позиции Запада, но и нюансов подхода Л.И. Брежнева, позволяют предположить, что у министра иностранных дел СССР были «план А», настроенный на то, чтобы добиться созыва конференции, и «план Б», если она не состоится.

Мероприятия «плана А»

А.А. Громыко, как государственный деятель и управленец высшего звена, не мог не принимать в расчет формулу Л.И. Брежнева о «европейском развитии». Министр надеялся до созыва конференции завершить ратификацию Московского договора и получить большую свободу для маневра.

Советско-германский договор 1970 г. А.А. Громыко понимал «как логическое следствие не только двусторонних, прошедших в Москве переговоров, но и как результат усилий, предпринимаемых Советским Союзом на протяжении многих лет в одном и том же направлении». Подобный аргумент делал ничтожным любое упоминание уступок. Представители ФРГ не рискнули бы в присутствии министра заниматься бессмысленным сравнением значимости, сходств, отличий «усилий» и «уступок».

Поскольку после ратификации Московский договор будет обладать полноценной юридической силой, то его, по мнению А.А. Громыко, «можно и нужно использовать для постоянного улучшения отношений»¹. Иными словами, министр пытался переориентировать немцев на позитивную конкретику, краткосрочные реальные результаты и выгоды. Лейтмотив высказываний А.А. Громыко очевиден: нужно не играть, а работать. Новые компромиссы придут в свое время. Пока «есть рамка наших фактов и политических возможностей, которую мы не сможем сломать»². Новое время создаст новую рамку.

Немцы отметили, что министр вообще не реагировал на их игру. Западногерманский посол в Москве Х. Аллардт отчитывался в МИД ФРГ: «Мое изложенное в полном соответствии с инструкцией замечание, что удовлетворительное решение берлинской проблемы стало бы для нас проверкой шансов на сотрудничество Запада и Востока в целом, он также проигнорировал»³.

Расширение аргументационного контекста министр нивелировал с помощью открытости к диалогу, упоминания «полезности бесед» и указания на то, что, с его точки зрения, «федеральное правительство демонстрирует столько интереса в решении всех <...> проблем и особенно проблемы сокращения войск»⁴.

¹ Там же. Р. 91.

² Там же. Р. 92.

³ Там же. Р. 1195.

⁴ Там же.

В отношении французов тактика А.А. Громыко была иной. Он не упустил случая заметить послу Р. Сейду, что «[е]сли обсуждение *MBFR* в настоящее время и имеет приоритет, то это только от того, что здесь контакты продвинулись несколько дальше. Но они (контакты. – А.С.) ни в коем случае не должны привести к тому, чтобы отойти от параллельности [проработки] всех тематических комплексов переговоров между Востоком и Западом и сделать начало одного [комплекса] зависимым от успеха другого». Советский Союз, аргументировал А.А. Громыко, «готов вступить в обмен мнениями <...> со всеми заинтересованными странами»¹.

Следовательно, если Франция считает себя великой державой, то она должна вести себя ответственно и оказать давление на союзников и партнеров, поскольку потенциальный круг вопросов конференции является отнюдь не рядовым. Пока Франция, по мнению советского министра иностранных дел, «ничего не сделала для созыва конференции по европейской безопасности». Запад только использует прежний репертуар. «Еще в 1950-х годах, – отметил А.А. Громыко, – *MBFR* относилась к репертуару Запада; [неясно], почему эта тема всплыла в контексте с конференцией»².

Если Запад настаивает на *MBFR*, то тогда, рассуждал А.А. Громыко, все государства-участники конференции должны получить право представительства в «специальном органе», который займется обсуждением сокращения войск. В случае добровольного отказа от вхождения в «специальный орган» он будет работать вне рамок конференции. Конференцию нужно, полагал А.А. Громыко, созывать сразу, как только страны «придут <...> к убеждению, что [она] может начаться»³.

Таким образом, основные мероприятия «плана А» были сориентированы на то, чтобы повысить ответственность Франции и Германии, двух ведущих стран в «европейском развитии», не допустить затягивание созыва конференции и западную дипломатическую игру. В рамках «плана А» А.А. Громыко критиковал, указывал на историческую роль, перспективы и подчеркивал отсутствие непреодолимых противоречий для работы конференции.

Вспомним слова А.А. Громыко: «Начало конференции делают зависимым от условий. Это неправильно и усложняет дело. Нужно смотреть на вещи следующим образом: решение одной проблемы облегчает решение другого вопроса»⁴.

Мероприятия «плана Б»

Параллельно с «планом А» реализовывался «план Б». СССР получил возможность углубить контакты со многими европейскими странами⁵. Последние могли узнать страну с новой стороны, поскольку «[е]ще никогда в послевоенное время в Европе государства не встречались за одним столом, чтобы обсудить вопросы без-

¹ Там же.

² Там же. Р. 13.

³ Там же. Р. 1194.

⁴ Там же. Р. 1825.

⁵ См. замечание западногерманского посла Х. Алларда от 25 ноября 1971 г.: «Советскому правительству до сих пор удивительно хорошо удавалось поддерживать мысль о конференции по безопасности». Там же.

опасности, культуры, научного и технического сотрудничества»¹, т. е. сразу весь комплекс потенциальных межгосударственных контактов [Громыко Ал., 2019].

Перенос или временный отказ от конференции не повлиял бы на комплексность. Благодаря подготовительному этапу перспективные направления планомерно дорабатывались бы на двусторонних встречах. Сохранилась бы заинтересованность отдельных стран в сотрудничестве с Советским Союзом.

При определенных условиях перенос конференции принес бы СССР даже большую пользу. Цель создания системы безопасности в Европе оставалась бы в дипломатической повестке дня. Результаты контактов с другими странами можно было бы интерпретировать как постепенное продвижение к намеченной цели. Работавшие договоренности обеспечили бы прецедентность. Опыт и новые факты не удалось бы проигнорировать. Фактор времени помог бы А.А. Громыко скорректировать формулу Л.И. Брежнева о «европейском развитии». Для Советского Союза конференция могла пройти в более выгодной внешнеполитической ситуации.

Данная гипотеза позволяет рассматривать обсуждение проблемы сокращения войск вне повестки дня конференции дуалистично – как пример затягивания и как образец формирования субстанции для дальнейших дискуссий. А.А. Громыко привел следующие аргументы: «Нужно исходить из того, что квалифицированным большинством <...> мы не продвинемся, нужно будет достигать единогласия между всеми заинтересованными государствами (выделено мною. – А.С.)»².

Допустима также другая гипотеза. Благодаря «плану Б» Громыко представил советский вариант «теории магнита», нацеленный на нормализацию отношений через постоянные рабочие контакты и конкретные договоренности, на привыкание к нормальности мирного сосуществования, на рост доверия и на эволюционное появление новой системы безопасности в Европе³.

Выводы

Западные страны привыкли вести длительную дипломатическую игру. Она нужна им для получения стратегических и тактических преимуществ. Несмотря на трансформации и периодическую смену политических элит, игра и ее правила не менялись. Современность обнажила тщательно скрываемое и подорвала доверие к коллективному Западу.

Единственно возможный ответ на дипломатическую игру – это технократический ответ, предусматривающий несколько планов действия (см. гипотезы о «плане

¹ Там же. Р. 1824.

² Там же. Р. 1826. Если предположить, что обе трактовки не противоречат друг другу, предостережение советского министра иностранных дел («[д]ля многих государств межблочные переговоры чрезвычайно проблематичны») предстанет в ином ракурсе.

³ В этом контексте см. еще одно замечание западногерманского посла Х. Алларда от 25 ноября 1971 г.: СССР «хочет попытаться осуществить свои представления об общей Европе до тех пор, пока объединение Западной Европы не приняло формы, которые воспрепятствуют этому». Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland: 1971. Р. 1825.

А» и «плане Б» у А.А. Громыко). Отступление от рационально-технократической аргументации в отношениях с западными партнерами ослабляет сторонников иных видов взаимодействия. Именно поэтому А.А. Громыко аргументировал рационально, просто и аксиоматично: мирное сосуществование выгодно, потому что оно дает дивиденды в других сферах.

В 1971 г. А.А. Громыко сделал ставку не на содержательное обсуждение тем и проблем, а на подготовку условий последующей работы и нивелирование негативных последствий дипломатической игры Запада.

Настаивая на принципах внеблоковости и единогласия, А.А. Громыко фактически работал на самостоятельность и геополитический суверенитет Европы. Тогда западноевропейские страны не захотели выбрать путь геополитического суверенитета, поскольку их дипломатическая игра и стратегическая цель победы над коммунизмом потеряли бы смысл.

Исторический урок 1971 г. заключается в том, что политика безопасности – это не всегда процессы выдвижения и обсуждения конкретных инициатив. Чаще всего речь идет о длительном создании благоприятных условий¹. Выдвижение инициатив без благоприятных условий обречено на провал. Об этой стороне политики безопасности А.А. Громыко никогда не забывал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко Ал.А. (2019) Дипломатия позитивного действия. *«Война между государствами – великое зло»: к 110-летию А.А. Громыко*. Общ. ред. Ал.А. Громыко. Весь мир, ИЕ РАН, Москва. С. 84–102.

Громыко Ан.А. (2009) *Андрей Громыко: Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына*. Научная книга, Москва. 444 с.

Загорский А.В. (2005) *Хельсинкский процесс: переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972–1991*. Права человека, Москва. 447 с.

Филитов А.М. (2023) 1970–1972 и 1989–1990 гг. в советско-германских отношениях: сравнительный анализ. *Россия и современный мир*. № 1. С. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09

Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process. *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*. Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kusanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 143–162.

Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der*

¹ «“[3]олотое правило” дипломатии, которое называл мне отец, – писал Анатолий Андреевич Громыко, – было: осторожное использование возможностей встреч в верхах (выделено Ан.А. Громыко. – А.С.). “Плохо подготовленные встречи на высшем уровне, – говорил он, – не говоря о неподготовленных, лучше не проводить вообще. Они приносят больше вреда, чем пользы. Если это рабочая встреча, то ее слабая отдача не беда. Что касается соглашений, договоров, то в мировой практике к ним идут годами, а то и десятилетиями. Хорошо были подготовлены встречи в Ялте и Потсдаме, соглашения по ограничению стратегических ядерных вооружений, конференция в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе. Плохие результаты принесли встречи Хрущева с Эйзенхауэром и Кеннеди”» [Громыко Ан., 2009: 290].

EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen. GRIN Verlag, München, Germany. 17 p.

Hildebrand K. (2012) *The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s. From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente.* Ed. by V. Bilandžić, D. Dahlmann, M. Kosanović. V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany. P. 25–38.

Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968-1978.* Kohlhammer, Stuttgart, Germany. 262 p.

Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990.* Oldenbourg, München, Germany. 344 p.

Selva D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989).* Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany. 757 p.

Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess.* Oldenbourg, München, Germany. 66 p.

A.A. Gromyko and Security Policy: Setting up for Helsinki

A.A. Sindeev*

Doctor of Sciences (History), Professor of RAS

Chief Researcher, Institute of Europe, RAS

11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** a_sin74@mail.ru

Abstract. The article continues the study of the role of the Minister of Foreign Affairs of the USSR A.A. Gromyko in the formation, development and maintenance of security policy, its principles and structural elements. The relevance of the article is determined by the importance of strategy and strategic thinking in modern foreign policy and diplomacy, their influence on interstate cooperation, the evolution and manageability of international relations. The chronological framework is limited to the events of 1971. The importance of these events allowed the author to identify and characterise some elements of the complex and controversial process of setting up for a future conference on security and cooperation in Europe, as well as to analyse A.A. Gromyko's strategy of in this setting. The studied materials are presented in six subsections. The scientific novelty of the first subsection lies in the consideration of the logic and features of the diplomatic game of the West. The scientific novelty of the second subsection consists of five differences in the approaches of L.I. Brezhnev and A.A. Gromyko, who could help or hinder the defense of the interests of the Soviet Union at a future conference. The scientific novelty of the third subsection lies in the consideration of the Soviet position on a conference on security and cooperation in Europe by Western diplomats. The scientific novelty of the fourth and fifth subsections was determined by the proof of the hypothesis that A.A. Gromyko had two plans – in case the conference was convened or postponed. In the fourth and fifth subsections, the author presents the main activities and expected results of «Plan A» and «Plan B». The sixth subsection is devoted to conclusions that can be classified into historical conclusions (conclusion 3) and historical and political conclusions (conclusions 1-2, 4-5). The results obtained make it possible to test hypotheses related to the influence of the personal factor (long-term holding of a responsible position; constant strengthening of influence, authority and opportunities) on foreign policy and evolutionary processes in the systems of international relations. In relation to 1971, the author discovered Soviet version of the “magnet theory” developed

by A.A. Gromyko's. The sources of the article are published documents of the Foreign Office of the Federal Republic of Germany, the use of which can be explained methodologically. It was important for the author to conduct the analysis on the basis of the foreign partners' assessment of the statements made by the Soviet Foreign Minister during official negotiations (outer reflection). The author's reasoning should be understood in the context of his earlier article in the journal.

Key words: Gromyko, security policy, foreign policy continuum, political strategy, political tactics, diplomatic strategy, diplomatic tactics, conference on security and cooperation

DOI: 10.31857/S0201708323040113

EDN: bxgyix

REFERENCES

- Biermann H. (2012) U.S. Perceptions of the CSCE Process, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 143–162.
- Böcker C. (2010) *Die Europäische Politische Zusammenarbeit – Struktur, Auftreten auf den KSZE-Verhandlungen, Mitwirkung bei der Schlussakte von Helsinki: Die aktive Teilnahme der EPZ-Staaten bei den KSZE-Verhandlungen und deren damit einhergehender Einsatz für die Menschenrechte haben zum Zerfall des Ostblocks beigetragen*, GRIN Verlag, München, Germany.
- Filitov A.M. (2023) 1970–1972 i 1989–1990 gg. v sovetsko-germanskikh otnosheniyakh: sravnitel'nyi analiz [1970–1972 and 1989–1990 years in the Soviet-German relationships: comparative analysis], *Russia and the modern world*, 1, pp. 137–152. DOI: 10.31249/rsm/2023.01.09. (In Russian).
- Gromyko A.I.A. (2019) Diplomatiya pozitivnogo deistviya [Positive Action Diplomacy], in Gromyko A.I.A. (ed.) *“Voina mezhdru gosudarstvami – velikoe zlo”: K 110-letiyu A.A. Gromyko* [“War between states is a great evil”: On the 110th anniversary of A. A. Gromyko], Ves' mir; IE RAN, Moscow, Russia, pp. 84–102. (In Russian).
- Gromyko An.A. (2009) *Andrei Gromyko: Polet ego strely. Vospominaniya i razmyshleniya syna* [Andrey Gromyko: The flight of his arrow. Memories and reflections of his son], Nauchnaya kniga, Moscow, Russia. (In Russian).
- Hildebrand K. (2012) The Cold War as Détente. The Phenomenology of the World Community of Nation States in the 1970s, in Bilandžić V., Dahlmann D., Kosanović M. (ed.) *From Helsinki to Belgrade: the first CSCE follow-up meeting and the crisis of détente*, V&R Unipress; Bonn Univ. Press, Göttingen, Germany, pp. 25–38.
- Kunter K. (2000) *Die Kirchen im KSZE-Prozeß 1968–1978*. Kohlhammer, Stuttgart, Germany.
- Peter M., Wentker H. (ed.) (2012) *Die KSZE im Ost-West-Konflikt: internationale Politik und gesellschaftliche Transformation 1975–1990*, Oldenbourg, München, Germany.
- Selva D., Süß W. (2019) *Staatssicherheit und KSZE-Prozess: MfS zwischen SED und KGB (1972–1989)*, Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen, Germany.
- Staden B. (1990) *Der Helsinki-Prozess*. Oldenbourg, München, Germany.
- Zagorskii A.V. (2005) *Khel'sinskii protsess: peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972–1991* [Helsinki process: negotiations within the framework of Security meetings and cooperation in Europe, 1972–1991]. Prava cheloveka, Moscow, Russia (In Russian).

УДК 327

ПЕРВАЯ ПОСЛЕВОЕННАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

© 2023 г. ЕРЁМИН Денис Павлович*

*М.н.с., Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований
Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3*

***E-mail:** eremindp1994@gmail.com

Поступила в редакцию 14.03.2023

После доработки 28.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье рассмотрена подготовка, ход и практические результаты первой послевоенной избирательной кампании 1996 г. в Боснии и Герцеговине. Дейтонские соглашения 1995 г, ставшие фундаментом современной боснийско-герцеговинской государственности, представляли навязанный извне компромисс, который не мог разрешить фундаментальные противоречия национальных общин страны. По этой причине ситуация в Боснии сохраняла значительный конфликтный потенциал. Заинтересованные международные акторы, прежде всего США и страны ЕС, направлявшие процесс разрешения кризиса в Боснии, использовали институциональное миростроительство в качестве основного метода постконфликтного урегулирования. В связи с этим ключевую роль для выстраивания новой политической системы Дейтонской БиГ играла первая послевоенная избирательная кампания, так как от ее результатов зависел процесс становления новых органов власти. Отсутствие реальной гармонизации отношений общин, их взаимное ожесточение на национальной и религиозной почве предопределили неспособность этнических партий самостоятельно достигать необходимых компромиссов. Данный факт определил высокую вовлеченность стран Запада во внутривнутриполитическую жизнь страны, становление наднациональной структуры управления государством и превращение Боснии в международный протекторат. Источниковую базу исследования составили до сих пор не введенные в научный

оборот материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Методологическую основу работы составил историко-генетический метод.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, политическая система, Высокий представитель, всеобщие выборы

DOI: 10.31857/S0201708323040125

EDN: bxjrsl

Балканы – сложный гетерогенный регион. Подверженность влиянию цивилизационных импульсов извне предопределила характер развития политической жизни народов региона. Каждый факт создания малыми балканскими народами крупных государственных образований представлял особый, исключительный случай, обусловленный тектоническими сдвигами в системе международных отношений. Создание королевской Югославии определено итогами Первой мировой войны [MacMillan, 2003: 109–124], а образование Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) – ходом Второй мировой войны, т. к. военные результаты обусловили социальную систему освобожденных территорий [Judt, 2005: 129–130].

Сложность исторической судьбы и отношений народов региона выражена в политической трансформации постъюгославского пространства и становлении новых национальных государств. Политическая трансформация в форме распада многонациональной СФРЮ¹ проходила по-разному в зависимости от республики. Комплексный неоднозначный характер этого процесса продемонстрировали события в Боснии и Герцеговине (БиГ) [Гуськова, 2011]. Вооруженное противостояние этноконфессиональных общин в регионе было обусловлено комплексом причин. Во-первых, БиГ на протяжении большей части истории являлась географическим регионом и не обладала политической субъектностью. Во-вторых, она зачастую становилась объектом политических амбиций не только национальных общин, но и внешних акторов. В-третьих, в составе СФРЮ Босния и Герцеговина была наиболее этнически и религиозно гетерогенной республикой с компактно проживающим населением [Харитонов, 2014: 22], организованной не по этническому, а по историко-географическому принципу [Пономарева, 2011: 87]. Это имело катастрофические последствия, когда стратегия политической реконструкции «одна нация – одно государство» стала основной на постъюгославском пространстве [Мартынова, 1998: 196–197].

Основы современной боснийско-герцеговинской государственности заложены Дейтонскими соглашениями 1995 г.², однако навязанный извне компромисс не мог выступать прочным фундаментом. Современная боснийская государственность не результат общественного договора, т. к. население Боснии является не единым обществом, а совокупностью существующих параллельно друг другу этноконфессиональных общин. Характер и природа современной боснийско-герцеговинской государственности отражена в ходе и результатах первой электоральной кампании, на основе которой выстраивались послевоенные государственные институты.

¹ См. подробнее: [Кандель, 1992].

² General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95> (дата обращения: 07.05.2023).

Основные сербо-мусульманские противоречия накануне электоральной кампании

Основополагающий вопрос существования послевоенной Боснии – проблема имплементации положений Дейтонских соглашений, согласно которым Босния и Герцеговина должна стать мягкой конфедерацией (консоциацией) из двух образований (энтитетов) [Пономарева, Рудов, 2016: 183]. Согласно логике соглашений, избирательная кампания и формирование органов власти БиГ выступали апогеем политического урегулирования [Энгельгардт, 2015: 164], т. к. мирное регулирование в Боснии и Герцеговине представляло собой институциональное миростроительство [Соколова, 2007: 56].

Однако начало 1996 г. показало, что реальные отношения боснийских общин, концентрировавшихся вокруг этнических партий, далеки от идеальных схем. Взаимное ожесточение предопределило характер будущих выборов как продолжение войны избирательными бюллетенями [Энгельгардт, 2015: 164]. Создание политической системы Дейтонской БиГ не могло быть осуществлено в сжатые сроки. Этноконфессиональные общины не искали компромиссы – их навязывали архитекторы Дейтона.

Дейтонская Босния и Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ, мусульмано-хорватская федерация, образованная Вашингтонским соглашением¹ и вошедшая в состав БиГ в качестве энтитета) существовали только де-юре до первых послевоенных выборов и некоторое время после них. Де-факто функционировали Республика Боснии и Герцеговины (РБиГ)², Республика Сербская (РС)³, и Хорватская Республика Герцег-Босна (ХРГБ)⁴. 30 января 1996 г. утверждено переходное правительство РБиГ. Его возглавил Х. Муратович, профессор Сараевского университета, занимавший в правительстве РБиГ во время войны пост министра без портфеля и отвечавший за взаимодействие мусульманского руководства с Силами Организации Объединенных Наций по охране (СООНО) и другими международными организациями⁵. Предполагалось, что кабинет Х. Муратовича будет функционировать до выборов, пока государственное устройство Боснии не приведено в соответствие с мирным соглашением. Затем полномочия передадут созданным центральным органам власти БиГ⁶. Однако ведущие политические силы национальных общин, а также представители междуна-

¹ Framework Agreement for the Federation (Washington Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniawashingtonagreement94> (дата обращения: 07.05.2023)

² Государственное образование боснийских мусульман, сформированное на основе центральных органов власти бывшей Социалистической Республики Боснии и Герцеговины, сецессия и независимость которого были признаны мировым сообществом [Гуськова, 2001: 252].

³ Политическое образование боснийских сербов, вошедшее в состав послевоенной БиГ по условиям Дейтонского соглашения в качестве энтитета [Романенко, 2014: 11–15].

⁴ Полития, образованная по инициативе Хорватского демократического содружества БиГ на территориях со значительной долей хорватского населения [см. подробнее: Mrduljaš, 2009] и упраздненная Вашингтонским и Дейтонским соглашениями.

⁵ Crtice iz biografije. Ko je bio Hasan Muratović. Dnevni avaz. 14.11.2020. URL: <https://avaz.ba/vijesti/bih/609022/ko-je-bio-hasan-muratovic> (дата обращения: 07.05.2023).

⁶ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 1.

родного сообщества (страны-члены Контактной группы) по-разному смотрели на условия проведения электоральной кампании.

Основополагающее противоречие заключалось во взглядах на природу Дейтонской государственности. Политическое руководство боснийских мусульман, стремившееся к реинтеграции страны, пыталось представить кабинет Х. Муратовича в качестве законного правительства Дейтонской БиГ через работу в различных международных конференциях, что вызывало раздражение сербской стороны. Реинтеграция для боснийских сербов была неприемлема. С точки зрения политического истеблишмента в Пале, органы БиГ на тот момент не существовали. Их учреждение связывалось с результатами избирательной кампании¹. В качестве основной цели сербская сторона рассматривала сохранение и расширение автономии РС².

Разница в подходах к природе Дейтонской государственности предопределила противоречие сербской и мусульманской сторон в вопросе участия в жизни страны ведущих деятелей сербской общины времен войны – Р. Караджича и Р. Младича. Мусульманская сторона добивалась их ареста Международным трибуналом по бывшей Югославии. В случае Р. Караджича, наиболее популярного политика среди сербского населения в Боснии, это объяснялось его приверженностью жесткой линии на обособление Республики Сербской и суверенизацию. В этой связи Высокий представитель К. Бильдт попытался создать оппозицию Р. Караджичу из представителей Баня-Луки во главе с премьер-министром Р. Касагичем и мэром П. Радичем [Энгельгардт, 2015: 158]. Таким образом, конфликт в руководстве Республики Сербской между Р. Караджичем и Р. Касагичем накануне избирательной кампании был неизбежен. Премьер-министр являлся прагматичным политиком. Он отстаивал идею широкого экономического сотрудничества с Федерацией БиГ и со всеми бывшими югославскими республиками, высказывался в пользу создания единой системы платежного оборота на территории Боснии и Герцеговины, настаивал на реализации других совместных функций, предусмотренных Дейтоном. Р. Караджич и его сторонники выступали только за те положения, которые касались государственности сербского энтитета³. Р. Касагич не смог избежать отставки [Bildt, 1998: 216], а на формирование параллельного правительства он не решился, несмотря на поддержку со стороны Администрации Высокого представителя (АВП) [Энгельгардт, 2015: 158–159]. В Республике Сербской возобладал жесткий подход, направленный на сецессию. Это обстоятельство обусловило стремление мусульманского истеблишмента любой ценой добиться отстранения Р. Караджича от политической деятельности. В данном вопросе они достигли взаимопонимания как с американской стороной [Holbrooke, 1999: 357], перехватившей лидирующие позиции в регулировании политических процессов на Балканах [Энтина, 2022: 516–517], так и с европейцами, представленными АВП. В итоге, под угрозой отстранения Сербской демократической партии (СДП) от избирательной кампании, Р. Караджичу не позволили принять в ней участие и запретили занимать партийные должности.

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 77.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 80.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 81.

Необходимость проведения кампании поставила вопрос о формировании избирательных списков и процедуры голосования. Он был напрямую связан с проблемой возвращения беженцев и перемещенных лиц на места прежнего проживания, что являлось практически невыполнимой задачей, т. к., по данным на октябрь 1996 г., к ним относилось 58% населения БиГ¹. В этих условиях сохранялась устойчивая тенденция к национальной гомогенизации регионов страны при одновременном стремлении мусульманской общины использовать проблему возвращения беженцев с целью воспрепятствования сербской и хорватской общинам в установлении полного контроля над территориями. Об этом свидетельствуют электоральная кампания в Мостаре, ситуация в Сараево и обстановка в ряде сел РС. В Сараево дискриминируемое сербское население² было вынуждено покидать места проживания, а политическое руководство мусульман стремилось в одностороннем порядке учредить кантон (что стало причиной серьезных хорвато-мусульманских противоречий³). Одновременно мусульманские беженцы в нарушение определенной процедуры пытались переселиться в ряд сел Республики Сербской. В вопросе возвращения беженцев на прежние места проживания РС и ХРГБ проводили идентичную линию⁴. В Республике Сербской политику возвращения беженцев рассматривали как инструмент дестабилизации положения в стратегически важном для сербов районе (села Юсичи, Махале и Дуго-Поле). При этом среди возвращавшихся лиц были люди, ранее не проживавшие на данных территориях⁵. Хорватская община, рассматривавшая реинтеграционные планы мусульманского истеблишмента в качестве угрозы, стремилась обезопасить себя сохранением и созданием общин с хорватским большинством, а также максимальной децентрализацией власти⁶ и препятствовала возвращению мусульманских беженцев.

Обострившиеся противоречия не могли быть до конца разрешены до проведения избирательной кампании, что было понятно представителям международного сообщества. Тем не менее характер навязанных решений оказался взаимоприемлемым для сербского и мусульманского истеблишмента.

Муниципальные выборы в Мостаре и обострение хорвато-мусульманских противоречий

Незадолго до общегосударственных выборов организована избирательная кампания в Мостаре, который хорватская община стремилась превратить в свою столицу⁷. Исторический центр Герцеговины, за который хорватские и мусульманские силы ве-

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 126.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 137, 138.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 32.

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 99.

⁵ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 102, 103.

⁶ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 2. Д. 4. П. 2. Л. 124, 125.

⁷ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 163.

ли ожесточенные бои, находился под управлением администрации Евросоюза. На нее была возложена организация муниципальных выборов¹.

Вопрос принадлежности Мостара – один из узлов противоречий в хорватомусульманских отношениях. С точки зрения президента Федерации БиГ К. Зубака, для боснийских мусульман она являлась не моделью сосуществования двух народов, а переходным государственным образованием и средством реализации конечной политической цели – подчинить хорватскую общину² при видимости создания демократического гражданского общества. Таким образом, вопрос становления Федерации БиГ и характер распределения властных полномочий стали областью столкновения интересов хорватской и бошнякской этноконфессиональных общин. В этой связи по инициативе заместителя госсекретаря США Дж. Корнблума сформирован Форум Федерации, основной целью которого являлся контроль за реализацией решений и соглашений, связанных с деятельностью ФБиГ³. Искусственный характер и хрупкость Федерации были очевидны⁴. Хорваты до начала сентябрьской избирательной кампании не планировали ликвидировать Герцег-Босну (на чем настаивало международное сообщество), чтобы быть готовыми к любому исходу выборов⁵. В этих условиях США рассматривали закон об обороне в качестве ключевого для становления Федерации БиГ и настаивали на его реализации и подписании, используя программу «вооружить и обучить» как средство давления на мусульманскую и хорватскую стороны.

Мостарские муниципальные выборы состоялись 30 июня 1996 г. А. Изетбегович, угрожая бойкотом, настаивал на предоставлении возможности голосовать за рубежом ранее проживавшим в городе беженцам из числа боснийских мусульман⁶. Соответствующие коррективы были внесены в правила голосования, но сербскому населению, по настоянию хорватской стороны, права голосования за рубежом не было предоставлено⁷. При общем числе зарегистрированных избирателей в 99 тыс. человек явка составила свыше 50%. 5 тыс. человек проголосовало за рубежом⁸. До объявления результатов было очевидно, что Хорватское демократическое содружество (ХДС) и Список граждан за единый Мостар (коалиция Партии демократического действия (ПДД) – ведущей партии боснийских мусульман) одержали абсолютную победу в трех западных (хорватских) и трех восточных (мусульманских) общинах города соответственно⁹. Изначально позитивно оценивался сам факт проведения избирательной кампании, но ситуация значительно изменилась после объявления ее итогов. Результаты избирательной кампании обнародовали с задержкой в связи с решением городской избирательной комиссии аннулировать результаты голосования в Бонне (избирательный участок в Германии), где из около 5 тыс. человек большин-

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 211.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 37.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 60.

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 69.

⁵ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 142.

⁶ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 106.

⁷ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 117.

⁸ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 163.

⁹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 168.

ство поддержали Список граждан за единый Мостар. Причина отмены – обнаружение лишних бюллетеней при подсчете голосов. В случае отмены результатов голосования в Бонне на первое место по числу набранных голосов выходило ХДС. Дело было передано на финальное рассмотрение европейскому омбудсмену по Мостару К. Зепосу, который решил признать итоги голосования действительными, квалифицировав инцидент как административную ошибку¹. Таким образом, администрация ЕС вмешалась в избирательный процесс в интересах боснийских мусульман. Список граждан за единый Мостар набрал 28 165, ХДС – 26 464 голосов. Из 37 мест в городском вече коалиция ПДД получила 21 мандат (16 – мусульманских и 5 – предоставленных нацменьшинствам), а ХДС – только 16². Хорватская сторона не признала итоги выборов. Депутаты от ХДС подвергли обструкции работу городского вече. Таким образом, электоральная кампания в Мостаре, рассматривавшаяся в качестве репетиции общесербских выборов, значительно осложнила мусульmano-хорватские противоречия.

Подготовка к избирательной кампании шла параллельно с попытками привлечь ведущие политические силы этноконфессиональных общин к разрешению разногласий. Суть проблем на уровне Федерации БиГ заключалась в том, что хорваты выступали за параллельный перенос на Федерацию полномочий сверху (с уровня РБиГ) и снизу (с Герцег-Босны). Мусульманский истеблишмент жестко настаивал на безоговорочном роспуске Герцег-Босны. Хорваты рассматривали позицию бошняцкого руководства как «работу на свои интересы» и нежелание мусульман добиться полноценного функционирования Федерации³, т. к. Республика БиГ представляла собой единственную структуру с доминирующим влиянием мусульман⁴. Разрешение хорвато-мусульманских противоречий потребовало иностранного вмешательства: бошняцкая элита пыталась использовать международных посредников как для ликвидации Герцег-Босны, так и для принуждения ХДС признать итоги выборов в Мостаре. Проблема становления Федерации БиГ разрешилась при участии У. Кристофера и Ф. Туджмана. Достигнутое соглашение с А. Изетбеговичем предусматривало наряду с ликвидацией Герцег-Босны 31 августа 1996 г. перенос на властные структуры Федерации полномочий органов РБиГ. Таким образом, в вопросе становления ФБиГ возобладал хорватский подход⁵. В то же время хорватской стороне пришлось включиться в работу городского вече Мостара и согласиться с продлением мандата Евросоюза. Хорваты не признали результаты муниципальных выборов. Вопрос должен был быть передан на рассмотрение Конституционного суда ФБиГ (который еще не был сформирован), несмотря на то что Верховный суд БиГ, будучи вышестоящим органом (в отсутствие нижестоящего), отклонил претензии хорватов, т. к. руководство боснийского ХДС фактически отказалось признать правомочность последнего⁶.

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 175–176.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 2. П. 1. Л. 186.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 17.

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 23.

⁵ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 27, 28.

⁶ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 13.

В итоге путем навязывания решений, которые весьма условно можно назвать компромиссами, международное сообщество добилось того, чтобы противоречия хорватской и мусульманской общин не стали препятствием для проведения избирательной кампании.

Ход избирательной кампании 1996 г. и ее итоги

Уровень напряжения этноконфессиональных отношений перед началом избирательной кампании оставался высоким. Ситуация усугублялась необходимостью регистрации беженцев в качестве избирателей. Желая привлечь большую часть населения и обеспечить легитимность избирательной кампании, миссия ОБСЕ под руководством Р. Фровика предоставила беженцам возможность регистрироваться в качестве избирателя по форме *P-2*, т. е. на своем текущем месте проживания.

Данный вариант регистрации избирателей имел особое значение для сербской стороны: значительную часть сербского электората составляли беженцы с территорий, вошедших в состав Федерации БиГ, и беженцы из Республики Сербской Краины, которым предоставили гражданство РС. Во многом это объясняет, почему Пале стремилось к проведению муниципальных выборов вместе с общегосударственными. Иначе выборы должны были пройти без регистрации избирателей по новому месту проживания. Таким образом руководство РС теряло свыше 300 тысяч голосов¹. Гаранты мирного соглашения не могли отказаться от регистрации избирателей по форме *P-2*, т. к. это могло поставить под вопрос дальнейшее становление государственных институтов Дейтонской БиГ. Эта ситуация не устраивала мусульман. А. Изетбегович подчеркивал, что разрешение беженцам голосовать по новому месту жительства неправомерно, т. к. результаты избирательной кампании могли укрепить тенденцию к распаду страны. Он считал необходимым разработать и обеспечить реализацию программы возвращения беженцев в сжатые сроки при содействии международного сообщества в первую очередь внутри самой БиГ². ПДД, угрожая бойкотом, стала настаивать на объявлении недействительными результатов регистрации избирателей из числа беженцев по форме *P-2*, переносе срока выборов общинного уровня, включении в списки беженцев, которые не зарегистрировались до 8 августа. Мусульманская оппозиция в целом поддержала требования ПДД и выступила против предоставления права голосовать по новому месту жительства значительной части электората, главным образом сербского. Однако по вопросу бойкота преобладали скептические оценки³. Миссия ОБСЕ в БиГ приняла решение отложить муниципальные выборы, а правила, по которым должна проводиться общегосударственная избирательная кампания, обозначались в качестве актуальных только для текущего электорального процесса⁴. Сербская сторона изначально была готова идти на обострение ситуации и заявила о готовности провести муниципальные выборы на территории РС

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 102–103.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 24.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 37–38.

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 50.

самостоятельно¹, однако позднее вынужденно согласилась с решением Временной избирательной комиссии (ВИК) о переносе муниципальных выборов. Таким образом, международное сообщество частично удовлетворило требования мусульманской стороны. ПДД восприняла в качестве гарантий заявление американской администрации о том, что предстоящие выборы будут содействовать сохранению государства, а отделение энтитета боснийских сербов не будет допущено², и не стала препятствовать избирательной кампании.

Выборы состоялись 14 сентября³ (явка составила 70% избирателей). По оценкам К. Бильдта и Р. Фровика, они прошли в соответствии с правилами⁴. Результаты были объявлены с задержкой (23 сентября) из-за корректировки данных, «вызванной ошибками местных избирательных комиссий»⁵. Однако избирательную кампанию раскритиковали мусульманская и сербская стороны. А. Изетбегович подчеркнул искусственное и незаконное лишение избирательного права большого числа избирателей с территории Федерации и утверждал, что произошло искусственное расширение избирательных списков на территории сербского энтитета⁶. Со стороны ПДД в ОБСЕ была подана жалоба с указанием на «многочисленные нарушения в процедуре голосования на выборах в РС и СР Югославии»⁷. Сербская сторона также указала на нарушения. По утверждению А. Бухи, министра иностранных дел РС, сменившего Р. Караджича на посту председателя Сербской демократической партии⁸, был «создан прецедент с избирательными бюллетенями, поступившими из-за рубежа». При этом «ОБСЕ и другие международные участники знали, что урны с мусульманскими голосами из-за рубежа поступали в неконтролируемых количествах без соответствующей документации и ограничений»⁹. Также появлялись сообщения, что в Боснии оказалось больше избирателей, чем совершеннолетнего населения. Комментируя данную информацию, А. Буха указал, что «возможный излишек голосов может происходить из этих урн», и подчеркнул неприемлемость сомнений в легитимности избирательной кампании из-за ошибок ОБСЕ, а также заявил, что «при необходимости можно провести расследование по данному вопросу»¹⁰. В Пале были возмущены существенными расхождениями в числе голосов, поданных за кандидатов СДП на выборах президента РС (704 107), в парламент БиГ (578 378) и парламент Республики

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 41.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 62.

³ Выборы в Боснии. Реальные выборы в призрачной стране. Коммерсантъ. 14.09.1996. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/239534> (дата обращения: 07.05.2023).

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 67.

⁵ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 77.

⁶ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 71.

⁷ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 73.

⁸ Aleksa Buha: Srpskoj je potreban srpski konsenzus. Новости. 28.10.2018. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/politika/aktuelno.289.html:757034-Aleksa-Buha-Srpskoj-je-potreban-srpski-konsenzus> (дата обращения: 09.05.2023).

⁹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 78.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 78.

Сербской (568 877)¹. Апелляционной подкомиссией ВИК была дана рекомендация осуществить пересчет голосов, однако последняя была отвергнута Временной избирательной комиссией². Жалобы мусульман на ход голосования в РС были проигнорированы, а на сербов, возмущенных очевидными манипуляциями в подсчете голосов, оказали давление. Важное значение имела позиция российской стороны, убеждавшей сербов не обострять ситуацию, т. к. Москва рассматривала задачу снятия санкций в отношении Республики Сербской в качестве приоритетной³.

Результаты избирательной кампании были незамедлительно сертифицированы сразу после заявления руководителя апелляционной подкомиссии Ф. Лингема, согласно которому все апелляции рассмотрены. Стремительному утверждению итогов избирательной кампании способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, промедление могло быть использовано в борьбе ведущих партий этноконфессиональных общин, а значит ставило под угрозу репутацию ОБСЕ. Во-вторых, Вашингтон, форсировавший создание органов власти Дейтонской БиГ, одобрил сертификацию⁴.

* * *

Первая избирательная кампания в Боснии и Герцеговине, имплементация результатов которой означала окончание переходного периода, во многом определила становление и характер функционирования государственных институтов Дейтонской БиГ. С начала подготовки решающую роль в жизни страны стали играть международные акторы, т. к. политические элиты основных этноконфессиональных общин не могли согласовать требования и интересы. Неспособность ведущих политических сил самостоятельно прийти к взаимоприемлемым компромиссным решениям предопределила значительную вовлеченность мирового сообщества, прежде всего стран Запада, во внутривнутриполитическую жизнь страны. Таким образом, подавляющая часть компромиссов по принципиальным вопросам навязывалась заинтересованными внерегиональными акторами, что обусловило формирование наднациональной структуры управления государством и превращение Боснии в международный протекторат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуськова Е.Ю. (2001) *История югославского кризиса (1990–2000)*. Русское право, Русский национальный фонд, Москва. 720 с.

Гуськова Е.Ю. (2011) Босния и Герцеговина: трагедия трех народов. *Югославия в XX веке: очерки политической истории*. Под общ. ред. К.В. Никифоров. Индрик, Москва. 888 с.

Кандель П.Е. (1992) Как разваливалась Югославия? *Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer*. № 3. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.HTM (дата обращения: 07.05.2023).

Мартынова М.Ю. (1998) *Балканский кризис: народы и политика*. Старый сад, Москва. 465 с.

Пономарева Е.Г. (2011) Параметры государственной состоятельности: Босния и Герцеговина. *Сравнительная политика*. № 3. С. 86–95.

¹ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 80.

² АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 86.

³ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 81.

⁴ АВП РФ. Ф. 896. ОП. 1. Д. 3. П. 1. Л. 88.

Пономарева Е.Г., Рудов Г.А. (2016) *«Принцип домино»: мировая политика на рубеже веков*. Канон+, Москва. 312 с.

Романенко С.А. (2014) Национальное самоопределение и непризнанные государства на постюгославском пространстве 1992–2014 гг. *Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы*. № 33(49). С. 11–15.

Соколова Е.Н. (2007) Регулирование региональных конфликтов: уроки Боснии. *Космополис*. № 2(18). С. 55–70.

Харитонова О.Г. (2014) Босния и Хорватия в СФРЮ: институциональные проблемы этнической федерации. *Сравнительная политика*. № 1. С. 22–30.

Энгельгардт Г.Н. (2015) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*. Дис. ... канд. ист. наук. Институт славяноведения РАН, Москва. 334 с.

Энтина Е.Г. (2022) *Незападные Балканы*. Галактика, Издательский Дом «Зебра Е». Москва. 656 с.

Bildt C. (1998) *Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia*. Weidenfeld & Nicholson, London, UK. 423 p.

Holbrooke R. (1999) *To End a War*. Modern Library, New York, USA. 408 p.

Judt T. (2005) *Postwar: A History of Europe since 1945*. The Penguin Press, New York, USA. 878 p.

MacMillan M. (2003) *Paris 1919: Six Months That Changed the World*. Random House, New York, USA. 624 p.

Mrduljaš S. (2009) Hrvatska politika unutar BiH u kontekstu deklarativnoga i realnoga prostornog opsega Hrvatske Zajednice/Republike Herceg-Bosne (1991–1994). *Društvena istraživanja*. Vol. 18. No. 4–5. P. 825–850.

The First Post-War Electoral Campaign in the Modern Statehood of Bosnia and Herzegovina

D.P. Eremin*

Department of the Black Sea Region and the Mediterranean Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Science

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

**E-mail: eremindp1994@gmail.com*

Abstract. The article examines the preparation, course and practical results of the first post-war election campaign of 1996 in Bosnia and Herzegovina. The 1995 Dayton Accords, which became the foundation of modern Bosnian-Herzegovinan statehood, represented a compromise imposed from without and it could not resolve the fundamental contradictions of the country's national communities. Consequently, the situation in Bosnia retained a significant conflict potential. Concerned international actors, primarily the United States and the EU countries, that directed the process of resolving the crisis in Bosnia, used institutional peace-building as the main method of post-conflict settlement. Therefore, the first post-war election campaign played a key role in building a new political system of BiH, since the process of formation of new authorities depended on its results. The lack of real harmonization of community relations, their mutual bitterness on national and religious grounds predetermined the inability of ethnic parties to reach the necessary compromises independently. This fact, fully represented by the first post-war election campaign, predetermined high involvement of Western countries in the state's domestic political life, the formation of a supranational structure of governance and the transformation of Bosnia into an international protectorate. The research is

developed on unintroduced for scientific use materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF) and based on historical method.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, political system, High Representative, general elections

DOI: 10.31857/S0201708323040125

EDN: bxjrsj

REFERENCES

- Bildt C. (1998) *Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia*. Weidenfeld & Nicholson, London, UK.
- Engel'gardt G.N. (2015) *Republika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya (1990–2006 gg.)* [Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina. Emergence and evolution (1990–2006)], PhD thesis, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia. (In Russian).
- Entina E.G. (2022) *Nezapadnye Balkany* [Non-Western Balkans], Galaktika, Izdatel'skij Dom «Zebra E», Moscow, Russia. (In Russian).
- Gus'kova E.Y. (2001) *Istoriya yugoslavskogo krizisa (1990–2000)*. [History of the Yugoslav crisis (1990–2000)], Russkoe pravo, Russkij nacional'nyj fond, Moscow, Russia. (In Russian).
- Haritonova O.G. (2014) Bosniya i Horvatiya v SFRY: institucional'nye problemy etnicheskoy federacii. [Bosnia and Croatia in the SFRY: institutional problems of the ethnic federation], *Sravnitel'naya politika*, 1, pp. 22–30. (In Russian).
- Holbrooke R. (1999) *To End a War*, Modern Library, New York, USA.
- Judt T. (2005) *Postwar: A History of Europe since 1945*, The Penguin Press, New York, USA.
- Kandel' P.E. (1992) Kak razvalivalas Jugoslaviya? [How was Yugoslavia falling apart?], *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obozrevatel' – Observer*, 3. URL: https://i-sng.ru/observer/observer/N03_92/3_18.HTM (accessed: 07.05.2023). (In Russian).
- MacMillan M. (2003) *Paris 1919: Six Months That Changed the World*. Random House, New York, USA.
- Martynova, M.Y. (1998). *Balkanskij krizis: narody i politika*. [The Balkan crisis: nations and politics], Staryj sad, Moscow, Russia. (In Russian).
- Mrduljaš S. (2009) Hrvatska politika unutar BiH u kontekstu deklarativnoga i realnoga prostornog opsega Hrvatske Zajednice/Republike Herceg-Bosne (1991–1994), *Društvena istraživanja*, 18(4–5), pp. 825–850.
- Gus'kova E.Y. (2011) Bosniya i Gertsegovina: tragediya trekh narodov, in Nikiforov K.V. (ed.) *Yugoslaviya v XX veke: ocherki politicheskoy istorii* [Yugoslavia in the 20th century: essays on political history], Indrik, Moscow, Russia. (In Russian).
- Ponomareva E.G. (2011) Parametry gosudarstvennoj sostoyatel'nosti: Bosniya i Gercegovina. [Parameters of state capacity: Bosnia and Herzegovina], *Sravnitel'naya politika*, 3, pp. 86–95. (In Russian).
- Ponomareva E.G., Rudov G.A. (2016) «Princip domino»: mirovaya politika na rubezhe vekov. [«Domino effect»: world politics at the turn of the century], *Kanon+*, Moscow, Russia. (In Russian).
- Romanenko S.A. (2014) Nacional'noe samoopredelenie i nepriznannye gosudarstva na post'yugoslavskom prostranstve 1992–2014 gg. [National self-determination and unrecognized States in the post-Yugoslav area 1992–2014], *Evropejskaya bezopasnost: sobytiya, ocenki, prognozy*, 33(49), pp. 11–15. (In Russian).
- Sokolova E.N. (2007) Regulirovanie regional'nyh konfliktov: uroki Bosnii. [Managing regional conflicts: lessons from Bosnia], *Kosmopolis*, 2(18), pp. 55–70. (In Russian).

УДК 327.7, 324

ФАКТОР ОБЩЕЙ РЫБОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В СВЕТЕ БРЕКЗИТА

© 2023 г. КОЛОМИН Вячеслав Олегович*

Соискатель

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3

**E-mail: vokolomin@ya.ru*

Поступила в редакцию 19.03.2023

После доработки 23.05.2023

Принята к публикации 13.06.2023

Аннотация. В статье проанализировано влияние общей рыболовной политики Евросоюза на выход Британии из ЕС. Изучены причины появления экономически незначительного рыболовного вопроса на авансцене британской внутривнутриполитической повестки в период брексита. Сделан акцент на факторе общей рыболовной политики в переговорах о выходе Британии из ЕС и последующем Соглашении о торговле и сотрудничестве. Проанализированы роль рыболовных сообществ в голосовании о брексите, а также факторы, определившие позиции и стратегии сторон в переговорах о выходе из общей рыболовной политики ЕС. Показана взаимосвязь институциональных и политико-экономических особенностей общей рыболовной политики с итоговым Соглашением о торговле и сотрудничестве между Британией и ЕС в части рыболовства. Несмотря на определенные уступки Брюсселя и переход четверти европейской доли вылова рыбакам Соединенного Королевства в течение переходного периода, Соглашение не фиксирует принципиальных изменений в рыболовной политике Британии и сотрудничестве сторон. Итоговая сделка является отражением взаимозависимости партнеров, достигнутого уровня европеизации в регулировании рыболовства и сохраняет за европейскими рыбаками преференциальный доступ к британским водам.

Ключевые слова: Европейский союз, общая рыболовная политика, брекзит, рыболовство, многоуровневое управление

DOI: 10.31857/S0201708323040137

EDN: bxmcrf

Доля рыболовства в экономике Соединенного Королевства составляет около 1% ВВП, однако политическое влияние рыболовного вопроса в контексте брексита оказалось существенно выше экономического значения индустрии. Выход из об-

щей рыболовной политики ЕС (ОРП) выступил индикатором успеха курса на возвращение контроля на национальный уровень. Рыбаки активно участвовали в движении евроскептиков (брекзитеров). Тем не менее Соглашение о торговле и сотрудничестве между Соединенным Королевством и ЕС (СТС) стало триумфом взаимозависимости и институциональной связанности партнеров: несмотря на некоторые уступки по квотам со стороны Брюсселя, Лондону не удалось изменить сущность и принципы сотрудничества в этой сфере.

Факторы политической значимости рыболовства для Британии

Политика в области рыболовства традиционно определяется тремя основными взаимозависимыми парадигмами: сохранением биоразнообразия, приумножением экономического благосостояния и поддержанием социального благополучия рыболовных сообществ [Charles, 1992]. Вместе с тем выход Соединенного Королевства из ЕС наглядно продемонстрировал значимость политического измерения рыболовства, наряду с социоэколого-экономическим. Политическое значение индустрии для Британии связано с вопросами суверенитета над водными пространствами и национальной культурой.

Политический символизм проистекает из островного положения страны, которое придает особую значимость контролю над водными пространствами и хозяйственному освоению окружающих морей. Проблематика контроля прилежащих морей и защиты британских рыболовов появляется в Новое время в трактатах шотландского юриста Уильяма Велвода и английского юриста Джона Селдена. Они отстаивали концепцию закрытого моря в противовес идеи Гуго Гроция о свободном доступе к морским пространствам на основе естественного права [Grotius, 1916]. В то время как сторонники концепции открытого моря исходили из потребности обеспечения свободы торговли и мореплавания, британские авторы обращали внимание на необходимость защиты районов промысла.

Становление морского права во второй половине XX в. на фоне стремительного сокращения доступных биоресурсов привело к появлению феномена «рыбных войн» [Руденкова, 2015], которые оказали негативное влияние на социально-экономическое состояние британского рыбохозяйственного комплекса. Наиболее болезненным для Британии стал опыт «Тресковых войн» с Исландией, чьи промысловые воды исторически были объектом противостояния. Расширения исландской юрисдикции с 1952 по 1975 гг. происходили в период работы Международной конференции ООН по морскому праву (*United Nations Convention on the Law of the Sea, UNCLOS*), катализируя становление принятого деления морских пространств¹ [Jóhannesson, 2004]. Потеря доступа к исландским водам привела к сокращению рабочих мест и упадку экономики прибрежных регионов Британии.

Новый международный режим деления морских пространств и выдворение британских рыбаков из традиционных промысловых районов стали частью коллек-

¹ Разделение на внутренние воды, территориальное море (до 12 морских миль от исходной линии), прилежащую зону (12-24 м.м.), исключительную экономическую зону (24-200 м.м.).

тивной памяти рыболовных сообществ Британии. В период брекзита именно успешный опыт Исландии по продвижению и закреплению зоны национальной юрисдикции был примером для британских рыбаков, выступавших за возвращение суверенитета над водами страны [Carpenter, 2017]. В то же время правительство в большей степени сосредоточилось на изучении норвежского опыта независимого прибрежного государства [Echebarria Fernández et al., 2022]. В рыболовных сообществах утвердилось представление о несправедливости нового режима управления.

Взаимосвязь рыболовства с вопросами суверенитета подчеркивается использованием силовых методов воздействия на море. Значимым международно-политическим последствием «Тресковых войн» стала неспособность Лондона отстоять исторические права рыбаков на вылов в водах Исландии даже с задействованием силового фактора. Лондон не мог дать полноценный силовой ответ на действия Рейкьявика из-за нахождения Исландии под военным зонтиком США. Ограниченные возможности по защите собственного рыболовного флота конвенциональными методами оказались неожиданным вызовом для Соединенного Королевства и ударом по национальной гордости. В период брекзита вопрос о способности Королевского ВМФ обеспечить эффективный контроль над британской исключительной экономической зоной (ИЭЗ) в случае жесткого сценария оказался в центре внимания в свете существенного сокращения бюджета флота¹.

Политическое поражение в «Тресковых войнах» стимулировало выработку нового режима доступа и управления водными ресурсами в Северной Атлантике, в котором именно Британия играла ключевую роль. В 1964 г. подписана Лондонская конвенция о рыболовстве² с участием Британии и всех стран, осуществляющих промысел в Северном море³, за исключением Норвегии и Исландии. Соединенное Королевство пыталось перехватить инициативу и установить собственные правила игры, используя зависимость других подписантов от вылова в британской зоне. До брекзита порядка 70% вылова рыбы в ЕС приходилось на северо-восток Атлантического океана⁴, а ИЭЗ Британии составляла около половины морской зоны Евросоюза.

Лондонская конвенция содержала ряд положений, которые впоследствии станут частью ОРП: двенадцатимильная зона национальной юрисдикции, режим общего пользования биоресурсами в зоне 6–12 морских миль при подтверждении исторических прав. Как заявлял в 1964 г. Эдвард Хит, премьер-министр Британии в 1970–1974 гг., с подписанием Конвенции о рыболовстве «правительство ее Величества выражает отчетливую заинтересованность в решении рыболовных проблем на общеевропейской основе» [Schatz, 2019]. Участие в ОРП открывало для Британии

¹ Admiral calls plan to police post-Brexit fishing waters “amazingly complacent”. The Guardian. 03.07.2017. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2017/jul/03/admiral-calls-plan-to-police-post-brexit-fishing-waters-amazingly-complacent> (дата обращения: 06.04.2023).

² London Fisheries Convention 1964. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/269708/Fisheries_Conv_March-April_1964.pdf (дата обращения: 06.04.2023).

³ Конвенцию подписали следующие государства: Австрия, Бельгия, Дания, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция и Британия.

⁴ Key figures on the European food chain. Eurostat. 2021.

доступ на европейский рынок и к программам социально-экономической поддержки рыболовных сообществ, а также давало возможность совместного отстаивания прав на вылов в международных промысловых водах и зонах других государств.

Формирование ОРП в 1970-е гг. стало возможным после вступления Британии в ЕС в 1973 г. Принятие первых рыболовных регламентов 2141/70 и 2142/70 произошло через 6 часов после начала переговоров о вступлении в Евросоюз из-за стремления континентальных государств-членов защитить своих рыбаков от конкуренции в прилежащих водах, что автоматически сделало их частью *acquis communautaire* без необходимости согласования с Лондоном [Bossche, 2005]. Наряду со структурной политикой, направленной на регулирование рынка и финансово-экономическую поддержку рыбаков, развитие ОРП пошло по пути более глубокой интеграции, в основе которой лежала идея о равном доступе всех государств-членов в морские зоны национальной юрисдикции друг друга – один из фундаментальных принципов общей рыболовной политики.

Британские рыболовные сообщества как оплот евроскенницизма

Правительство Британии оказало колоссальное влияние на формирование ОРП, но столкнулось с негативным отношением к этой политике со стороны рыболовных сообществ. Критика со стороны индустрии отражала недовольство сложившимся положением: Соединенное Королевство обладало крупнейшей и наиболее богатой биоресурсами морской зоной в ЕС, однако на британских рыбаков приходилось чуть более половины стоимостного объема вылова в ИЭЗ [Napier, 2016]. Существенно изменить ситуацию было невозможно из-за политического статус-кво в основе ОРП – принципа относительной стабильности. Он определяет неизменность национальных долей на вылов в зависимости от вида и морской зоны на основе задокументированного с 1973 по 1978 гг. улова.

Принцип относительной стабильности – результат политического компромисса. Он появляется в 1976 г. в рамках системы Гаагских преференций. Она стала попыткой Британии, Ирландии и Гренландии закрепить особый статус в ОРП и право на повышенную долю улова из-за расширений третьими странами зоны юрисдикции на море и угрозы для социальной стабильности рыболовных сообществ [Carpenter, 2017; Gray, 1998; Sobrino Heredia, 2017]. В апелляции к жизненно важным интересам Гаагские преференции следуют духу Люксембургского компромисса. Аналогично последнему они не были закреплены в качестве правовой нормы, но превратились в обычай, к которому обращаются государства-члены во время ежегодных переговоров о квотах на вылов.

Лондон стремился улучшить положение рыбаков косвенно, используя национальное право и критерии определения государственной принадлежности судов, т. к. не мог изменить фиксированные факторы распределения квот на вылов. В 1988 г. в Британии принят Акт о торговом судоходстве, устанавливающий критерии регистрации судна в британской юрисдикции на основе капитала компании и гражданства членов экипажа [Sobrino Heredia, 2017]. Документ был призван ограничить практику испанских рыбаков, которым британская прописка позволяла пользоваться

ся местными квотами на вылов и сбывать улов в испанских портах. Попытки Британии в 1980-х гг. отстоять право принимать национальные законодательные акты в области установления квот на вылов или определения критериев доступа противоречили позиции Суда ЕС. В серии кейсов *Factortame*¹ институт признал Акт противоречащим праву на свободу предпринимательской деятельности (*freedom of establishment*), гарантированному ст. 49 ДФЕС [Энтин, 2015]. На фоне других решений Суда ЕС² Лондон признал верховенство права Союза и наднациональных институтов в управлении рыболовством.

Евроскептицизм британских рыбаков вызван комбинацией факторов, главный из которых – объективное истощение морских биоресурсов. Во всех регионах мира с 1950-х гг. происходило увеличение вылова рыбы, за исключением Европы, Северной и Южной Америк. С 1990-х гг. в Европе сокращается вылов дикой рыбы, который не компенсируется увеличением производства аквакультуры³. С 1992 по 2019 гг. добавленная стоимость, генерируемая британским рыболовством, сократилась на 59% [Echebarria Fernández et al., 2022]. Таким образом, в период действия ОРП как британская, так и европейская рыболовные отрасли превратились в стагнирующую индустрию.

Недовольство рыбаков направлено на действия наднациональных институтов из-за неспособности последних выполнить основную цель ОРП – обеспечить экологическую устойчивость рыболовного промысла при учете социально-экономического фактора. Во-первых, с точки зрения рыбаков, система ежегодного определения квот была непрозрачной, т. к. они зачастую устанавливались на уровнях, превышающих научно рекомендованные [Моисеева, 2020; Carpenter et. al., 2016]. Во-вторых, представителей индустрии возмущала невозможность изменить закрепленные национальные доли, т. е. нарастить долю вылова на фоне падения уловов и социально-экономической деградации прибрежных регионов. Дополнительный фактор евроскептицизма – распространенное мнение о несправедливости изначальных условий членства в ЕС в контексте рыболовства, об отсутствии изъятий, учитывающих значение британских вод для Европы и политико-социальную значимость индустрии для Британии [Huggins et al., 2020].

Несмотря на небольшую численность, британские рыбаки стали одним из самых громких голосов евроскептиков и брекзитеров, а также проявили значительный потенциал к самоорганизации. Позиция рыбаков находила сочувствие и поддержку в Консервативной партии. Об их трудном положении часто говорил Найджел Фарадж, на тот момент лидер Партии независимости Соединенного Королевства (*UKIP*). Именно в среде рыбаков жесткая позиция *UKIP* нашла искренний от-

¹ Judgment of the Court of 19 June 1990. Case C-213/89; Judgment of the Court of 25 July 1991. Case C-221/89; Judgment of the Court of 4 October 1991. Case C-246/89; Judgment of the Court of 5 March 1996. Joined cases C-46/93 and C-48/93.

² Кейсы «Kramer», 61/77 (Еврокомиссия против Ирландии), 804/79 (Европейская комиссия против Соединенного Королевства).

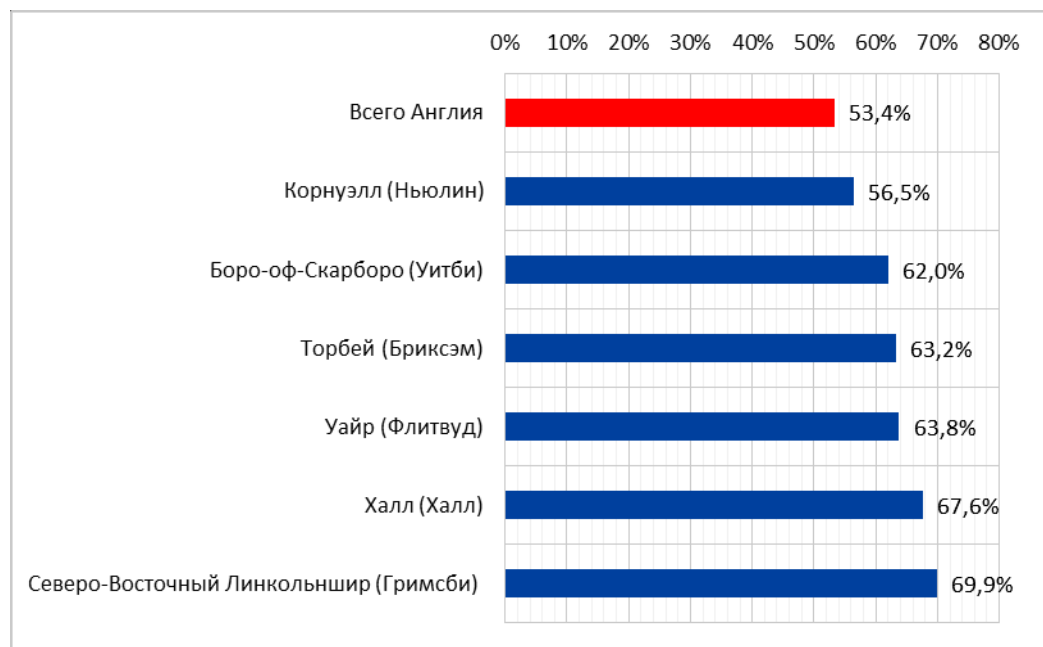
³ The State of World Fisheries and Aquaculture 2022. FAO. 2022.

клик, выразившийся в проходах «рыболовных флотилий» по Темзе в 2016 г.¹

Евроскептицизм рыболовных сообществ замечен при анализе результатов референдума о выходе Британии из ЕС 2016 г. Несмотря на невысокую численность работающих в отрасли, индустрия занимает существенную долю экономики прибрежных регионов, обеспечивает рабочие места в смежных отраслях (переработка рыбы, транспортировка, судостроение, сфера услуг) и ведет к образованию сообществ, объединяющих людей не столько по профессиональному признаку, сколько по социальному, культурному и историческому. Значимость этого фактора заметна при сравнении доли голосовавших за брекзит в округах с крупнейшими рыболовными портами страны со средним значением по Англии (Рисунок 1) и Шотландии (Рисунок 2). Например, в Северо-Восточном Линкольншире, где расположен порт Гримсби, за выход из ЕС проголосовали почти 70%². Наиболее заметно рыболовный фактор проявился в голосовании по брекзиту в Халле (Кингстон-апон-Халл), где избирательный округ состоит из города-порта и его окрестностей.

Рисунок 1

Доля голосов за выход из ЕС в 2016 году в округах с крупными рыболовными портами в Англии

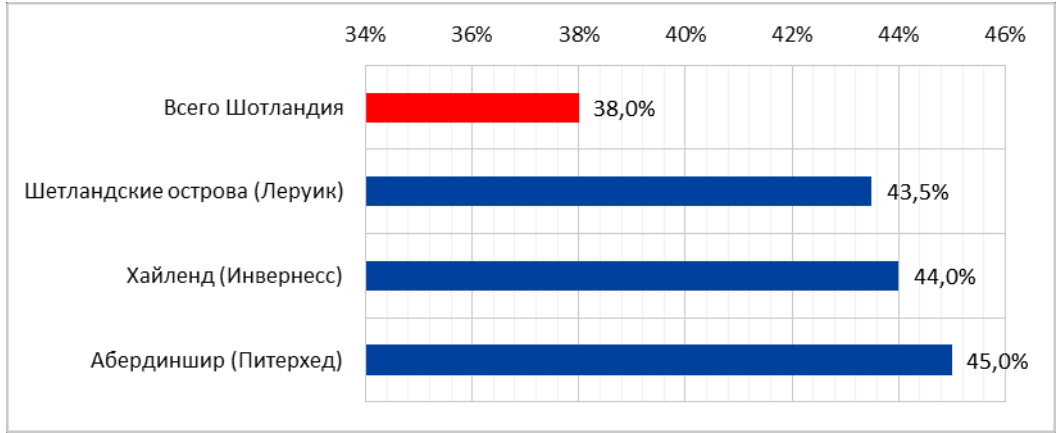
Составлено автором по данным BBC о результатах референдума 2016 года. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 06.04.2023).

¹ Thames: Nigel Farage and Bob Geldof fishing flotilla clash // BBC. 15.06.2016. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-eu-referendum-36537180> (дата обращения: 06.04.2023).

² Referendum Results. BBC. URL: https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 06.04.2023).

Рисунок 2

**Доля голосов за выход из ЕС в 2016 году в округах с крупными
рыболовными портами в Шотландии**

Составлено автором по данным BBC о результатах референдума 2016 года.

ОРП – система многоуровневого управления, в рамках которой существенными формальными полномочиями наделяются не только национальные, но и субнациональные акторы – региональные власти и рыболовные ассоциации [Коломин, 2022]. В соответствии с деволюцией полномочий на региональный уровень в Британии, рыболовство в Шотландии регулируется Морским директором Шотландии. Он самостоятельно распределяет шотландскую часть национальной квоты на вылов во взаимодействии с ассоциациями производителей, прежде всего с Шотландской рыболовной федерацией (*SFF*). При этом *SFF*, отражающая интересы крупных рыбаков – обладателей наибольших по тоннажу и производительности судов, выступила за выход из ЕС вопреки позиции правящей Шотландской национальной партии (*Scottish National Party, SNP*). Политическим следствием евроскептицизма рыбаков стала не только высокая доля брекзитеров в прибрежных регионах, но изменения в политическом балансе. На выборах в парламент Шотландии в 2016 г., предварявших референдум, консерваторы оказались вторыми и получили 31 место (против 15 на предыдущих выборах)¹ в результате фактора ОРП [Connolly et al., 2022].

Фактор рыболовной политики в переговорах о выходе из ЕС

Основное препятствие в стремлении Британии обрести полный контроль над морскими биоресурсами в пределах ИЭЗ – торгово-экономическая и институцио-

¹ Results and turnout at the 2016 Scottish Parliament election. The Electoral Commission. 16.04.2021 URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/scottish-parliamentary-elections/results-and-turnout-2016-scottish-parliament-election> (дата обращения: 06.04.2023).

нальная взаимозависимость ЕС и Соединенного Королевства. В переговорах с Брюсселем Лондон стремился к обретению статуса независимого прибрежного государства по аналогии с Норвегией или Исландией. Для последней ОРП была одним из главных факторов отзыва заявки на вступление в Евросоюз в 2015 г. [Бабынина, 2015]. Однако такой вариант мог привести к коллапсу рыболовных сообществ северных континентальных стран ЕС, зависящих от британской ИЭЗ.

Торгово-экономическая взаимозависимость сторон характеризуется зависимостью континентальных стран от ИЭЗ Британии, а Соединенного Королевства – от доступа к рынку ЕС, на который приходится порядка 70% экспорта рыбы и рыбопродуктов страны [Napier, 2016]. По своей сути ОРП изначально представляла своеобразную сделку владельцев биоресурсов с теми, кто предоставляет рынок для их сбыта [Penas Lado, 2016]. Соответственно, обе стороны имели аргументы, которые не позволяли Лондону просто закрыть доступ для рыбаков из Евросоюза.

Необходимость совместного управления морскими биоресурсами для достижения устойчивости популяций и накопленная институциональная инерция препятствовали реализации сценария жесткого развода сторон. В ЕС рыболовство не только относится к исключительной компетенции наднациональных властей (за исключением вопроса распределения квот, находящегося в компетенции Совета ЕС), но и является одной из наиболее регулируемых политик, в которой европейские институты имеют право осуществлять контрольно-надзорные функции. С 2015 г. в Евросоюзе действует критерий обязательной выгрузки всего улова на сушу (недопущение выброса рыбы в море, *landing obligation*). За последние десятилетия наднациональные институты создали целый пласт организаций¹, которые обеспечивают ЕС продвинутой экспертизой, а национальных рыболовов – целевым финансированием для поддержания социально-экономической устойчивости [Коломин, 2022]. Сформированная институционализированная среда ОРП значительно увеличивала издержки возможных односторонних действий Британии по выдворению европейских рыбаков.

В процессе переговоров Лондону не удалось отделить вопрос доступа к морским пространствам от основного торгового трека переговоров, что предопределило более мягкий итоговый формат СТС в сфере рыболовства. Изначальная переговорная позиция ЕС заключалась в гарантировании преференциального доступа европейских рыбаков через использование торговой зависимости Британии от рынка Союза [Sobrinho Heredia, 2017]. Как показывает анализ переговорных позиций и итогового соглашения (

Таблица 1), Британия добилась значительного трансферта европейской доли вылова в 25%, что позволило заявить об успешном возвращении контроля над водами. Однако Лондону не удалось установить кондициональный доступ к своим водам, а гарантией европейских рыбаков стал ковенант о праве ЕС ввести тарифы

¹ Следует отметить научно-промысловые советы (*advisory councils*) с участием региональных властей и ассоциаций производителей, Научно-технический и экономический комитет по рыболовству (*STECF*), Европейский фонд морского хозяйства, рыболовства и аквакультуры (*EMFAF*).

на британскую рыбную продукцию в случае односторонних действий Соединенного Королевства.

Таблица 1

**Переговоры о доступе к британским водам в контексте брекзита:
переговорные позиции и итоговые решения**

Переговорный вопрос	Переговорная позиция		Итог
	Британия	ЕС	
Доля вылова ЕС, переходящая британским рыбакам	80% → 60% → 35%	15% → 18% → 25%	25% (15% + 2,5% в год)
Переходный период	3 года	14 лет → 7 лет	5,5 лет (до 2026 г.)
Условия доступа рыбаков ЕС по окончании переходного периода	Лицензии на вылов	Гарантированный доступ	Ежегодные переговоры о распределении с гарантированной долей ЕС (кейс Норвегии)
Тарифы на экспорт рыбы в ЕС	Нет	Нет в случае сохранения доступа к водам	Нет в случае сохранения доступа ЕС к британским водам
Ковенант о праве ЕС ввести тарифы в случае нарушения соглашения	Нет или только на рыбу и рыбную продукцию	Да, на все виды продукции («молот»)	Да, но только на рыбу и рыбную продукцию

Составлено автором на основе Соглашения о торговле и сотрудничестве в части рыболовства¹ и открытых данных.

В итоге дополнительные квоты для британских рыбаков вместе со вступлением в силу Акта о рыболовстве 23 ноября 2020 г., который предшествовал заключению СТС, позволили Британии заявить о возвращении суверенитета над своими водами. Именно возвращение контроля из Брюсселя в Лондон являлось лейтмотивом брекзита [Бабынина, 2016]. По мере постепенного перехода дополнительной квоты британским рыбакам следует ожидать улучшения социально-экономического состояния рыболовной индустрии Соединенного Королевства.

Однако достигнутое соглашение повторяет принципы, которые лежат в основе ОРП, главный из которых – относительная стабильность. Неизменным осталось территориальное разделение морских пространств в соответствии с морским пра-

¹ UK-EU Trade and Cooperation Agreement: Fisheries. UK Parliament Briefing Paper No. 9174. 18.03.2021. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-9174/CBP-9174.pdf> (дата обращения: 25.04.2023).

вом вместо альтернативного зонального деления. При определении максимального улова к распределению стороны по-прежнему будут руководствоваться рекомендациями Международного совета по исследованию моря (ИКЕС), а для экспорта продукции британские рыболовы будут обязаны учитывать стандарты ЕС в рамках ОРП. Наконец стороны вынуждены договариваться о квотах и технических мерах в рамках региональных организаций по управлению рыболовством и различных межправительственных переговорных форматах, но имея меньший переговорный вес по отдельности. Британия получила максимальные преференции со стороны Евросоюза, однако осталась в европеизированном режиме управления, подтверждающим взаимозависимость сторон.

Таким образом, фактор ОРП в свете выхода Британии из ЕС имеет двойственную природу. С одной стороны, недовольство рыболовных сообществ результатами ОРП на фоне общего упадка индустрии и негативного исторического опыта превратило рыбаков в оплот евроскептицизма и повлияло на результаты референдума 2016 г. С другой стороны, условия выхода Британии в области рыболовства отражают сохранение взаимозависимости и триумф институциональной связанности. В процессе переговоров Лондон не сумел изменить фундаментальные принципы сотрудничества с ЕС в этой сфере, несмотря на то что именно Соединенное Королевство оказало значительное влияние на становление ОРП в современном виде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабынина Л.О. (2015) Исландия и Европейский союз: рыба и банки. *Аналитические записки Института Европы Российской академии наук*. № 6. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an6.pdf>

Бабынина Л.О. (2016) Значение Brexit для Европейского союза. *Современная Европа*. № 70(4). С. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope420162133>

Коломин В.О. (2022) Общая рыболовная политика ЕС сквозь призму концепции многоуровневого управления. *Вестник Московского Университета. Серия 25: Международные Отношения и Мировая Политика*. № 14(1). С. 151–174. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-151-174>

Моисеева Д.Э. (2020) «Репатриация» рыболовной политики: случай Великобритании. *Современная Европа*. № 97(4). С. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope42020112122>

Руденкова Д. Э. (2015) «Рыбные войны» с участием Европейского союза. *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 71–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-71-81>

Энтин К.В. (2015) *Право Европейского союза и практика Суда Европейского союза*. Норма; ИНФРА-М, Москва. 240 с.

Bossche K. (2005) EU Enlargements and Fisheries: a Legal Analysis Steps Towards the Re-Nationalisation of EU Maritime Waters. *Jurisprudencija*. No. 72(64). P. 124–136.

Carpenter G. (2017) *Not in the Same Boat: the Economic Impact of Brexit Across UK Fishing Fleets*. URL: <https://neweconomics.org/uploads/files/Not-in-the-Same-Boat-PDF.pdf> (accessed: 06.04.2023).

Carpenter G., Kleinjans R., Villasante S., & O’Leary B.C. (2016) Landing the blame: The influence of EU Member States on quota setting. *Marine Policy*. No. 64. P. 9–15. DOI:

<https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.11.001>

Charles A.T. (1992) Fishery conflicts. *Marine Policy*. No. 16(5). P. 379–393. DOI: [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(92\)90006-B](https://doi.org/10.1016/0308-597X(92)90006-B)

Connolly J., Zwet A. van der Huggins C., McAngus C. (2022) The governance capacities of Brexit from a Scottish perspective: The case of fisheries policy. *Public Policy and Administration*. No. 37(3). P. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076720936328>

Echebarria Fernández J., Johansson T.M., Skinner J.A., Lennan M. (2022) *Fisheries and the Law in Europe*. Routledge, London, UK. 170 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003252481>

Gray T.S. (1998) Fishing and Fairness: the Justice of the Common Fisheries Policy. *The Politics of Fishing*. Palgrave Macmillan, London, UK. P. 228–250. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26775-0_15

Grotius H. (2001) *The Freedom of the Seas, or the Right Which Belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. The Lawbook Exchange. 182 p.

Huggins C., Connolly J., McAngus C., van der Zwet A. (2020) Brexit and the Uncertain Future of Fisheries Policy in the United Kingdom: Political and Governance Challenges. *Ocean Yearbook Online*. No. 34(1). P. 20–42. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004426214_003

Jóhannesson G.T. (2004) How “cod war” came: the origins of the Anglo-Icelandic fisheries dispute, 1958–1961. *Historical Research*. No. 77(198). P. 543–574. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.2004.00222.x>

Napier I. (2016). Fish Landings from the United Kingdom’s Exclusive Economic Zone: by area, nationality and species. *NAFC Marine Centre*. URL: <https://pure.uhi.ac.uk/en/publications/fish-landings-from-the-united-kingdoms-exclusive-economic-zone-by> (accessed: 06.04.2023).

Penas Lado E. (2016) *The Common Fisheries Policy: The Quest for Sustainability*. Wiley-Blackwell. 392 p.

Schatz V. (2019) Access to Fisheries in the United Kingdom’s Territorial Sea after its Withdrawal from the European Union: A European and International Law Perspective. *Goettingen Journal of International Law*. No. 9(3). P. 457–500. DOI: <https://doi.org/10.3249/1868-1581-9-3-schatz>

Sobrinho Heredia J.M. (2017) *Research for PECH Committee – Common Fisheries Policy and BREXIT - Legal framework for governance*. European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, Belgium. 158 p. DOI: 10.2861/621765

Vieira M.B. (2003) Mare Liberum vs. Mare Clausum: Grotius, Freitas, and Selden’s Debate on Dominion over the Seas. *Journal of the History of Ideas*. Vol. 64. No. 3. P. 361–377. DOI: <https://doi.org/10.1353/jhi.2003.0043>

Common Fisheries Policy in the Light of Brexit

V.O. Kolomin*

PhD candidate

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009

*E-mail: vokolomin@ya.ru

Abstract. The article examines the impact of the Common Fisheries Policy of the European Union (CFP) on the UK's withdrawal from the EU. On the one hand, the article explains the reasons for the appearance of an economically insignificant fishing issue on the forefront of the British domestic political agenda on the eve of Brexit. On the other hand, it sheds light on the factor of the CFP in the negotiations on Britain's with-

drawal from the EU and the subsequent Trade and Cooperation Agreement (TCA) between the parties. Also, the author elaborates on the role of fishing communities in the Brexit vote, as well as on the factors that shaped the bargaining positions and strategies of the parties in the Brexit negotiations with regards to the CFP. The article focuses on institutional and political-economic features of the CFP that determined the final agreement in terms of fisheries. Despite a few concessions from Brussels and the transfer of a quarter of the European proportion of the catch to fishermen of the United Kingdom during the transition period, the Agreement does not involve fundamental changes in the UK's fisheries policy and the cooperation with the EU. The final deal reflects the interdependence of the partners, the Europeanization of the fisheries management, and preserves preferential access to British waters for European fishermen.

Key words: European Union, Common Fisheries Policy, CFP, Brexit, Fisheries, multi-level governance, MLG

DOI: 10.31857/S0201708323040137

EDN: bxmcr

REFERENCES

Babynina L.O. (2015) Islandiya i Evropeiskii soyuz: ryba i banki [Iceland and the European Union: fish and banks], *Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences Analytical papers*, No. 6. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an6.pdf> (In Russian).

Babynina L.O. (2016) Znachenie Brexit dlya Evropeiskogo soyuza [The meaning of Brexit for the EU], *Contemporary Europe*, 70(4), pp. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope420162133> (In Russian).

Kolomin V.O. (2022) Obshchaya rybolovnaya politika ES skvoz' prizmu kontseptsii mnogourovnevnogo upravleniya [Common Fisheries Policy of the EU through the Lens of Multi-Level Governance Framework], *Lomonosov World Politics Journal*, 14(1), pp. 151–174. DOI: <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2022-14-1-151-174> (In Russian).

Moiseeva D. (2020) «Repatriatsiya» rybolovnoi politiki: sluchai Velikobritanii [“Repatriation” of Fisheries Policy: the United Kingdom Case], *Contemporary Europe*, 97(4), pp. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.15211/soveurope42020112122> (In Russian).

Rudenkova D. (2015) «Rybnye voyny» s uchastiem Evropeiskogo soyuza [The European Union “Fish Wars”], *World Economy and International Relations*, 6, pp. 71–81. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2015-6-71-81> (In Russian).

Entin K.V. (2015) *Pravo Evropeiskogo soyuza i praktika Suda Evropeiskogo soyuza* [The law of the European Union and the practice of the Court of Justice of the European Union]. Norma, INFRA-M, Moscow, Russia. (In Russian).

Bossche K. (2005) EU Enlargements and Fisheries: a Legal Analysis Steps Towards the Re-Nationalisation of EU Maritime Waters, *Jurisprudencija*, 72 (64), pp. 124–136.

Carpenter G. (2017) *Not in the Same Boat: the Economic Impact of Brexit Across UK Fishing Fleets*. URL: <https://neweconomics.org/uploads/files/Not-in-the-Same-Boat-PDF.pdf> (accessed: 06.04.2023).

Carpenter G., Kleinjans R., Villasante S., O’Leary B.C. (2016). Landing the blame: The influence of EU Member States on quota setting, *Marine Policy*, 64, pp. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.marpol.2015.11.001>

Charles A.T. (1992) Fishery conflicts, *Marine Policy*, 16(5), pp. 379–393. DOI: [https://doi.org/10.1016/0308-597X\(92\)90006-B](https://doi.org/10.1016/0308-597X(92)90006-B)

Connolly J., Zwet A. van der Huggins C., McAngus C. (2022) The governance capacities of Brexit from a Scottish perspective: The case of fisheries policy, *Public Policy and Administration*, 37(3), pp. 342–362. DOI: <https://doi.org/10.1177/0952076720936328>

Echebarria Fernández J., Johansson T.M., Skinner J.A., Lennan M. (2022) *Fisheries and the Law in Europe*, Routledge, London, UK. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003252481>

Gray T.S. (1998) Fishing and Fairness: the Justice of the Common Fisheries Policy, in *The Politics of Fishing*, Palgrave Macmillan, London, UK, pp. 228–250. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-349-26775-0_15

Grotius H. (2001) *The Freedom of the Seas, or the Right Which Belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. The Lawbook Exchange.

Huggins C., Connolly J., McAngus C., van der Zwet A. (2020) Brexit and the Uncertain Future of Fisheries Policy in the United Kingdom: Political and Governance Challenges, *Ocean Yearbook Online*, 34(1), pp. 20–42. DOI: https://doi.org/10.1163/9789004426214_003

Jóhannesson G.T. (2004) How “cod war” came: the origins of the Anglo-Icelandic fisheries dispute, 1958–1961, *Historical Research*, 77(198), pp. 543–574. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2281.2004.00222.x>

Napier I. (2016) Fish Landings from the United Kingdom’s Exclusive Economic Zone: by area, nationality and species, *NAFC Marine Centre*. URL: <https://pure.uhi.ac.uk/en/publications/fish-landings-from-the-united-kingdoms-exclusive-economic-zone-by> (accessed: 06.04.2023).

Penas Lado E. (2016) *The Common Fisheries Policy: The Quest for Sustainability*, Wiley-Blackwell.

Schatz V. (2019) Access to Fisheries in the United Kingdom’s Territorial Sea after its Withdrawal from the European Union: A European and International Law Perspective, *Goettingen Journal of International Law*, 9(3), pp. 457–500. DOI: <https://doi.org/10.3249/1868-1581-9-3-schatz>

Sobrino Heredia J.M. (2017) *Research for PECH Committee – Common Fisheries Policy and BREXIT - Legal framework for governance*, European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels, Belgium. DOI: 10.2861/621765

Vieira M.B. (2003) Mare Liberum vs. Mare Clausum: Grotius, Freitas, and Selden’s Debate on Dominion over the Seas, *Journal of the History of Ideas*, 64(3), pp. 361–377. DOI: <https://doi.org/10.1353/jhi.2003.0043>

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

